

В.А.Бондаренко

ДОЛГОЕ ЭХО ВЫСТРЕЛА

Эльбрус * Саратов

1990 * 2023

Начальнику УВД Нежинского облисполкома генерал-майору милиции Кудрявцеву В. А.

Рапорт

Докладываю, что 27 ноября 1984 года при задержании Энверова, находившегося во всесоюзном розыске за вооруженное разбойное нападение и оказавшего вооруженное сопротивление, мной применено табельное оружие. Преступник ранен. Приняты меры оказания ему медицинской помощи. Израсходовано два боевых патрона. Оставшиеся сданы с пистолетом дежурному УВД капитану Давыдову.

Старший оперуполномоченный ОУР Советского РОВД старший лейтенант А. Б. Борисов.

Этот день для Анатолия не заладился с самого утра. Чуть не проспал на работу. По пути на службу встретилась Грачиха, известная половине жителей райцентра своим скандальным характером и вечными притязаниями к соседям. Остановив его посреди дороги, она в очередной раз жаловалась на соседа, который лет десять назад, по её мнению, близко от межевой черты выстроил свой сарай. Несмотря на заключение районного архитектора об отсутствии нарушений, Грачиха ежегодно обращалась с жалобами во все районные организации. В это утро, когда времени до начала оперативки оставалось совсем мало, она, как назло, повстречалась Борисову. И казалось, умышленно делала все, чтобы он опоздал на службу. Такого он себе позволить не мог.

Еле сдерживаясь, чтобы не вспылить, Анатолий, направляясь вместе с женщиной в сторону райотдела, официальным тоном предложил:

– Гражданка Грачева, со всеми своими притязаниями к соседу обратитесь, пожалуйста, в дежурную часть.

В кабинет начальника райотдела Борисов влетел перед тем, как тот предоставил слово дежурному для информации о происшествиях. За минувшие сутки: их было немного. Пропала телка. В Тихозаводской, по неизвестно кем для этой поры года заведенной традиции, украли десятка два кроликов. Неизвестные ночью крутились около магазина на окраине райцентра. Но после окрика сторожа разбежались в разные стороны. По всему району набралось еще пяток мелких хулиганов да около десятка пьяниц в вытрезвителе.

На участке Борисова происшествий не было. И это показалось

ему чем-то вроде светлого пятна на фоне неважно начавшегося дня. Он немного успокоился и, присутствуя на оперативке, уже не очень слушал доклад дежурного, размышляя о том, что завтра истекает срок проверки заявления Журавлева о его избииении Алферовым и еще двумя неизвестными парнями. Их знал Воронов, недавно вернувшийся из колонии и тут же отправившийся на лечение в областной туберкулезный диспансер. Надежды на то, что Воронов назовет неизвестных, было очень мало. Но его фамилия промелькнула в одном из объяснений. И теперь без того, что он скажет или не скажет по существу той драки, ни начальник РОВД, ни прокурор материал не будут рассматривать. Поездка в тубдиспансер была неизбежной.

Через двадцать минут после оперативки Анатолий не без труда выпросил у начальника угрозыска единственный полуразбитый уазик и сразу выехал в Нежинск. Путь был неблизкий, и он думал по дороге собраться с мыслями по поводу предстоящего разговора с Вороновым. Особого удовольствия от этого он не испытывал. Но такова уж судьба сыщика: хочешь не хочешь, а приходится общаться отнюдь не с лучшими представителями человечества. Воронова Анатолий знал. Был тот долговяз, с прыщавым неприятным лицом, грубым, прокуренным и испитым голосом. Развязен. Временами просто нагл. При совершении преступлений – до крайности дерзок и жесток. Услышать от него правду по поводу самого малого криминального события было совершенно безнадежным делом. Даже взятый с поличным патрулями милиции на последнем своем преступлении, он вчистую отрицал причастность к ограблению. Отказался давать показания следователю, на каждый вопрос которого однообразно шипел:

– Шьёш-шь, начальник!

Так и пошло дело в суд без его показаний. И суд на основании опознания потерпевших – парня и девушки, очных ставок с ними да показаний задержавших Воронова милиционеров за попытку ограбления определил ему пять лет лишения свободы в колонии усиленного режима.

Выслушав приговор, выходя из зала под конвоем, Воронов бросил в сторону потерпевшего замутненный злобой взгляд и прохрипел:

– До скорого свиданьица!

Услышав это, парнишка весь сжался.

Анатолий, в то время только что переведенный в районный уголовный розыск из роты патрульно-постовой службы областного центра, по заданию начальника присутствовал на суде, все это видел и слышал. Желая поддержать потерпевшего, он положил ему руку на плечо и сказал:

– Не бойся, парень. Будет ли свиданьице-то? Ему еще до него дожить надо.

Вздрогнувший от неожиданно оказавшейся на его плече чужой руки, парень сразу как-то обрел уверенность в себе и взглядом поблагодарил Анатолия за поддержку.

Года три спустя Анатолий случайно увидел его в сквере у Дома культуры: сидя на скамейке, парень читал книгу, слегка покачивая свободной рукой коляску со спящим ребенком.

Анатолий удовлетворенно подумал: «Не подоспей тогда вовремя наши, большой вопрос – остался бы в живых этот молодой отец семейства. А так вот сидит себе живой и здоровый».

В уазике было холодно, печка еле-еле давала тепло, по кабине гулял ветер, резко пахло бензином, на ухабах заметно потряхивало, непрерывно громыхал металлический кузов.

Шофер, удерживая на выбоинах баранку, поругивал начальство за машину, которую в любом колхозе давно бы списали, а тут приходится на таком старье гоняться за преступниками. По-своему оценивая неудачи тех, кого он возил по делам службы, водитель резонно полагал, что многие из них обусловлены отсутствием хорошего транспорта в угрозыске. Об этой его позиции в райотделе знали все, глубоко сочувствовали ему и себе. Иногда подтрунивали над ним за его многолетние бесплодные рассуждения.

Но сегодня Анатолию было не до этого. Испорченное с утра настроение не располагало к разговору. И он, молча, слушал шофера, не вступая с ним в беседу. Не получив поддержки, водитель внимательнее обычного глядел вперед. В низинах стал накапливаться туман, видимость на дороге заметно ухудшилась.

До Нежинска оставалось около получаса езды. Анатолий почувствовал, что у него начали зябнуть ноги. Попытался хоть как-то согреть их у печки, но в кабине гулял ветер, тепла не было.

Почему-то вновь вспомнил утреннюю суету дома, перед уходом на работу, и брошенные ему вдогонку слова Джамили:

– Не задерживайся на работе. Нас ждут сегодня родители, у отца день рождения. Не забудь. О подарке я позаботилась.

Казалось, ничего особенного не сказала ему жена. Но Анатолий уже заметил ставшую роковой закономерность. Стоило ей попросить его не задерживаться на работе, как в конце дня обязательно что-то случалось. И вместо того, чтобы не задерживаться, он нередко возвращался домой за полночь, а иногда и под утро. Часто о задержке в таких случаях не успевал даже предупредить по телефону. На этой почве иногда возникали размолвки. И Анатолий чувствовал себя в какой-то мере виноватым перед женой, хотя понимал, что происходящее от него не зависит. Казалось, понимала и она. И ему как-то особенно остро захотелось, чтобы сегодня почти устоявшаяся закономерность была нарушена.

Из-за поворота показалось здание тубдиспансера. Современное, светлых тонов, пятиэтажное, оно заметно выделялось на фоне потерявших листву, почерневших к зиме деревьев.

Оставив узик у распахнутых настежь ворот, Анатолий по аллее направился к зданию на ходу окончательно формулируя в уме вопросы к тому, с кем предстояла встреча. На территории с извилистыми асфальтированными аллеями до самого корпуса никто не встретился. «Обычное дело, – подумалось ему, – больным людям в такую погоду не до прогулок». Однако, завернув за угол здания, на скамейках, стоявших напротив центрального входа в корпус, он увидел несколько групп молодежи, оживленно беседующих между собой, и стоявшую неподалеку от них «Волгу» с красными крестами на дверцах.

Подойдя ближе, на одной из скамеек узнал Светлану Фирсову. Она была достаточно известна милиции. И то, что Фирсова сегодня оказалась здесь, насторожило Анатолия. Подойдя к скамейке, где кроме нее сидели еще две девушки и парень, он поздоровался со всеми и, обращаясь к Светлане, больше для завязки разговора, нежели из любезности, спросил:

– Не заболела ли?

С большой неохотой Фирсова буркнула:

– Нет, подругу приехала поведать.

Анатолий увидел, как на соседней скамейке парень в светлой куртке и джинсах слегка придвинулся к сидевшему рядом с ним долговязому приятелю и сжался, как будто приготовился к прыжку. Анатолий уже было направился к входу в здание, и в это мгновение его осенила мысль: «Да ведь это Кукушка! Кто бы мог подумать!»

Демонстративно медленно, чтобы преждевременно не спугнуть парня, Анатолий повернулся к нему и почти дружелюбно произнес:

– Кукушка, иди-ка сюда. Давненько я тебя ищу. Какая встреча!

Поняв, что попался, заранее готовый к прыжку, парень сорвался со скамьи, бросился к ближайшему углу здания и на бегу не своим голосом заорал:

– Стреляй, Шайтан, это мент, стреляй!

Еще не полностью сознавая, что происходит, скорее инстинктивно, Анатолий побежал вслед за ним, на ходу доставая пистолет. Кукушка мчался, держа правую руку в кармане куртки. Внезапно, резко остановившись, он метнул что-то сверкнувшее в сторону своего преследователя. Анатолий почувствовал, что нож буквально просвистел рядом с ухом. Продолжая преследовать убегающего, он дослал патрон в патронник и, как учили, крикнул:

– Стой, стрелять буду!

На Кукушку это не подействовало. Он лишь, задыхаясь от бега, взвыл еще раз:

– Шайтан, стреляй же.

Сам ожидая выстрела, он попытался правой рукой достать что-то из внутреннего кармана куртки, виляя на бегу из стороны в сторону. Анатолий выстрелил вверх. Стрелять в человека Анатолию не приходилось. От одной мысли, что надо сейчас это сделать, у него по спине пробежали мурашки. Уходил опасный преступник, он обязан его задержать. Оценив ситуацию, Анатолий понял, что еще немного – и Кукушка достигнет густого кустарника. За ним – забор, дальше – лесопосадки. Но почему он судорожно сует руку в карман куртки? «Пистолет!» – мелькнула мысль. Да, ведь тогда у Кукушки на Верхних Озерах был пистолет. И ему сейчас только добежать до любого укрытия, хоть до кустов. И тогда, оказавшись невидимым для других, можно будет стрелять в Анатолия. И чем закончится эта дуэль – неизвестно. Во всяком случае, отстреливаясь, он легче уйдет от преследования. Мгновенно пришло решение: стрелять по ногам. Такого предписания инструкция не содержит. Но стреляют обычно в ноги. Это лишает преступника возможности убежать, сохраняет ему жизнь и отдает живым в руки правосудия. Все это Анатолий услышал от «стариков» еще в первые месяцы своей службы в милиции. А сейчас надо было действовать. В этот момент он сначала почувствовал, а затем увидел,

что в нескольких метрах справа от него бегут еще двое из тех, что сидели на соседней с Кукушкой скамейке. Их видел и Кукушка. Почувствовав поддержку, на бегу обернувшись к Анатолию, он с перекошенным от злобы лицом, прохрипел:

– Отстань, мент, убью!

Один из бежавших справа, следуя примеру дружка, провизжал:

– Отстань, мент, порешу!

До кустов оставалось несколько метров. Кукушка еще раз сделал попытку что-то достать из кармана. «Пытается достать пистолет, – подумал Анатолий. – Надо стрелять». И, остановившись, прицелился в ноги. Кукушка, словно спиной почувствовав выстрел, резко присел одновременно с нажатием на спуск пистолета. Раздался выстрел. Против ожидания, Кукушка сразу выпрямился и, повернувшись к Анатолию, сделал несколько шагов ему навстречу, извергая поток брани, вперемежку с угрозами. И здесь Анатолий заметил, что сквозь пальцы правой руки, которой Кукушка держался за бок, сочится кровь. Подбежавшие дружки подхватили его под руки. Подоспели еще несколько человек из тех, что сидели на скамейке у входа в тубдиспансер. Они молча стеной надвигались на Анатолия.

Подняв пистолет, как можно спокойнее он произнес:

– Я старший лейтенант милиции, ранил преступника, срочно вызовите врача. Не подходите, буду стрелять!

Лицо Кукушки заметно бледнело, на лбу выступил пот. Почти неповинуящимися губами он прошептал державшим его дружкам: «Возьмите... в кармане» – и указал им кивком головы на карман, из которого за мгновение до выстрела пытался что-то достать.

В окружении нескольких человек, явно враждебно к нему настроенных, Анатолий не находил возможности обыскать карманы Кукушки. От этой беспомощности ему стало не по себе. «Как доказывать правомерность применения оружия?» – сверлила мысль. В правой руке он держал пистолет, в левой – папку с документами, которые на обратном пути должен был сдать в отдел уголовного розыска Управления внутренних дел.

Но была еще одна возможность: заставив дружков в его присутствии отнести Кукушку в тубдиспансер, передать в руки врачей и там с их помощью извлечь пистолет. Однако никто не бежал за врачом. Они не спешили нести раненого в корпус. Между

тем Кукушка, как показалось Анатолию, потерял сознание: ноги его подкашивались, глаза были закрыты, лицо еще больше осунулось, со лба струился пот. Теперь он лишь тихо постанывал. Решительно раздвинув живую стену окружающих его людей, Анатолий сам бросился к зданию тубдиспансера на поиски врачей.

Валерий Николаевич Борзов, закончив рабочий день, поднялся со стула, чтобы снять халат и отправиться домой. Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге кабинета он увидел явно взволнованного невысокого роста, коренастого, смуглолицего парня, который на одном дыхании выкрикнул:

– Там раненый, срочно нужна помощь!

С этими словами он выбежал из кабинета. Борзов последовал за ним. По пути в одном из кабинетов схватил носилки, и почти бегом они вместе выскочили из здания.

Забежав за угол, Анатолий не поверил своим глазам. На месте, где несколько минут назад находился оставленный им раненый Кукушка с дружками, никого не было. Борзов странно посмотрел на Анатолия, который, ничего не понимая, только недоуменно пожал плечами и побежал к противоположному углу здания. Доктор, держа в руках носилки, последовал за ним.

Стремительно выскочив из-за угла, оба увидели необычную картину. На заднее сиденье стоявшей раньше у входа в диспансер «Волги» двое дружков пытались усадить раненого Кукушку, а остальные, перебивая друг друга, упрашивали, водителя отвезти его куда-нибудь, хотя бы до первой автобусной остановки. Водитель, явно растерянный, не понимал, почему раненого человека от лечебного учреждения, вместо оказания ему помощи там, надо куда-то отвозить. На его лице читалось недоумение.

Увидев Анатолия и мужчину в белом халате с носилками, дружки бросились в разные стороны. Анатолий подхватил Кукушку и вместе с Борзовым и водителем уложил его на носилки.

В сопровождении врача Анатолий с водителем донесли носилки до лифта, подняли на третий этаж. У входа в операционную их встретили сестры и другие врачи. В отделении сгрудились больные. Анатолии медленно повернулся и начал спускаться вниз по лестнице. Пройдя несколько ступенек, он почувствовал мелкую дрожь во всем теле, неведомую ему раньше слабость в ногах и сладковатый привкус во рту.

Медленно бредя по аллее в сторону ворот, где он оставил ма-

шину, Анатолий пытался осмыслить случившееся. «Да, я пытался задержать опасного преступника, который больше двух лет скрывался от правосудия, находясь во всесоюзном розыске. Попытка оказалась неудачной. Пришлось применить оружие. Если он выживет – все обойдется. Если нет – будут неприятности, разбирательство, служебное расследование, а может быть, и следствие. Чем все это кончится? Наверное, на время следствия отстранят от работы, а может быть, и уволят. Как все это воспримут товарищи по работе, жена?» Настроение заметно ухудшилось, возникло состояние тревоги, растерянности и незащищенности. У ворот, подводя итог своим размышлениям, Анатолий заключил: «Иначе было нельзя. Оружие применено правомерно».

II

*** В дежурную часть Управления*

внутренних дел

Телефонограмма

27 ноября 1984 года в 15 час. 17 мин. с территории областного тубдиспансера доставлен Энверов М. З., 22 лет, с огнестрельным ранением в область печени, который во время операции в 15 час. 47 мин. скончался.

Зав. главного врача В. Н. Борзов.

Оперативный дежурный областного Управления внутренних дел капитан Давыдов, выслушав по телефону поступившее из тубдиспансера сообщение, не успел положить трубку, как в дверях показался человек. По выражению его лица было видно, что он хочет что-то сказать. Сделав несколько шагов к столу дежурного, незнакомец негромко представился:

– Старший лейтенант милиции Борисов, старший оперуполномоченный уголовного розыска Советского РОВД. Докладываю, что примерно сорок минут назад на территории областного тубдиспансера мною при задержании опасного преступника Энверова применено табельное оружие. В результате он ранен. Приняты меры к оказанию ему медицинской помощи. Израсходовано два боевых патрона. Пистолет и оставшиеся патроны сдаю вам. Прошу организовать выезд оперативно-следственной группы.

Предложив представить рапорт о случившемся, Давыдов по прямой связи доложил начальнику управления, выслушал его

указания и, ответив: «Есть», приступил к работе.

Через несколько минут в оперативной машине к зданию районной прокуратуры уже мчались судебный медик, криминалист, начальник инспекции по личному составу.

На помощь прибывшей на место происшествия оперативной группе Ленинского РОВД спешила оперативная группа уголовного розыска управления во главе с заместителем начальника отдела Михальковым.

Положив рапорт на стол Давыдова, сохраняя внешне спокойствие, Борисов спросил:

– Разрешите выехать на место для оказания помощи оперативной группе в установлении очевидцев случившегося и участия в осмотре места происшествия?

Он был глубоко убежден, что его место сейчас только там. Никто другой не мог быстро и точно показать на месте, как все произошло, кто где находился, чем была вызвана необходимость применения оружия. И, высказав свое предложение дежурному, Анатолий смотрел на него с надеждой, ожидая решения.

Давыдов явно медлил.

Анатолий уже было решился на самовольный уход, но в это время раздался резкий звонок телефона.

Быстро подняв трубку, Давыдов ответил:

– Ясно.– И, взглянув на нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу Анатолия, еще не положив трубку на рычаг, продолжил: – Поезжай, ты на месте понадобился прокурору,

Выйдя из управления, Борисов увидел только что подъехавшего к стоянке на личных «Жигулях» капитана Ефремова, которого знал по совместным делам, работая в областном центре. Подбежав к нему, Анатолий объяснил ситуацию и попросил подбросить до тубдиспансера. Без особого удовольствия Ефремов ответил:

– Садись.

В дороге Анатолий перебирал в памяти детали случившегося, пытался расставить все по местам. Получилось все как-то нескладно. И хотя мозг, казалось, работал четко, полной картины происшедшего все-таки не получалось. Так, отдельные фрагменты. Он чувствовал, что сильно волнуется. И это мешало ему сосредоточиться. «На месте все прояснится», – подумал он, подъезжая вторично за день к одним и тем же воротам. Бросив на ходу: «Спасибо», Анатолий быстрым шагом направился к месту

происшествия. Здесь полным ходом шла обычная в таких случаях работа. В подобных мероприятиях ему не раз приходилось участвовать самому.

Следователь прокуратуры Арбузов уже нарисовал вчерне схему места происшествия и делал наброски протокола осмотра, едва успевая записывать под диктовку криминалиста. В стороне, рядом с понятими, на земле стояла его обшарпанная сумка с набором необходимых для таких случаев криминалистических средств. Самым ценным из них, пожалуй, был давно вышедший из моды фотоаппарат «ФЭД» со вспышкой.

Оперативники, вероятно, пытались обнаружить нож, брошенный Кукушкой в своего преследователя, прочесывали местность по пути погони за ним, постепенно расширяя полосу поиска. Некоторые из них были видны уже в лесопосадках, рассчитывая там обнаружить хоть какие-нибудь имеющие отношение к делу доказательства, осматривали ближайшие кусты.

Прокурор Ипатьева, крупная, средних лет женщина, с властным, не всегда уравновешенным характером, покрикивала на оперативников:

– Пошевеливайтесь, смотрите внимательно, нож должен быть!

Отыскав взглядом Михалькова, Анатолий подошел к нему и тихо, стараясь не привлекать внимания других, представился. Сочувственно поглядев на него, Михальков подвел его к Ипатьевой. Не удостоив его взглядом, на ходу бросив: «Пойдем», она подошла к понятим, окликнув Арбузова. Следом за ним пошел и Михальков.

Когда все собрались, Ипатьева не терпящим возражений тоном объявила:

– Покажи, где ты с ним встретился, куда он затем побежал, с какого места произвел предупредительный выстрел, откуда он метнул в тебя нож, где он находился, когда ты открыл огонь на поражение, и где оставил убитого, когда побежал за врачами.

Выслушав вопросы, Анатолий удивился ее осведомленности, некоторой бесцеремонности и какой-то специфической, почти военной терминологии. Но сильнее всего его удивили сказанные ею с явным пренебрежением, если не больше, слова «огонь на поражение» и «оставил убитого». «Значит, – подумал он, – Кукушка мертв». От этой мысли ему, в который раз сегодня, стало не по себе.

Пытаясь скрыть волнение, не желая при таком повороте событий излишне осложнять и без того оказавшееся далеко не простым свое положение, он молча пошел к углу здания. Все остальные двинулись за ним. Уже заворачивая за угол, он заметил, как криминалист медленным шагом двигался от своей сумки, что-то таща за собой на веревке. «Металлоискатель, будет искать нож, в этом мое спасение», – благодарно подумал Анатолий.

Начинало темнеть. Усилием воли заставив себя собраться, Анатолий, как ему казалось, спокойно, начиная от скамейки, второй раз за день проследовал этот совсем не длинный путь, обозначив кратким рассказом каждое место, определенное вопросами прокурора.

Следом за ним энергично прошагали этот путь Ипатьева с Михальковым. Арбузов особо тщательно записывал на остановках то, что говорил Анатолий. Позади них понуро брели понятия, мужчина и женщина, время от времени бросавшие хмурые взгляды на теперь уже известного им виновника их участия в этом совсем не приятном для них деле.

Между тем совсем стемнело и заметно похолодало. Из лесопосадок и с территории диспансера стали собираться сотрудники, участвовавшие в осмотре и проческе местности. Продрогшие и усталые, они подходили к месту сбора.

Никаких следов, за исключением нескольких капель крови на месте ранения Кукушки и двух стреляных гильз, обнаружить не удалось. Последним из лесопосадки появился кинолог Теплов. От него поднимался легкий парок, рядом брела собака.

Еще не выслушав доклада кинолога, только по виду собаки Михальков догадался, что и ему ничего существенного для дела обнаружить не удалось. Доклад Теплова только подтвердил это.

От бесплодности поисков настроение у всех было подавленным, Особенно неуютно чувствовал себя Анатолий. Чтобы своим присутствием не сковывать тех, кто оценивал

полученные при осмотре данные, он медленно отошел в сторону. Стоя в отдалении, про себя отметил, что неудачный осмотр места происшествия как будто добавил энтузиазма прокурору. Размахивая руками, она давала какие-то указания всем молча сгрудившимся вокруг нее сотрудникам. И только Михальков время от времени согласно кивал головой.

В этот момент Анатолий заметил, что среди собравшихся нет

судмедэксперта. Стало ясно, что он занимается своим делом в морге, здесь ему нечего было делать. От этого настроение еще больше ухудшилось.

Между тем Ипатьева тоном, не терпящим возражений, распоряжалась:

– Для охраны места происшествия на ночь выставить наряд милиции! Предусмотреть охрану здания морга! Труп без разрешения следователя родственникам не выдавать! Арбузов, берите Борисова в нашу машину, поедem в прокуратуру! Михальков, с рассветом начнем повторный осмотр! Обеспечьте побольше людей. Участие криминалистов обязательно! Понятых доставьте в прокуратуру! Действуйте!

Оборвав на этом свои указания, она быстрым шагом направилась к стоявшим неподалеку прокурорским «Жигулям».

Подошедшие к машине следом за ней Арбузов и Борисов едва успели сесть в кабину, как она отрывисто бросила шоферу:

– В прокуратуру!

В окнах прокуратуры уже было темно. Открыв ключом входную дверь, Ипатьева включила свет, прошла в свой кабинет, на ходу бросив Арбузову:

– Заходите!

Когда Арбузов вошел в кабинет прокурора, Ипатьева уже восседала в сувоем кресле, заметно возвышаясь над столом.

Оставшись за порогом прокурорского кабинета, Борисов подумал: «При летальном исходе с Кукушкой иметь дело с этим прокурором будет нелегко. Тем более что нож пока не найден. Да и кто подтвердит, что у убитого мог быть пистолет?»

Устроившись поудобнее в кресле, обращаясь к Арбузову, Ипатьева все тем же тоном продолжала:

– Получи с него объяснение. Пусть все изложит как можно подробнее у тебя в кабинете. Возникнут вопросы – заходи. Я у себя. Да, дай ему возможность все изложить самому письменно. Покажешь мне. Уточняющие вопросы сформулируем вместе.

Анатолий, изложив все по порядку, протянул три исписанных листа Арбузову. Прочитав их, он встал и вышел из кабинета.

Посмотрев на часы, Анатолий удивился: стрелки на часах показывали начало десятого. Последний автобус в Советский ушел без десяти одиннадцать. С досадой вспомнив о дне рождения тестя, он с горечью подумал, что едва ли сегодня успеет его по-

здравить. Снова есть повод к размолвке с женой. Да и тесть может обидеться.

Вышел Арбузов и задал два вопроса. Они имели значение для дела и могли повлиять на дальнейшую судьбу Анатолия. Это он уловил сразу.

Будничным голосом он спросил:

– Действительно ли погибший бросил в вас нож? Откуда вам известно, что у него был пистолет?

Анатолий, не задумываясь, ответил:

– Я отчетливо видел, как на бегу, вынув из внешнего кармана куртки правую руку, он, резко остановившись, профессионально метнул в меня продолговатый предмет, похожий на нож. Он был двух цветов: коричневого – ручки и хромированного – лезвия. Пролетел мимо моей головы сантиметрах в десяти – пятнадцати.

Записав, Арбузов продолжил:

– Зачем после этого было стрелять, ведь вашей жизни опасность уже не угрожала. Наконец, вы могли просто доткать его. Почему вы этого не сделали?

Анатолий ответил:

– Догнать я его не мог, он бежал быстрее меня. К тому же в левой руке у меня находилась папка со служебными документами, я не имел права её бросить, а она мешала мне бежать в полную силу. Непосредственно перед выстрелом метрах в десяти справа от себя я увидел еще двоих, бегущих параллельно со мной. Один из них уже начал угрожать мне, заявляя: «Отстань, мент, порешу!» Один против троих без применения оружия я бы не смог задержать его. Поэтому решил выстрелить, чтобы ранить его и таким образом задержать. Думаю, что в этой ситуации пределы необходимой обороны я не превысил.

– А как с пистолетом? – напомнил Арбузов.

– Пистолета я у него действительно не видел, но, бросив в меня нож и продолжая убежать, он сделал несколько попыток правой рукой достать что-то из внутреннего кармана куртки. Думая, что бы у него могло быть в кармане, я вспомнил, что при разбойном нападении на Ульянова в районе Верхних Озер, он парализовал его сопротивление тем, что дважды выстрелил из пистолета. После этого вывернул у него карманы, забрал триста рублей, снял с руки часы «Электроника» и ушел. Кроме того, в райцентре постепенно слышались упреки жителей в адрес милиции о том, что

она бессильна против вооруженного преступника, гуляющего на свободе более двух лет. При объявлении Кукушки во всесоюзный розыск в ориентировке, кажется, было сказано: «Вооружен, при задержании может оказать сопротивление». Могу добавить, что после его ранения он сказал своим друзьям: «Возьмите... в кармане» – и кивком головы указал на внутренний левый карман куртки. Не исключаю, что пистолет был именно там ¹.

Ухмыльнувшись, Арбузов спросил:

– Почему не проверили карманы его куртки, если предполагали, что там может быть оружие?

– Я не мог этого сделать по ряду причин. Во-первых, к месту происшествия прибежали все сидевшие на скамейках у входа в диспансер. И я чувствовал, что они воспрепятствуют этому. Во-вторых, я видел, что он ранен и нуждается в оказании медицинской помощи. На мои просьбы позвать врачей никто из окружающих меня не отреагировал. Видя, что он теряет сознание, вынужден был сам бежать за врачами.

– И последний вопрос на сегодня. Что вы можете сказать о личности погибшего?

– Я знаю его лишь по материалам дела о розыске. Проучившись семь лет, школу бросил, часто уходил из дома, бродяжничал, совершал мелкие кражи, состоял на учете в милиции. В шестнадцать лет был впервые осужден за серию квартирных краж в областном центре. Освободился через полтора года. Был трудоустроен в лесхоз, однако, не проработав двух месяцев, работу бросил и у родителей появлялся лишь изредка. А после разбоя на Озерах исчез вообще и около двух лет находился во всесоюзном розыске. По непроверенным данным, в это время был без определенных занятий и места жительства.

Перечитав все, что написал собственноручно, и свои ответы на поставленные Арбузовым вопросы, Анатолий подписал каждый лист и, горько усмехнувшись, вопросительно посмотрел на него.

– Свободен, до свиданья, – сухо произнес Арбузов.

Часа за три до этого в кабинете начальника УВД области генерал Кудрявцев принимал только что возвратившихся с осмотра места происшествия заместителя начальника областного угрозыска Михалькова и начальника инспекции майора Тараканова. Внимательно выслушав их, задав вопросы, уточняющие обстоятельства, и получив ответы на них, генерал, нахмурившись, как

будто забыв об их присутствии, несколько минут задумчиво смотрел в окно. За его плечами было более тридцати лет милицмейской службы. Начал с рядового следователя столичной милиции. Затем по доброй воле перешел в уголовный розыск, отдал ему немало лет жизни, исколесил полстраны, не отказываясь от предлагаемых ему назначений. До приезда в Нежинск несколько лет служил в центральном аппарате МВД страны.

За годы работы в милиции перевидел всякое. И применение оружия сотрудниками против преступника было не первым в его жизни случаем. Хотя самому стрелять в человека никогда не случалось, на грани же применения оружия приходилось бывать неоднократно. И всякий раз, не нажав на спуск пистолета и задержав преступника целёхоньким, он испытывал чувство удовлетворения.

Особенно запомнился первый в жизни случай, когда направил пистолет в упор на преступников, и, окажи те сопротивление, он готов был нажать на спуск. Задержаны они были с поличным. В спокойно произнесенной команде «Руки вверх!» было столько уверенности и твердости, что двое верзил послушно подняли руки. Ощупав одежду задержанных и убедившись, что они безоружны, по безлюдным улицам Москвы, пешком доставил их дежурному по отделению милиции. Доложил по телефону о выполнении задания начальнику и, получив добро на отдых, с первым троллейбусом уехал домой. Но, проведя бессонную ночь в засаде, уснуть дома никак не мог. Когда много лет спустя пытался понять, почему сон так и не пришел к нему в тот день, неизбежно приходил к одному и тому же выводу: перенервничал уже после всего, по пути домой, от сознания того, что, сделай эти двое хоть одно резкое движение, он мог их просто-напросто убить. Последствия этого и сейчас трудно себе представить. В те времена институт необходимой обороны практически не действовал.

Сейчас те события давно минувших дней уже в который раз за годы службы промелькнули в его памяти.

Обведя присутствующих усталым взглядом, он медленно придвинул к себе рапорт Борисова о происшествии и разборчиво начертал на нем резолюцию: «Тт. Михалькову Ю. И. и Тараканову М. Б. в 5-дневный срок провести служебное расследование. Заключение с выводами доложить. Начальнику дежурной части немедленно направить информацию в МВД СССР. В. Кудрявцев».

Когда за ушедшими закрылась дверь, про себя подумал о Борисове: «Этому парню предстоят серьезные испытания». Подумав так, он снял телефонную трубку и набрал номер прокурора области. Абонент не отвечал. По домашнему телефону ответили сразу. Женский голос произнес: «Витя, тебя».

– Слушаю, Стадник, – пророкотал в трубке знакомый голос.

Кудрявцеву с первых слов стало понятно, что прокурор уже в курсе случившегося. В его голосе не чувствовалось тревоги. Он вел, казалось, обычный для него разговор в духе доброжелательности и понимания. И никакой тревоги, озабоченности. Это еще больше усилило беспокойство генерала и натолкнуло на мысль, что прокурор в курсе только в общих чертах. Детали он не знал. А возможно, не хотел опережать события. Условившись, что утром осмотр должен быть продолжен, и попрощавшись, генерал положил трубку. Беспокойство не покидало его.

Михальков и Тараканов приступили к служебному расследованию сразу же. Внимательно изучив содержание рапорта Борисова, они пришли к выводу о необходимости тщательного повторного осмотра территории диспансера с целью обнаружения ножа и опроса больных для выявления всех очевидцев. Особое внимание, по их мнению, следовало уделить изучению личности убитого, его связей, поиску брошенного им ножа и пистолета.

Чтобы уложиться в срок, определенный генералом, было решено в оперативную группу включить старшего оперуполномоченного областного угрозыска Шарапова. Он немедленно выехал в Советский.

Несмотря на поздний час, почти в каждом окне райотдела горел свет. Сотрудники находились на местах. В кабинете начальника райотдела майора Дудаева сидел начальник угрозыска. С появлением Шарапова они прервали разговор. Стало ясно, что им известно о случившемся с Борисовым. И разговор их был связан именно с этим событием. Вопросительно посмотрев на Шарапова, Дудаев спросил:

– Где Борисов, что с ним?

– Не знаю, до моего отъезда он находился в прокуратуре Ленинского района.

В кабинете возникла тягостная тишина. Вошел замполит Косарев и тихо сказал:

– Жена Борисова трижды звонила, беспокоится, что с мужем,

почему не звонит и не появляется. Я объяснил ей, что он находится на задании в областном центре, скоро должен появиться.

– Правильно, – ответил за всех Дудаев. – Нечего раньше времени семью тревожить. Подождем до утра. Если не приедет, выясним, что с ним, и тогда решим, как быть.

Всегда отличавшийся особой деловитостью, Шаранов прервал разговоры сослуживцев, заявив:

– Рано панихиду служить по Борису. Делом надо заниматься. Участковые на месте?

– Да, – ответил Дудйев.

– Объявите: «Участковым инспекторам и сотрудникам розыска собраться в Ленкомнате».

Через пять минут дежурный доложил:

– Оперативный состав уголовного розыска и участковые инспекторы – в Ленкомнате.

Шаранов, Дудаев и все остальные спустились вниз. В только что отремонтированной, еще пахнущей краской Ленкомнате при входе начальства раздалась команда: «Товарищи офицеры!» Все встали. Дудаев знаком руки показал, что можно садиться. Первым заговорил Шаранов:

– О чрезвычайном происшествии с Борисовым всем известно. Необходимо срочно провести ряд мероприятий. Через родителей, знакомых и других лиц, знавших Энверова, максимально установить круг его связей из числа молодежи, особенно тех, кто замечен в недобрых делах, имеет судимость и поддерживал с ним близкие отношения. Кто, когда, где и с кем видел его в последнее время? Когда и с кем он в последний раз появлялся в райцентре? Кто видел и может знать о наличии у него огнестрельного и холодного оружия? Доложить завтра к четырнадцати часам. Дело срочное, отлагательств не терпит. Кому что-либо уже известно, можно доложить сразу же после инструктажа.

В дверях появился дежурный. Все обернулись в его сторону, ожидая чего-то важного, имеющего отношение к тому, о чем только что говорил Шаранов.

– Вас просит к телефону подполковник Михальков из управления.

Слышимость была неважной, и Шаранов с трудом понял, что необходимо проверить, не появилась ли дома Фирсова Светлана. Если нет, то где она может находиться сейчас? Михальков требо-

вал, чтобы доклад о ней последовал не позже десяти утра.

Поставив задачу и спросив у руководителей, чем они могут дополнить сказанное им, Шаранов объявил:

– Все свободны. Жду доклада к установленному часу.

У кабинета Дудаева он увидел ожидавшего у дверей высоко-рослого, изрядно поседевшего капитана, который только что был среди находящихся на инструктаже в Ленкомнате.

– Участковый Гаврилов, – представился он, – обслуживаю территорию Ратниковского сельского Совета. Разрешите доложить известное мне об Энверове и его семье.

Зайдя следом за Шараповым в кабинет, Гаврилов продолжил:

– Отец и два брата Энверова имеют судимости... Отец – дважды, за кражи, братья – старший и следующий за Михаилом и сейчас отбывают наказание за квартирные кражи и грабежи. Самый младший служит в армии, где-то на Урале. Все холосты. Мать также привлекалась за спекуляцию. Но была осуждена условно, как имеющая малолетних детей. Отец сейчас работает скотником, часто пьет. Михаил после объявления его в розыск у родителей не появлялся. Но мне известно, что прошлым летом его видели в райцентре в компании Фирсовой Светланы и двух неизвестных парней. Все они были навеселе. Парни скорее всего не наши.

Борисов тогда сразу проверил эти сведения. Но задержать Энверова и установить тех парней не удалось. Имелись данные, что он употребляет наркотики, курит анашу. Ни с кем из односельчан отношений не поддерживал. Родители к его образу жизни и поступкам внешне безразличны. На вопросы о его местонахождении во время розыска односложно отвечали: «Не знаем». Если и знают кого-то из окружения сына – не назовут.

Шарапов, не перебивая, выслушал Гаврилова и, обращаясь к нему, сказал:

– И все-таки утром надо обязательно побывать у Энверовых. Выяснить, известно ли им о случившемся с сыном. Если да, то кто и когда сообщил. Когда и с кем он появлялся у них. Теперь, возможно, узнав, что он мертв, они могут что-нибудь прояснить. О сказанном мне доложите рапортом тотчас же. По остальным вопросам – завтра.

Когда дверь закрылась, Шарапов снял трубку телефона и набрал номер Михалькова. Трубку никто не брал. И только взглянув на перевалившие за полночь стрелки часов, сообразил, что тот

уже мог уйти домой.

Утром следующего дня Шарапов вышел из машины у дома Фирсовой. Встревоженная мать сразу поняла, что он из милиции. И, опережая его вопросы, глотая слезы, вздохнула начала рассказывать о дочери. Из сказанного ею он понял, что дочь уже около двух лет болтается неизвестно где, ведет ненормальный образ жизни. Изредка приезжает домой, чтобы взять что-то из одежды. Женщины-односельчанки не раз видели её в областном центре в сомнительных компаниях у ресторанов и гостиниц и всякий раз спешили сообщить ей об этом.

Выслушивая упреки матери при редких с ней встречах, Светка утверждала, что она работает и живет в общежитии в Нежинске. Но всячески уклонялась от ответов на вопросы, где и кем работает, и вразумительно не могла ответить, где живет. Чувствовалось, что она врет. А сил справиться с таким чадом у болезненной на вид женщины, видимо, уже не было. Несколько её попыток отыскать Светку в большом городе ни разу не увенчались успехом. Глядя на Шарапова все уже заплакавшими глазами, она со страхом в голосе спросила:

– Неужели что натворила?

– Да нет пока. А не приезжала ли она с кем-нибудь из ребят? Кого вообще из её друзей и подруг вы знаете?

– Здесь, в райцентре, ни с кем не дружит. И когда дружить-то, если она дома не живет. А вот летом приезжала. Забежала в дом, схватила блузку с юбкой, босоножки. И, не попрощавшись, не попрощавшись, выскочила. Выглянула в окно. А она с тремя парнями уже отходит от дома. Видела их только со спины. И раньше никогда не встречала. Одеты вроде прилично. Это, наверное, и есть её дружки-приятели. А кто они – не знаю.

Ровно в десять утра Шарапов рассказал об этом Михалькову по телефону и подготовил рапорт.

К двенадцати часам о проделанной работе доложили почти все участковые и оперативники.

Ничего интересного для дела узнать об Энверове и Фирсовой не удалось.

Около двух позвонил из Ратников Гаврилов:

– Дома у Энверовых никого нет. Двери на замке. Соседи сказали, что накануне вечером хозяев видели быстро шагающими к стоящему на остановке автобусу, идущему в райцентр.

«Не густо, – подумал Шаранов. – А Энверовым, судя по их спешному отъезду из дома, кто-то успел сообщить о случившемся».

С такими мыслями, на ходу попрощавшись с Дудаевым, он выехал в управление.

Накануне, поздней ночью, усталый и голодный, подходя к дому, в окне своей квартиры Анатолий заметил свет. В квартире же оказалось темно.

«Сделала вид, что давно и беззаботно спит», – подумал он о жене.

В темноте прошел на кухню, достал из холодильника колбасу и бутылку кефира, без аппетита пожевал, залпом выпил весь кефир, да так и остался сидеть. Спать не хотелось. В отяжелевшей голове было на удивление пусто, хотелось курить. И не было сил, чтобы подняться и взять в кармане куртки сигареты. Судя по всему, предстояла бессонная ночь.

Время тянулось до крайности медленно. Перед глазами время от времени отрывочно возникали события, пережитые вчера. Временами Анатолию казалось, что стрелять не стоило. Но как тогда объяснить, что был рядом с Кукушкой, а задержать не смог? Струсил? Или просто не захотел осложнять себе жизнь? Что можно было сказать своим товарищам? Любое объяснение было бы встречено ими настороженно, если не сказать – с недоверием. А что означает на его работе потеря доверия товарищей? Тогда просто надо уходить. С тобой не захотят работать, никто не согласится идти на операцию, особенно – связанную с риском. Тебя будут обходить или просто не замечать. А жизнь без работы в розыске он не считал жизнью. И как бы такой вариант был воспринят начальством? Вполне могло последовать заслуженное наказание. Но оно ни в какое сравнение не шло с недоверием к тебе товарищей по работе, с их презрением.

Была и другая сторона. Есть потерпевший от разбоя. И хотя он молчит, но ведь бесспорно ждет, когда развернется в полную силу милиция, чтобы наконец задержать пока неуловимого Кукушку и передать его в руки правосудия. Да и о совершенном Кукушкой преступлении в райцентре знают многие люди. Они тоже заждались торжества справедливости. Недобрые слова в связи с этим в адрес милиции не раз касались слуха многих милиционеров райотдела.

Нет. Он должен был поступить так, как поступил, не иначе. И

что бы ни последовало за этим его поступком для него лично, он поступил так, как требовала его милицейская, да и человеческая, совесть. Но совпадает ли эта его оценка собственного поступка с той, которую даст беспристрастная прокуратура в лице Ипатьевой, Арбузова и их коллег? Здесь, наверное, будут сложности. Их было бы значительно меньше, останься жив Кукушка. Но с того света не возвращаются. И надо быть готовым к любому исходу.

В стоящем на столе репродукторе послышалось легкое потрескивание. Включив звук, Анатолий понял, что уже около шести утра. Тяжело поднявшись со стула, направился бриться. Наскоро выпив стакан чая, пошел в райотдел. Джамиля и дочь еще спали.

Увидев перед собой Борисова, дежурный Мартынов не смог скрыть удивления. Но, ограничившись рукопожатием, вопросов не задал.

Пройдя в свой кабинет, Анатолий достал из сейфа дело по розыску Энверова и, тяжело вздохнув, стал листать страницы пухлой папки. Не один раз до этого он перечитывал дело, которое теперь могло оказаться для него роковым. Еще раз просмотрев отдельные документы, он с особым вниманием перечитал те из них, что касались организации розыска. В ориентировке по области отмечалось, что Кукушка имеет пистолет и может оказать вооруженное сопротивление. В циркуляре всесоюзного розыска почему-то на это обстоятельство не указывалось.

На отдельном листе рукой предшественника Анатолия, заведившего дело, был написан список связей разыскиваемого. Среди них значились Фирсова Светлана, Туманов Борис, раньше проживавшие в райцентре. Затем перечислялось еще несколько мало что говорящих ему фамилий. Напротив отдельных из них значились клички, были отмечены их судимости и другие подобные «добродетели», дающие какое-то представление о каждом из них. Многократно перечитывая материалы дела, Анатолий только сегодня обратил внимание, что Светку Фирсову в своем кругу именовали Ведьмой, Туманова – Тумой.

Среди них значились Вадим Чертуганов по кличке Черт, Анна Сарафанова, Марина Алехина, пока не удостоенные кличек.

Анатолий не мог знать, что вся эта компания и другие участники вчерашних событий в то же время до утра подминали Кукушку в одном из пригородов Нежинска. Под утро в полухолодный дом на окраине поселка, где в одной из комнат воздух был

наполнен водочным перегаром, а в табачном дыму вперемешку с запахом анаши при тусклом свете уже трудно было рассмотреть черты лица рядом с тобой сидящего, ввалился Федька – Крест.

:У – С выражением тупого безразличия на лице он шумно ^плюхнулся на жалобно скрипнувшую под ним табуретку да сразу же, широко раскрыв почти беззубый рот, женоподобным голосом произнес:

– Ведьма, налей, – и взял в руку залапанный чужими Жирными пальцами грязный стакан.

Светка, до этого тихо сидевшая в углу на дырявом старом диване, быстро вскочила. Пошарив глазами по столу, схватила попавшую под руку бутылку с вином и услужливо наполнила стакан. Заметив, что жидкость в стакане имеет не тот цвет, Крест молча выплеснул ее в лицо Светки и провизжал:

– Водки! Падла!

Дернувшийся было, чтобы вступить за Светку, Черт, встретив наполненные злобой глаза Креста, памятуя прежние стычки с ним, прикинулся сильно пьяным и остался сидеть на месте.

Не утерев лица, Светка схватила бутылку водки и с еще большей услужливостью налила полный стакан. Отойдя в сторону, молча утерлась попавшейся под руку несвежей тряпкой, тихо усесться на прежнее место. В горле у нее стоял комок, в глазах – слезы. Стремясь скрыть их от других, она отвернулась к стене, сделав вид, что пытается задремать, закрыла глаза.

Залпом осушив стакан водки, Крест с жадностью схватил со стола кусок колбасы и долго чавкал, пережевывая её.

Закурив, обвел глазами присутствующих и, убедившись ^ что все, кто был днем в тубдиспансере, здесь, произнес:

– Сказал старикам. Мать заголосила. Папаня, как всегда, под балдой, начал материться, проклинать легавых, божился всеми святыми, что посчитается с ними за Кукушку. Я сразу смылся. Не стал ждать, пока ментов принесет. Туда и обратно добирался на попутных. Говорил, что у того фрайера надо было отобрать колеса, быстрее бы обернулся. Где ствол? – обратился он к Черту.

– У меня.

– Его надо сплавить, пока нас с ним не накрыли. Лучше утопить, и с концами.

– Жалко топить, где другой такой найдешь? – возразил Черт.

– Что, снова к хозяину потянуло? Хочешь лишнюю статью в

кармане таскать? Мало тебе своих?

– Может, до времени закопать? – упирался Черт.

– Закапывай! И себя рядом с ним, паскуда! Сделаешь,, что сказано. Понял?

Зная крутой норов Креста, Черт предпочел замолчать. Остальные молча наблюдали диалог. Никто не хотел рисковать, все знали, что между Крестом и Чертом идет постоянное соперничество за лидерство. Одна из пьяных драк из-за этого между ними закончилась тем, что в боку Черта оказалась финка Креста. При другой разборке после удара свинчаткой по зубам Крест выплюнул с кровью сразу пять зубов. Верх никто из них так и не взял. А лидерство попеременно переходило от одного к другому, нередко определяясь на время за тем, у кого сегодня было больше денег, а следовательно, и власти. Но и разойтись в разные стороны они уже не могли, слишком крепко были связаны делами, прошлыми и настоящими.

Когда Крест разом оказался без зубов, у него мелькнула было мысль сдать Черта. У того как раз была крупная сумма денег после очередной удачной квартирной кражи. Однако, протрезвев, он от этой мысли напрочь отказался. Кто знает, чем это кончится, если Черт расколется и потащит за собой? А если нет, толще гарантия, что после этого сам не залетишь и не окажешься с ним у одного хозяина?

Время от времени такие мысли возникали и у Черта. И по тем же, что и у Креста, причинам исчезали.

Но сегодня верх был за Крестом. Выпив еще полстакана и начав заметно пьянеть, он обвел собравшихся тяжелым взглядом и властно начал:

– Если кто вякнет, что у Кукушки был нож и ствол, – горько пожалеете. Пришью! Секите: мент сразу пальнул в него, потом – вверх. До этого не предупредил, что будет . стрелять. Второй раз об этом говорить не буду. Как рассветет, смывайтесь. Заляжем, пока не уймутся легавые. Кого схватят – заваливайте мента, как я сказал. Про остальные дела – ша!

«Посмотрим», – обиженно подумала Светка.

– Пошли, Черт!

Оставив всех, они вышли на улицу. Их обдало свежим воздухом. Сразу стало легче дышать.

– Ствол при тебе?

– Здесь, – ответил Черт.

Молча они дошли до фореелевого хозяйства. Над водоемом стоял пар, по берегу расстилался туман. Ближайшая дорога была пустынна. Движение транспорта еще не началось. По пути им никто не повстречался.

Оглядевшись, Крест потребовал:

– Покажи!

Доставая из-за пазухи сверток, Черт продолжал озиаться по сторонам. Затем развернул его. И оба они какое-то время рассматривали вороненую сталь пистолета и хромированное лезвие ножа, еще вчера принадлежавших Кукушке. Им явно не хотелось расставаться с ними, нередко просто необходимыми при их ремесле. И не всегда для применения на деле. А больше для собственной уверенности, когда идешь на него. Да и подельников своих держать в постоянном страхе тоже необходимо.

Но события вчерашнего дня требовали немедленного избавления от пистолета и ножа. Оба понимали: как только на следствии появится Кукушкин пистолет или нож, станет ясно, что они были у него при задержании, милиционер будет оправдан. Допустить этого они не могли. Им просто было необходимо посадить милиционера в тюрьму. В их понимании такой исход дела был не только расплатой за смерть Кукушки. Он придал бы им еще больший авторитет в уголовном мире. А это тоже немаловажно. Может быть, даже больше, чем пистолет в кармане, когда идешь на дело.

Держа пистолет в одной руке, другой Черт поглаживал холодный металл, затем глубоко вздохнул и одновременно с выдохом швырнул его далеко от берега. Оба услышали, как булькнула вода.

– Теперь отваливай, – изрек Крест.

И, не подав друг другу руки, они разошлись в разные стороны.

Вскоре начался и осмотр места ранения Кукушки, прерванный вчера вечером. Для этого были привлечены значительно большие, чем накануне, силы милиции. Каждому из сотрудников был определен свой квадрат, и они металлическими щупами, палками старательно раздвигали стебли прошлогодней травы, надеясь отыскать злосчастный нож, брошенный в Борисова. Нескольким из них удалось вооружиться металлоискателями.

Как и накануне, Ипатьева время от времени покрикивала на них, поторапливая и требуя качественного осмотра. В стороне от нее стояли Михальков и почему-то заменивший Арбузова по-

мощник Ипатьевой – Маслов. Михальков почувствовал, вероятно, от неподвижности забирающийся под одежду холод. И медленно пошел к входу в тубдиспансер.

Отыскав Борзова, он с его разрешения облачился в белый халат и пошел по палатам в надежде найти кого-либо из очевидцев случившегося вчера. Разговора с больными не получалось, все они хором отнекивались, заявляя, что о случившемся узнали от кого-то из больных или медперсонала после того, как пострадавшего принесли в операционную. Примерно то же он слышал и от медперсонала. Все это выглядело не совсем правдоподобно. И Михальков решил изменить тактику беседы.

Отыскав свободный кабинет, оставшихся больных он приглашал для разговора по одному. Только предпоследний из них доверительно сообщил, что слышал всего лишь один выстрел. И когда выглянул в окно с тыльной стороны здания, то увидел, как человека с пистолетом в руке и папкой под мышкой окружило человек семь парней и девушек. Двое из них держали под руки третьего, у которого как будто подкашивались ноги. В это время человек с пистолетом, раздвинув окружающих его людей, быстрым шагом, а затем бегом скрылся за углом здания. С трудом выдавив из себя собственную фамилию, очень просил не беспокоить его допросами, ссылаясь на немолодой возраст и плохое состояние здоровья.

Ничего не обещая ему, Михальков записал его фамилию в блокнот и раздраженно подумал: «С паршивой овцы – хоть шерсти клок». Сдержанно попрощавшись с ним, едва накинув пальто, на ходу застегивая пуговицы, он вышел из тубдиспансера.

Осмотр подходил к концу. Нож обнаружить не удалось. Настроение участников операции было не из лучших.

Ипатьева, не попрощавшись, уехала вместе с Масловым. Михальков приказал еще раз, поменявшись квадратами, тщательно прочесать всю территорию. И эта попытка никаких результатов не дала. Объявив, что все свободны, Михальков решил пойти до управления пешком.

Избрав подходящий настроению темп ходьбы, он еще и еще раз обдумывал происшедшее, никчемные, по его мнению, результаты осмотра. Хоть и плоховато, но он знал Борисова как честного и добросовестного трудягу-сыщика. Пару-тройку раз ему приходилось работать с ним по случавшимся в районе преступлениям. Тот никогда не стремился выделиться из среды сво-

их товарищей, но порученное ему делал с особой тщательностью, работал надежно и глубоко. За ним никогда не приходилось что-то перепроверять. Представляемая им информация всякий раз находила подтверждение. В глазах Михалькова он выглядел достаточно серьезным парнем.

Поэтому мысль о том, что он, ошалев от радости встречи с Кукушкой, начал беспричинно палить в него из пистолета, Михальков сразу отверг. А коль так, зачем ему было придумывать версию с ножом? Но тогда где он? Нож, в конце концов, – не иголка. И его обязательно должны были найти, если не вчера, то сегодня. К кому обращался Кукушка, крича: «Стреляй, Шайтан, я тебе этого не про-

И почему Шайтан не выстрелил? Кто такой Шайтан? Жак его быстрее найти, чтобы, не успев остыть от увиденного вчера, он скорее рассказал правду о случившемся? Где искать Фирсову Светку? Пока только она может пролить свет на то, что произошло. Назвать хотя бы имя Шайтана, а может быть, и других, кто был вместе с ним и Кукушкой? Выстраивался целый ряд вопросов, убедительных ответов на которые Михальков пока не находил.

Но так было не впервые. Всякий раз, когда он и его товарищи сталкивались с неочевидным преступлением, этих «почему» скапливалось великое множество. Затем они осмысливались, тщательно фильтровались, систематизировались, выстраивались в стройную логическую цепочку. И при появлении какой-то одной зацепки по делу тут же следовал ответ на какой-то из этих вопросов. А задержание преступника, обнаружение вещдоков уже давали целостную картину происшествия, образуя логическую цепь ответов. Так будет и в этот раз. Но надо, чтобы это произошло как можно скорее.

Увлеченный этими мыслями, Михальков проследовал мимо постового. Зайдя к себе в кабинет, едва успев раздеться, он сразу попросил проверить, кто значится по картотеке под кличкой Шайтан.

Пригласив к себе Шарапова, внимательно выслушал его доклад о поездке в Советский район. Сделав только ему понятные записи на листе бумаги, долго изучал список связей Энверова, переданный по телефону Дудаевым, делал на этом списке какие-то свои пометки.

Затем обратился к сидевшему напротив Шарапову:

– Как думаешь, где сейчас могут находиться те, кто значится в этом списке?

– Трудно сказать: у них тысячи дорог. По любой могут уйти. А нам их догонять всегда по одной-единственной приходится. Как сразу выйти на нее? – последовал ответ, более философский, нежели конкретный.

– А выходить нам с тобой надо сейчас только на эту единственную дорогу, – возразил Михальков. – Так что позвони дежурным по милиции в аэропорт и на станцию. Первому дай фамилии и приметы всех связей Энверова на случай их вылета, второму сообще приметы, подробнее уточни их в Советском. Кто из наших знает в лицо Фирсову? Узнай и доложи. Если таких среди наших не окажется, позвони в Советский. Придется, возможно, кого-то вызвать оттуда.

В кабинет вошел Тараканов. Он уже знал об окончательных результатах осмотра и вопросительно смотрел на Михалькова:

– Что нового?

– Ничего. Надо срочно находить Фирсову. Только через нее мы можем рассчитывать как-то ухватиться за ниточку. Есть надежда на сведения из картотеки. Может быть, там есть сведения о Шайтане.

Раздался телефонный звонок. Приятный женский голос спрашивал Михалькова:

– Картотеку заказывали? Под кличкой Шайтан проходит Хазов Михаил Григорьевич, 1928 года рождения, судим в 1948 году по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года к 10 годам лишения свободы. Освобожден в мае 1954 года по Указу об амнистии. Вторично судим в 1961 году по ст. 89 ч. 2 УК РСФСР к 4 годам лишения свободы.

Далее следовали еще судимости. Но Михальков, поблагодарив за информацию, не стал слушать дальше.

И без того было ясно, что это не тот Шайтан. Другие лица под такой кличкой в картотеке не значились.

– Еще один тупик, – сказал он Тараканову, – нашего Шайтана в картотеке нет.

Заглянувший в дверь Шарапов попросил разрешения войти и доложил:

– Приметы всех уточнил. Дежурным в аэропорт и на станцию передал. Из нашего отдела никто Фирсову не знает. Позвонил Ду-

даеву, чтобы прислал знающего её человека из инспекции по делам несовершеннолетних. Через полтора-два часа придёт. Сказал, чтобы заодно привезли и фотографию этой девицы.

– Хорошо. Подготовь ориентировку и передай её во все райорганы области. Добудь фотографии и тоже разошли по райотделам. Потом подумаем о других областях. А мы с Таракановым пока попытаемся спланировать ход служебного расследования.

Ох как не любил такие планы Михальков. За свои двадцать с лишним лет работы в милиции он написал их предостаточно. Редко, строго следуя их предписаниям, удавалось раскрыть какое-то преступление. Как правило, раскрытие приходило, казалось, откуда-то извне, со стороны. И в первые минуты думалось: «До чего все было просто. Почему сразу не пошли этим путем? Давно бы уже раскрыли».

Кое-кто в таких случаях хлопал себя по лбу и называл чуть ли не дураком. Другие громко смеялись над собой. 11 только когда спадало первое возбуждение, вызванное успехом, и выпадала минута для раздумий, становилось ясно, что к этому успеху привела хорошо спланированная и столь же хорошо выполненная работа. Только в результате этого созревало то единственное решение, которое приводило в конечном счете к единственному нужному результату. Хотя и не всегда оно успевало своевременно обозначиться на бумаге.

И тем не менее писать планы он не любил. Но делать это приходилось, и довольно часто. Таковы требования службы. И теперь, изрядно подумав и исписав не один лист бумаги, он завершил планирование служебного расследования по чрезвычайному происшествию, связанному со старшим лейтенантом Борисовым.

Первые из пяти суток, отведенных генералом, истекали. За это время группа, возглавляемая Михальковым, по существу, несколько не продвинулась вперед. И все-таки было необходимо подвести итоги первого дня.

Они были неутешительны. Из документов – только рапорт Борисова, телефонограмма заместителя главного врача Борзова, список связей Кукушки, его одежда, рапорт Михалькова о результатах осмотра места происшествия да стреляные гильзы. Не было главного: сведений о наличии оружия у Кукушки. Без них все материалы служебного расследования оставались простыми бумажками, которые ничего не значили.

Тем временем Тараканов, сидя рядом, не выпускал из рук список связей Энверова, молча смотрел на него, еще и еще раз перечитывал, казалось, разбирая по слогам каждое слово.

Он то придвигал листок бумаги совсем близко к глазам, то отодвигал его дальше. Посапывал и вздыхал, не произнеся за все время ни единого слова.

Это начинало раздражать Михалькова, действовать ему на нервы. Он почти готов был взорваться, обрушиться на него с какими-то нехорошими словами, чтобы сорвать на нем свою злость за все неудачи по порученному им делу. Но что-то удерживало его. И он молча играл желваками, стараясь держать себя в руках.

Как будто поняв его состояние, Тараканов вышел.

* * *

Тем временем Арбузов заканчивал опрашивать шофера «Волги». Сидя на стуле на протяжении нескольких часов, тот мучительно выдавливал-из себя ответы, добавляя слово «это» после каждой произнесенной им фразы. Разговаривать с ним было трудно. Его руки то и дело поочередно скользили сверху вниз вдоль каждой полы куртки и, отвлекая внимание Арбузова, мешали ему сосредоточиться. Только к концу разговора он понял, что, вероятно, от волнения, у Васильева потели руки, и он вытирал их о полы куртки, имевшей когда-то светлый цвет.

Арбузову не один раз хотелось закончить этот разговор дежурной записью: «Объяснение с моих слов записано верно» – и отправить свидетеля домой. Но, преодолевая себя, он пытался еще и еще раз выяснить приметы тех парней, что просили отвезти Кукушку куда-нибудь подальше от диспансера. Зрительная же память водителя, казалось, вопреки всякой логике не сохранила никаких их примет.

Он даже не мог сказать, сколько их было. И под конец разговора, казалось, уже не произносил слова, а только бубнил:

– Несколько... это... парней и две или три... это... девки. Молодые... это.

Без всякой надежды добиться чего-то вразумительного Арбузов задал следующий вопрос:

– А не помните ли вы хотя бы, как они называли друг друга?

Еще дольше обычного обдумывая фразу, усерднее, чем раньше, отхлопав белесыми ресницами, водитель с трудом выдавил

из себя:

– Помню... это... двое девок там... это... Громче всех кричали... это... Шайтан... это. Да, Крест... это.

– Разве такие имена бывают?

– Не знаю... это. Да, звали они так... это.

Слушая его, Арбузов сразу понял, что это могут быть клички кого-то из тех, кто пытался отправить раненого Кукушку подальше от тубдиспансера. Явно устав от почти бесплодного разговора, он отпустил шофера и какое-то время, разминаясь, шагал из угла в угол своего небольшого кабинета.

Подойдя к телефону, набрал номер судебно-медицинского эксперта Громова. Абонент не отвечал. Тогда он набрал номер Михалькова.

– Есть просьба: проверь по картотеке, скажут ли там, кто такие Шайтан или Крест?

– Шайтана уже проверили. Нашего нет. Есть один, но почти пенсионного возраста. Судим несколько раз, но не наш.

Помолчав немного, Арбузов, как бы размышляя вслух, произнес:

– А может, уже Шайтанёнок встал на крыло? Сынок или внучек?

– Сначала запросим Креста. Потом попытаемся поискать Шайтанёнка. Как прояснится что-то, я тебе позвоню.

Положив трубку, Арбузов еще раз набрал номер Громова. На этот раз он ответил.

– Что скажешь, эскулап, по поводу вскрытия трупа Энверова?

– Обычное дело. Ранение в печень, от нее мало что осталось. Моим коллегам, занимающимся живыми людьми, делать было нечего: ранение смертельное. А вообще-то, давай постановление о назначении экспертизы, я тебе на все вопросы отвечу. Проблем с этим не вижу.

Через полчаса Арбузов уже входил в кабинет Громова. Положив постановление на стол, спросил:

– Где его одежда?

– Теть Фень, – крикнул Громов, – где ты?

В дверях показалась известная всем городским следователям тетя Феня, младшая медсестра судебной экспертизы, знаменитая тем, что в этом учреждении служила чуть ли не сорок лет, очень исправно делала свою работу, не считаясь с личным временем

и собственными делами. Ни одно судебное-медицинское вскрытие не обходилось без её участия. И казалось, уйди она на заслуженный отдых, в этом далеко не престижном учреждении разом остановится вся работа. А она работала очень много лет, и никто не знал, ходила ли она за все эти годы хоть раз в отпуск.

Пожалуй, единственный раз за все время смутилась, когда мудрые головы где-то наверху приказали называть её не санитаркой, как прежде, а младшей медицинской сестрой. Уж слишком огромной показалась ей разница между названием должности и её возрастом. Был даже порыв уйти на пенсию. Но он прошел, а тетя Феня так и осталась работать, смирившись с новой должностью. Давно понимая все с полуслова или даже с полувзгляда, увидев Арбузова, она со словами «Зови, Юра, понятых, сейчас все принесу» вышла из кабинета.

Как только Арбузов привел понятых, тетя Феня вошла в кабинет с вещами, принадлежавшими Кукушке. Тщательно осмотрев их, проверив содержимое всех карманов, Арбузов зафиксировал наличие «бурых пятен, похожих на кровь» на куртке, брюках, рубашке, майке и трусах в правой их части, свидетельствующих о том, что пуля попала как раз в область печени. Единственное пулевое отверстие было обнаружено на каждом из предметов одежды.

В левом кармане куртки оказались четыре комочка, размером каждый чуть больше спичечной головки, серого цвета, с запахом, характерным для анаши. Положив каждую из вещей в отдельный полиэтиленовый пакет, а комочки – в бумажный, Арбузов опечатал их и отправился к себе.

Дверь кабинета Михалькова приоткрылась, и в проеме показалась физиономия Тараканова. Михальков заканчивал отчитывать по телефону кого-то из неразворотливых периферийных начальников угрозыска:

– Ты вот что, без суеты, спокойно можешь доложить? Как ушел с пятого этажа? По какой трубе? Он что, обезьяна? Ты не причитай, не причитай! Прими все меры к немедленному задержанию. Остынь. Все продумай, завтра утром жду доклада о результатах розыска.

Он раздраженно бросил трубку на рычаг и поднял глаза на подходящего к столу Тараканова с намерением сорвать на нем зло и припомнить ему бесплодную возню со списком связей Эн-

верова, еще недавно так раздражавшую его. Уже почти готовый сделать это, в последнее мгновение он остановил свой взгляд на продолжавшей сиять его физиономии и миролюбиво спросил:

– Чему радуешься?

– Есть идея, послушай. Если будешь смеяться, то не слишком громко.

– Давай твою идею.

Тараканов неторопливо присел на краешек стула, откашлялся, умышленно растягивая слова, демонстративно медленно начал:

– Послушай. Я вот почему не мог оторвать взгляда от фамилии Чертуганова в списке связей Энверова. Кличка у него вроде по фамилии – Черт. Но ведь на каком-то языке черта и называют шайтаном. Подумав так, для уверенности нашел Нигматулли-на и выяснил у него, что на татарском языке черт как раз и есть шайтан. Так что не исключено, что Чертуганов, он же Черт, он же Шайтан – одно лицо.

– А почему Кукушка, обращаясь с просьбой стрелять в Борисова, называл его Шайтаном, а не Чертом?

Чувствуя, что идея заинтересовала, Тараканов решил, что теперь можно и пошутить:

– Допроси Кукушку, если можешь. Он объяснит.

– Не дури. Давай лучше всерьез поразмышляем. Конечно, слова «черт» и «шайтан» имеют одинаковое значение. И клички могут совпасть. Но кто-то ведь знает, почему в одной ситуации его зовут Чертом, а в другой – Шайтаном?

– Вопрос не ко мне, – ответил Тараканов. – Ты лучше организуешь как следует розыск Чертуганова, Туманова, Светки Фирсовой и других, кто значится в том списке. Может, все быстрее и прояснится. А мне пока больше нечего сказать.

Взяв чистый лист бумаги, Михальков написал на нем три слова: «Шайтан – Черт – Чертуганов» – и позвонил Шарапову:

– Запроси по картотеке всех по кличке Черт до тридцати лет и доложи.

* * *

Светка Фирсова приехала в Советский первым автобусом и расположилась на скамейке в сквере, неподалеку от райотдела так, что ей был виден всякий, кто входил в него. Зябко поживаясь, она ту же запахнула потрепанную куртку. Однако теплее от

этого не становилось.

Проклиная свою жизнь и неожиданно ворвавшегося в нее Черта, она была готова разом порвать с ним и не однажды уходила от него. Околачивалась у малознакомых людей, пока они не выдворяли её. Чаще всего в общежитиях, у девчонок. Но Черт неведомыми путями всякий раз находил её, жестоко избивал, потом дарил какую-то безделушку, иногда тащил в ресторан. И каждый раз, не успев осмыслить случившееся, она оказывалась с ним в постели. Окончательно запутавшись в этих отношениях, она не видела выхода из сложившегося положения. Посоветоваться было не с кем. С подружками – страшно, а вдруг все станет известно Черту, с матерью – значило еще больше расстроить её, а надежды получить от нее дельный совет не было.

И сейчас в душе Светки шла борьба. Светка все отчетливее чувствовала, что в ней живут два человека: один – жизнерадостная, веселая девчонка со своими планами, взглядами нормального человека на жизнь, другой – загнанный в жизненный тупик, мечущийся по свету человек, почти утративший веру в добро, постоянно терпящий унижения и страх, с подавленной волей. Вопрос «Как быть дальше?» и сейчас не выходил у нее из головы.

Происшедшее с Кукушкой потрясло ее. Ей казалось, что похожий конец ожидает и Черта, и Креста, и Туму. Но если не такой, то тюрьма каждому из них обеспечена.

Прервав свои размышления, Светка в который раз скользнула взглядом по дверям райотдела и со спины узнала вошедшего в здание Дудаева. Она не один раз слышала, что мужик он крутой, но человеческий. И, уже не отдавая себе отчета, вскочила со скамейки и бросилась вслед за ним. Пробежав мимо дежурного, она без стука влетела в его кабинет. Не поздоровавшись, рухнула на стоявшие вдоль стены стулья и, захлебываясь от слез, заколотилась в непонятном для нее самой припадке, не в силах выдать хотя бы слово.

Дудаев опешил. Подобное вторжение в свой кабинет он видел впервые. Почувствовав неладное, какое-то время молча смотрел на Светку, пытаясь понять, что случилось с этим человеком. И вдруг узнал её. Вспомнил, что, выполняя указание сверху, года два с половиной назад вместе с прокурором беседовал с этой девчонкой. Мучительно пытался, но никак не мог вспомнить её фамилию. Стоя рядом с рыдавшей Светкой, он напряженно со-

ображал, что предпринять, чтобы успокоить ее и узнать причину происходящего.

Держа в руке стакан с водой, Дудаев попытался другой приподнять её, чтобы дать ей напиток. Резко оборвав рыдания, Светка приподнялась, выхватила у него стакан и, обхватив его обеими руками, жадно отпила несколько глотков.

– Дяденька, только не выгоняйте меня, я... хочу много рассказать! Ради бога, выслушайте! Не выгоняйте, помогите мне! Только вы можете мне помочь! Иначе мне не жить! Я расскажу всё-всё, всю правду!

В дверях кабинета, беспокояно переступая с ноги на ногу, не понимая, что происходит, стояли дежурные по райотделу, пришедшие для сдачи и приема дежурства.

Понимая, что эту девчонку, готовую рассказать что-то необычное, необходимо немедленно выслушать, Дудаев сказал уже пятившимся дежурным:

– Идите к заместителю. Докладывайте ему.

Продрогшая до самых костей, Светка почувствовала обволакивающее её тепло и, всхлипнув еще раз, сообразила, что настало время представиться:

– Светка я, Фирсова моя фамилия.

Дудаев, стараясь не показать, что он только теперь вспомнил её, как мог, дружелюбно сказал:

– Я слушаю тебя, Света. Успокойся. У нас есть время побеседовать.

– Сейчас. Только немного приду в себя. Я все расскажу. – Она еще несколько раз всхлипнула, отпила глоток- другой воды и, вся подобрившись, подчеркнуто спокойно начала свою исповедь.

Пересказав все, о чем она думала сегодня до встречи с Дудаевым, она умолчала лишь о том, что была свидетелем происшедшего с Кукушкой около тубдиспансера.

– Ну, давай вместе думать, как выходить из создавшегося положения. Что сама думаешь?

– Уехать бы мне надо отсюда далеко и надолго, чтобы никто из них не мог меня отыскать. Особенно Черт. Боюсь я его. Если найдет – он меня прикончит. А уехать можно к тетке, в Среднюю Азию. Вот только денег нет.

– А примет тебя тетка?

– Не знаю. Но сразу не выгонит. Может, на работу поможет

устроиться. Не хочу больше жить так, как жила. А здесь они мне не дадут жить по-человечески. Да и слава обо мне тут такая, что самой страшно. Ни пройти, ни проехать. Каждый пальцем ткнуть норовит.

– Как мать отнесется к твоему отъезду?

– Особой радости не проявит. Но если будет знать, где устрои- лась жить и работать, ей спокойнее будет. Сей- час-то она покоя не знает из-за меня. Если вы с ней поговорите, может, и денег немного даст на дорогу.

– Ну а не подведешь? Если сорвешься, то и мне из- за тебя неу- добно будет перед матерью.

– Не подведу. Я много думала и твердо решила, что дальше так нельзя. Просто не могу больше так жить. Я уже однажды ночью хотела Черта зарезать, чтобы избавиться от него раз и навсегда. Он мертвецки пьяный и обкуренный спал. Я нож взяла. Но в это время в соседней комнате Кукушка, тоже пьяный, закричал что- то во сне. Нож у меня из рук выпал от неожиданности. А второй раз не смогла я его в руки взять. Духу не хватило. Тихо оделась и ушла. Через два-три дня Черт как из-под земли вырос, когда я стояла на автобусной остановке. Отвел в безлюдное место и силь- но избил. Месяц жевать ничего не могла. С ложки кормил, всякий раз просил прощения и тут же добавлял, что еще раз так сделаю – убьет. Если не уеду – этим и кончится. Если не он, то я его убью. Другого выхода у меня просто нет.

Дудаев, слушая Светку, в душе сочувствовал ей, но виду не показывал. В поисках выхода из тупика про себя рассчитывал по вариантам Светкино будущее и все больше испытывал беспокой- ство за ее судьбу. Помимо отъезда, безопасность Светки могла быть обеспечена и в случае ареста Черта и всей его компании. Дел за ними было немало. Но сразу их всех не задержать. Да и дока- зательства нужны. А есть ли они, твердые, хоть по одному из дел? Не найдя других вариантов, он все-таки остановился на предло- жении Светки: надо срочно и подальше ее отправить. И, помня указание управления о ее розыске в связи с применением оружия Борисовым, он решил задать Светке несколько вопросов:

– А как ты оказалась вместе с Кукушкой на территории тубдис- пансера?

– Вместе с нами там были Черт, Крест, Тума и Анька Сарафано- ва, Марина Алехина и еще трое парней. Я их видела впервые и не

знаю даже по именам. Мы все пришли проведать парня по кличке Ворон. Его знал только Кукушка. Он прихватил с собой анашу и по пути все говорил, как будет рад этому Ворон. Мы сидели на лавочках напротив входа в корпус и ждали, когда он к нам выйдет. Но он долго не выходил, и мы болтали друг с другом о чем-то.

И вдруг появился Борисов. Я его не раз видела здесь, в Советском, и знала, что он из уголовного розыска. Увидев его, Кукушка насторожился, и Борисов узнал его. Позвал к себе, сказал, что долго ищет его. В это время Кукушка сорвался с лавочки и бросился бежать за угол диспансера. Борисов – за ним. Следом побежали Черт и Крест.

Мне не было видно, что там происходило. Но я слышала, как Борисов кричал: «Стой, стрелять буду!» Что-то кричали Кукушка и Черт. Затем почти подряд раздались, два выстрела. И все побежали за угол здания. Там, зажав правый бок рукой, стоял Кукушка и матерился. Между пальцами его руки сочилась кровь. Остальные ребята стали окружать Борисова. Он держал в руках пистолет и не подпускал их к себе. Требовал, чтобы позвали врача. Но никто за ним не хотел идти. Тогда Борисов побежал сам.

После этого Крест взял из кармана куртки Кукушки какой-то тяжелый сверток сунул себе в карман. А остальным крикнул, чтобы искали нож. Его кто-то притащил и отдал Кресту. Кукушке было плохо, и его потащили к «Волге», стоявшей у входа в корпус. Черт всех торопил, говорил, что он в бегах и его надо скорее отвезти куда-нибудь подальше. Шофер не хотел его везти, а когда парни усаживали Кукушку в машину, появился Борисов с врачом. Тогда парни бросили Кукушку и разбежались в разные стороны. Тума оказался рядом со мной и шепнул: «Смываемся, стемнеет – встретимся на хате». Что было дальше, я не знаю.

Когда вечером пришла на хату, там уже были Черт, Тума, Анька и Марина. Позже всех появился Крест. Почти до утра пили. Под утро Крест всем сказал, чтобы, если возьмут кого, говорили, что Борисов стрелял без предупреждения, сначала – в Кукушку, потом – вверх. Потом сказал: «Как рассветет, смывайтесь кто куда. А мента надо посадить». После этого он ушел с Крестом, а потом разошлись и все остальные. Я почти сутки болталась по городу, а первым автобусом приехала сюда. Хотела увидеть Борисова, рассказать все ему. Но первым увидела вас. Вот и все, наверное, – закончила свой рассказ Фирсова.

Дудаев делал записи на листе бумаги, обдумывая услышанное от Светки, и все больше приходил к выводу, что она говорит правду. И когда поднял голову, то увидел, что Светка смотрит на него огромными глазами, полными слез, отчаяния и готовности честно отвечать на любой его вопрос.

– Света, а почему Кукушка, убегая от Борисова и обращаясь к Черту, назвал его Шайтаном?

– Это их уговор. На деле он всегда его так называл. Наверное, потому что Черт был известен милиции, а Шайтана там не знали. Но в своем кругу его все зовут Чертом. А что, разве Черт и Шайтан не одно и то же?

– Да. Но странно, почему так?

– И ничего странного. Как хотят, так и зовут. Ведь кликуху в паспорт не пишут.

Удовлетворившись таким ответом, Дудаев напрямую спросил:

– А пистолет, нож у кого-нибудь из них был?

– Ножи были у каждого. Одни исчезали, появлялись другие. Были и два пистолета. Один – настоящий, другой – спортивный. Их таскали с собой поочередно Кукушка, Черт, Крест, Тума. Но чаще других – Кукушка и Черт.

– А можешь ты описать пистолеты?

– Не знаю. Может, вы мне покажете те, которые есть в милиции, да я узнаю?

– А ножи опишешь? У Кукушки, к примеру, какой был нож в последнее время?

Светка на минутку задумалась:

– Большой, лезвие блестящее, а рукоятка коричневая, и тяжелый. Я им недели две назад хлеб резала да рыбные консервы открывала. А Кукушка часто, когда мы бывали в лесу, бросал его в стволы деревьев, все тренировался и приговаривал, что с таким ножом ему никто не страшен. И бросал очень метко.

– Ну а где же теперь пистолеты и ножи?

– Не знаю. Когда были на хате, Крест с Чертом ругались из-за пистолета. Крест хотел выбросить его, а Черт предлагал закопать. Но что они с ним сделали на самом деле – не знаю.

В это время дежурный принес в кабинет Дудаева два пистолета – Макарова и Марголина. Светка уверенно выбрала пистолет Макарова. Затем по просьбе Дудаева нарисовала нож и второй пистолет, похожий на тот, что носил с собой Кукушка. Такого пи-

столе́та в райо́тделе не оказа́лось.

Дудаев предложил Светке подробно изложить на бумаге все, что произошло в тубдиспансере, вызвал к себе начальника уголовного розыска, а сам из соседнего кабинета связался по телефону с Михальковым и доложил:

– Фирсова у нас в райотделе. Сама пришла. Чувствуется, рассказывает правду. У Кукушкиной команды был пистолет Макарова и, судя по описанию, еще один, марку узнать по ее рисунку сложно. Ножи были разные. У Кукушки – большой, тяжелый, с блестящим лезвием и коричневой рукояткой. Где сейчас находится вся эта компания, она не знает. Нож похож на описываемый Борисовым. Говорит, что воруют из квартир постоянно. Но точно места этих краж не знает. Сейчас пишет объяснение. Да, Черт и Шайтан – одно лицо. Кратко – всё. Она хочет уехать в Среднюю Азию к тетке. Очень боится Черта. Как быть с ней?

– Привози в управление вместе с объяснением. Будем думать и решать.

После обеда в кабинет Михалькова, где находился Тараканов, вошли Светка Фирсова и капитан Гаврилов.

Не успел Михальков показать им на стулья, как Гаврилов извлек из папки и положил перед ним Светкино объяснение. Внимательно прочитав, Михальков передал его Тараканову, который сразу вышел из кабинета. Задан несколько вопросов Светке о житье-бытье, Михальков пытался узнать, где кто из ее компании может сейчас находиться, о каких конкретных преступлениях дружков ей известно. Светка, казалось, искренне утверждала, что об этом она ничего не знает.

Отпустив Гаврилова, Михальков позвонил Арбузову, сказав, что Светка находится у него. Спустя полчаса Арбузов в соседнем кабинете уже разговаривал с ней. Записав все, что она раньше говорила Дудаеву, он зашел к Михалькову и сказал, что к Фирсовой у него вопросов нет.

Вызвав Шарاپова, Михальков поручил ему помочь Светке решить все вопросы, связанные с ее отъездом, вплоть до посадки в поезд или самолет.

– Обязательно запиши и сохрани адрес тетки. И телефон, если есть. Об исполнении доложи.

Вечерним рейсом Светка улетела во Фрунзе.

Утром следующего дня Михальков докладывал генералу мате-

риалы служебного расследования.

Изучив их, он дважды перечитал объяснение Фирсовой.

– Сомнений не возникло в том, что она говорит правду?

– Нет. Кажется, что она совершенно искренне все объясняет. Похоже, что она вконец измучена связью с Чертугановым и его компанией и очень хочет порвать с ними. Создалось впечатление, что, зная она об их конкретных преступлениях – все бы рассказала. Как и о том, где они сейчас могут скрываться. Но она об этом не знает.

– Жаль. Ведь Чертуганов, Туманов и другие могут не подтвердить сказанное ею. И надо принять все меры, чтобы как можно скорее их отыскать и тем самым поставить все точки над і

– Такие меры принимаются.

* * *

Шли дни, а принятые меры не дали положительных результатов: Черт, Крест, Тума, Сарафанова и Алехина словно провалились сквозь землю. Не удалось установить и тех, кто был с ними.

Проверили все «малины», названные Светкой, адреса родителей, знакомых. Михальков беспокоился. Шарапов и Тараканов днем и ночью проверяли притоны, чердаки, подвалы, где собиралась публика сомнительного поведения. Время от времени проверяли авто- и железнодорожные вокзалы, аэропорт. Казалось, розыск заходил в тупик. С фотографиями и приметамы разыскиваемых ознакомили постовых милиционеров.

Внимание старшины Феоктистова, дежурившего на автовокзале, привлек парень на вид лет двадцати пяти, крутившийся возле билетных касс, как будто с намерением приобрести билет, но почему-то не покупавший его. Феоктистов, прохаживаясь мимо билетных касс, дважды как бы невзначай встречался с ним. Каждый раз парень отводил глаза в сторону, демонстрируя полное безразличие к милиции, а сам исподволь следил за милиционером.

Не упуская его из виду, Феоктистов зашел за угол, достал из кармана постовую книжку и, аккуратно раскрыв ее, просмотрел фотографии тех, кто на сегодняшний день разыскивался милицией. Сомнений не было: это он, Туманов, о котором у него несколько часов назад состоялся разговор с оперуполномоченным Шараповым. На обороте фотографии написано: «Туманов... по кличке Тума, дважды судим за кражи, может быть вооружен пи-

столетом».

Связавшись по рации с дежурным РОВД, Феоктистов попросил срочно подослать кого-то из сотрудников уголовного розыска. Через несколько минут подъехали двое оперативников. Феоктистов кратко ввел их в курс дела и по одобренному всеми плану двинулся навстречу Туме. Подобравшись, пружинящей походкой тот шел прямо на Феоктистова, готовый при первых признаках опасности прыгнуть в сторону и бежать. И когда до старшины оставался всего один шаг, его нервы не выдержали, он все-таки сделал резкое движение в сторону. Оперативники в доли секунды повисли на его руках, а Феоктистов профессиональным движением ощупал его одежду. Оружия не было.

И тут Туму словно прорвало:

– Убивают! Караул! За что? – заорал он истошным голосом и, дико вращая глазами, задергался, словно в конвульсиях, продолжая осыпать проклятиями тех, кто удерживал его.

Моментально собралась толпа. Из нее послышались недовольные и недоумевающие реплики в защиту Тумы.

– Взяли! – скомандовал Феоктистов. И мгновенно оторванный сильными руками от пола Тума, несколько раз дернувшись, затих, жалобно подвывая, когда его на руках несли к стоявшей неподалеку машине. Дежурный, не спеша, открыл папку с ориентировками, затем набрал поочередно номера телефонов Михалькова и Шарапова. Никто из них не ответил. Набрав следующий номер, он услышал голос Арбузова и доложил ему о задержании Туманова.

Когда Арбузов вошел в дежурную часть, Тума тихо сидел в дальнем от входа углу на стуле и настороженно следил за всем, что происходило в помещении. В голове постоянно крутилась одна мысль: «Засыпался... Но на чем? Кто заложил?»

Увидев Арбузова, он еще больше насторожился. Пока тот шептался с дежурным, от души у Тумы немного отлегло: «Не за мной». Затем Арбузов с помощником дежурного вышли. Тума мысленно все еще пытался разобраться в причине своего задержания. Однако мысль о том, что засыпался, подавляла все остальные, не давала покоя. Других мыслей не было.

Возвратившийся помощник дежурного, подойдя почти вплотную к нему, сказал:

– Пошли.

Привычно заложив руки за спину, Тума нехотя поднялся со

стула.

На третьем этаже его завели в кабинет, в котором его ожидал Арбузов. Предложив сесть, он отпустил помощника дежурного, представился и, как бы между прочим, произнес:

– Здравствуй, Туманов.

Не ответив на приветствие, Тума почувствовал, что его бросило в пот, возникло состояние внутренней растерянности. Заработала мысль: «Знает по фамилии следователь. Почему из прокуратуры?» Прокрутив мысленно свои последние похождения и неплохо зная закон, он решил, что здесь явная ошибка, так как его дела под юрисдикцию прокуратуры не подпадали. В этом он был уверен на все сто процентов. Тогда за что? Может, Кукушка? Да, пожалуй, он. Не исключено, что он. Но эти фокусники следователи могут что угодно и к кому угодно за уши притянуть. Потом оправдывайся. Не зря Кукушка часто заканчивал разговоры о них фразой: «Был бы человек, а статью ему завсегда подыщут». Размышляя так, Тума же из личного опыта прекрасно знал, что и человек был, и статья была, но ему не раз удавалось уходить от ответа за некоторые свои дела, потому что не оказывалось вещдоков, привязывающих его к ним. А что Кукушка балаболит, так мало ли что пьяный да обкуренный болтануть может, вспоминая тех, кто отправлял его за решетку. Порассуждав про себя так, Тума решил все же не показывать своего волнения и настороженности следователю, деланно равнодушно наблюдая за ним, ожидал его вопросов по существу, не забегая вперед.

– Ну, что скажешь, Туманов? – начал Арбузов.

– А что спросишь?

– Давно ли освободился-то?

– Около года назад.

– И чем занимаешься, где работаешь, кем?

– Да болел я первое время, а потом работу подыскивал, чтобы по здоровью подходила.

– И чем же ты болел?

– Сердцем.

– А как же болезнь твоего сердца называется?

– Не знаю, болит сердце, и все. То колотится, как сумасшедшее, то останавливается. А иногда колоть начинает так, что никакая работа на ум не идет.

– К врачам-то обращался?

- Нет, а зачем? – плутовски бегая глазками, ответил Тума.
- Чтобы лечили.
- Не верю, что можно вылечить.
- Ну а жил на что?
- Родители подкидывали. Корешки помогали.
- Какие корешки-то?
- Да вы их не знаете.
- Так назовешь – узнаю.
- Не стоит, пожалуй.

Чувствуя, что разговор не очень клеится, Арбузов решил дать понять Туме, что о нем и его дружках кое-что известно. Внимательно посмотрел на него. Тума почувствовал себя неудобно. Ему явно не нравились вопросы следователя. Но и сдаваться не собирался. Надеялся, что первым откроется Арбузов. И уж тогда Тума окончательно определит свою линию поведения. Пока, глядя в угол, он как будто раздумывал о своем житье-бытье, стараясь показать полное безразличие к собственной судьбе и как можно глубже спрятать свою обеспокоенность. Продолжая в упор рассматривать его, Арбузов неожиданно спросил:

- Так где же твои дружки, которые оказывали тебе помощь?
- Далеко отсюда, – продолжал упираться Тума.
- Может, сказать тебе?
- Если знаете.
- С кого начнем? Может быть, с Креста? Или с Кукушки?
- Не знаю я таких.

Услышав клички своих дружков, Тума заметно приуныл, глаза его еще больше забегали, кончик носа и верхняя губа покрылись бисеринками пота. Он все больше приходил к убеждению, что поводом к его появлению здесь послужили события в тубдиспансере. Но рассказывать о них явно не спешил. Сделав вид, что его информация о Туме явно не достаточна, обращаясь к нему, Арбузов задал очередной вопрос:

- А сколько раз ты судился?

– Сколько, сколько, – раздраженно отреагировал Тума. – Сколько надо, столько и судился. И вообще, за что, начальник, жуешь меня? За мной хвостов нет. Напрасно стараешься. Завязал я, понимаешь? И дружков мне не шей.

Тума начинал нервничать. Арбузов обдумывал очередной вопрос. И в это время зазвенел телефон. Шаранов просил разреше-

ния на участие в разговоре с Тумой. Арбузов решил, что вдвоем разговаривать с ним будет легче, и дал согласие.

Зайдя в кабинет, Шаранов разделся, присел рядом с Арбузовым, чтобы видеть лицо Тумы, и, достав из папки, подал следователю объяснение Фирсовой. Внимательно перечитав его, Арбузов в лоб спросил Туму:

– И Ведьму не знаешь?

– Нет.

– А вот она тебя неплохо знает.

Тума недовольно засопел, наморщил лоб, как-то съежился, почувствовал, что Ведьма побывала в руках милиции и что-то рассказала о нем. Но все или нет, в каких пределах? Вряд ли она могла послушаться Креста и Черта. Скорее всего, строго следовала их указаниям. Уж кто-кто, а она знала Черта лучше других и понимала, что пренебречь тем, что он предписал, невозможно. В тишине громче обычного шелкнули настенные часы. Их шелчок как бы отрезвил Туму и подсказал ему выход из создавшегося положения. На глазах Арбузова и Шарапова Тума преобразился. На его лице появилось выражение этакого простачка, на которого нашло просветление.

– Ведьму? Светку, что ли?

– Да-да, Светку.

– Ну так бы и сказали, что Светку, а то Ведьма да Ведьма.

– При каких обстоятельствах ты в последний раз видел ее около тубдиспансера?

– При каких, при каких?

Чувствовалось, что он все еще пытается тянуть время, предусмотреть следующий вопрос следователя в надежде узнать чуть больше того, что знал, и в зависимости от этого ответить.

– Да-да, отвечай же.

И вдруг Тума неожиданно для Арбузова и Шарапова взбрыкнул:

– Не хочу говорить и не буду! Имею право! Доказывайте! И точка! Не буду, не хочу топить мента первым. Все. Что хотите, то и делайте!

Он демонстративно отвернулся от них и с безразличным видом уставился в окно. Первым начал Шаранов:

– Ну выступил – и достаточно. Опыта у тебя хватает. Нужны тебе очные ставки? Думаю, что нет. Без них-то по делу всегда легче. И ты это знаешь. Я уже не говорю о чистосердечном призна-

нии. Впрочем, и это тебе известно.

Услышав об очной ставке, Тума насторожился. В его голове начали всплывать последние его дела: кражи денег, хрусталя и золотых изделий из квартир, магнитофонов и вещей из автомашин. Нет, Светка о них не знала. Об одних знал Кукушка, о других – Крест, о третьих – Черт. Но ни Светке, ни другим девкам об этом ничего известно не было. Тем более вспоминает тубдиспансер. Значит, речь идет о Кукушке. Но, чтобы его показания казались правдивыми, нужно еще поломаться, «выдержать стойку». А если сразу все выложить, как велел Крест, могут и не поверить. Тем более неизвестно, что им напела Светка. Тума решил поломаться, попытаться выудить у следователя что-то еще, чтобы окончательно определить свою позицию. ,

В кабинете стояла тишина, каждый думал о своем.

– Закурить дадите?

– Возьми, – протянул пачку сигарет и спички Арбузов.

Тума, неторопливо размяв сигарету, медленно зажег спичку, жадно затянулся, оглядел кабинет и спокойным голосом спросил:

– А что вам нужно?

– Ничего, кроме правды, – в тон ему ответил Арбузов.

И тут Туму словно прорвало:

– Ладно, слушайте! Нет, записывайте! Только так, как я скажу! Сидели мы на скамейках у тубдиспансера, разговоры за жизнь вели. И вдруг, откуда ни возьмись, появился ваш. Невысокий такой, коренастый, чернявый, с папкой под мышкой – что директор. И начал приставать к Кукушке: иди да иди. А куда идти – мы не поняли. Ну, Кукушка встал и пошел за угол, чтобы он не приставал к нему. А этот выхватил пистолет и пальнул в Кукушку, а потом – вверх. Тут мы подбежали, он и нам грозил, что в нас стрелять будет. Кричал, матом ругался. Потом сам убежал от нас, а мы Кукушку в «Скорую» хотели отвезти, да шофер не повез. И тут он с врачом появился, мы и ушли кто куда.

– А что с Кукушкой-то? – прервал его Шарапов.

– Что-что... Помер он.

– От кого тебе известно?

– Я звонил в диспансер, братом назвался, мне сестра и сказала, что он помер.

Арбузов записал все, что сказал Туманов, и приступил к вопросам.

– Кто кроме тебя и Фирсовой находился на скамейке у диспансера?

– Там еще были Чертуганов, Анька, Маринка, парень по кличке Крест, еще двое или трое парней, которых я не знаю.

– Ты утверждаешь, что работник милиции первый выстрел произвел в Кукушку, а следующий вверх?

– Утверждаю.

– У следствия есть данные о том, что все произошло наоборот.

– Если есть, так зачем меня спрашиваете? /ы пиши, начальник, что я сказал. А если тебе по-другому нужно, так ты других и спрашивай. По-другому я подписывать не буду.

Задав еще несколько вопросов о том, кто на, какой скамейке сидел, в какой последовательности пошдй за Энверовым и Борисовым, кто подносил к машине раненого, Арбузов закончил беседу и передал исписанные листы Туме для ознакомления.

Он долго, шевеля губами, по слогам перечитывал каждый лист. Чувствовалось, что чтение – явно не его стихия. С недоверием несколько раз перечитывал то место, где была запись о первом и втором выстрелах, произведенных Борисовым. Когда окончательно убедился, что запись сделана именно так, как утверждал он, с явным удовлетворением, скорее даже злорадством, подписал каждый лист объяснения.

Пригласив понятых, Арбузов, Шаранов и Тума поехали к месту происшествия, где он с большим напряжением воспроизводил обстоятельства происшедшего с Кукушкой. Показания Туманова расходились с теми, что давала Фирсова и изложил в своем рапорте Борисов. Разговаривать с ним дальше было преждевременно, оснований для задержания не имелось, и, посоветовавшись между собой, Арбузов и Шаранов предложили ему прийти в прокуратуру через три дня к назначенному часу. Они надеялись, что к этому времени будут разысканы остальные и все станет на свои места. Сняв копию с объяснения Туманова, Шаранов выехал в управление.

Ознакомившись с ним, Михальков пригласил к себе Тараканова, и после обсуждения предложил подготовить первый вариант заключения по результатам служебного расследования.

В основу выводов был положен рапорт Борисова, подтвержденный показаниями Фирсовой и схемами, составленными на месте происшествия с их участием. И хотя они не совпадали с

тем, что говорил Туманов, участники оперативной группы после совместной правки и двукратного перепечатывания на машинке единодушно подписали заключение, в котором черным по белому было написано: «С учетом оценки собранных материалов, обстоятельств применения оружия и личности пострадавшего полагаем: применение табельного оружия старшим лейтенантом Борисовым А. Б. при задержании опасного преступника Энверов^ находящегося во всесоюзном розыске за вооруженное разбойное нападение, считать правомерным».

Вечером генерал утвердил заключение, от руки дописал: «С результатами служебного расследования ознакомить т. Борисова».

III

Начальнику УВД генерал-майору милиции Кудрявцеву В. А.

В связи с возникшей необходимостью прошу Вашего указания направить в городскую прокуратуру материалы служебного расследования по факту применения табельного оружия старшим лейтенантом милиции Борисовым А. Б., а также служебно-партийную характеристику на него.

Прокурор города советник юстиции

В. М. Колпашев

Прочитав письмо прокурора, Кудрявцев понял: началось. Днем раньше в городской прокуратуре состоялось совещание, на котором с участием Ипатьевой и Арбузова рассматривались все материалы, связанные с ранением Энверова.

За полчаса до этого в кабинет прокурора города явился его отец. Невысокого роста, в дорогом, давно не видевшем утюга костюме, мятой белой рубашке, без галстука, со свалывшимися, давно не чесаными волосами, он решительно подошел к столу и, не здороваясь, положил перед прокурором отпечатанное на пишущей машинке заявление. И не сказал, а потребовал:

– Прошу разобраться по закону, не то буду жаловаться выше.

От него противно потянуло водочным перегаром и еще чем-то вроде кислой капусты. Его наглые глаза навывкате требовательно уставились на прокурора.

Колпашев, мельком глянув на напечатанную крупным шрифтом фамилию заявителя и сообразив наконец, кто перед ним,

спокойно ответил:

- Передайте в приемную, там зарегистрируют и мне доложат.
- Некогда мне ходить по твоим приемным. Я сына похоронил!

Прими и вот на этом листе распишись!

Колпашев молча расписался и оставил заявление на столе.

- То-то, а то «приемная»!

И, продолжая бубнить себе под нос что-то невнятное, вышел из кабинета, громко хлопнув дверью...

...Докладывала Ипатьева. Заканчивая анализ собранных материалов, она заключила:

– В действиях Борисова состава преступления не усматривается. Оружие он применил правомерно. Оснований к возбуждению уголовного дела нет.

Как всегда – отрывисто, непреклонно, категорично.

– Что думает по этому поводу товарищ Арбузов?

– Я согласен с мнением прокурора района.

– У кого есть вопросы?

Поднялся худосочный заместитель городского прокурора Жилин. Мрачный, всем и вся недовольный, в вечно лоснящемся форменном мундире. Потирая маленькие, немужские руки, которые, казалось, мерзли в любую погоду, в очках с толстыми стеклами и обгрызанными заушинами, елеиным голосом начал:

– У меня, так сказать, не вопрос, а, скорее, предложение. Прошу выслушать.

Во время совещания он успел познакомиться с содержанием заявления Энверова-старшего.

– С учетом показаний гражданина Туманова, заявления отца убитого и, так сказать, тяжких последствий считаю необходимым возбудить уголовное дело по факту превышения власти и расследовать его. А дальше видно будет. Полагаю также целесообразным, так сказать, запросить в УВД материалы служебного расследования по данному факту и изъять, пока не поздно, пистолет Борисова.

Слушая его, Колпашев вспомнил сегодняшнюю встречу с Энверовым-старшим, и ему показалось, что в небольшом его кабинете все еще чувствуется запах водочного перегара и кислой капусты. Он придвинул к себе заявление и, ознакомившись с содержанием, убедился, что написано оно рукой опытного юриста с замашками максималиста. Чего стоили лишь некоторые его фра-

зы: «совершенно вопиющее беззаконие», «пострадал невинный ребенок», «преступник, облеченный властью, на свободе», «убийца должен быть наказан». И почти две страницы печатного текста в таком духе. «Тяжелое будет дело», – подумал он. И, подводя итог совещанию, обращаясь к Жилину, вслух произнес:

– Вам, Иван Максимович, поручается возбудить дело и провести расследование. При необходимости можете включить в следственную бригаду оперативных работников райпрокуратуры.

Кивком головы Жилин показал, что с решением прокурора согласен.

Он сразу же приступил к разработке плана расследования. Переделывал его несколько раз и отдал машинистке одновременно с запросом материалов служебного расследования из УВД.

Самолично отвез этот запрос и сдал в секретариат управления. В дежурной части УВД произвел выемку пистолета Борисова. И в ожидании ответа из УВД приступил к изучению материалов, собранных Арбузовым. Увлечшись этим, не заметил, как начало темнеть. Включив свет и усевшись в кресло, устало потянулся.

По делу необходимо установить и допросить всех, кто находился с Энверовым на территории диспансера в тот день. Однако имелись лишь объяснения Борисова, Фирсовой, Туманова. Да и фамилии или клички других были установлены далеко не все.

Объяснения Борисова и Фирсовой почти идентичны в существе. У Туманова – прямо противоположные показания. Что скажут остальные? Для того, чтобы их найти и допросить, нужна помощь милиции.

Не раздумывая, он настрочил отдельное поручение УВД, в котором предписывалось установить всех, кто вместе с Энверовым находился на месте случившегося, разыскать их и доставить в прокуратуру. Подумав, добавил: «Дело весьма срочное».

По вопросам, поставленным Арбузовым, судебными медиками и криминалистами, у него замечаний не возникло.

Предстояло разобраться и с одеждой Энверова. С отверстиями в одежде ясно было все. По анаше вряд ли что удастся уточнить. А вот по наличию в карманах его одежды следов от хранения пистолета и ножа необходимо назначить дополнительную экспертизу. Не откладывая, он тут же вынес соответствующее постановление, спрятал бумаги и дела в сейф и, щелкнув выключателем, направился домой.

Получив запрос и отдельное поручение горпрокуратуры, Михальков сразу же пригласил к себе Тараканова и Шарапова. Выждав, пока каждый из них познакомится с документами, произнес:

– Давай-ка, Тараканов, прежде чем отправить материалы служебного расследования, с каждого документа снимем ксерокопии. Запроси из РОВД партийно-служебную характеристику на Борисова и после этого отправь ее в прокуратуру. Ну а теперь нам с тобой надо думать, – сказал он, обращаясь к Шарапову, – где всю эту компанию отлавливать, да как других, пока неизвестных, устанавливать. Видишь, Максимыч расстарался: «Дело весьма срочное». Еще бы дописал «арестантское».

«И этим может кончиться», – подумал Шарапов, а вслух произнес:

– Чует мое сердце – сговорились они все и будут давать показания, как Тума. Уж сколько он ломался, цену себе набивал, паясничал. А его фраза «Не хочу первым топить мента» так и звучит у меня в ушах. Хорошо бы Черта с Крестом на хорошем деле взять, тепленькими. Может быть, боязнь за свою шкуру язык-то им развяжет, не до потопления мента будет. Есть у меня одна задумка. В следственный изолятор вчера поместили одного квартирного вора по кличке Горыныч, он старый дружок Черта, по первой судимости по одному делу шли. Да в колонии крепко поссорились и люто друг друга ненавидят. Если он о Чертовых делах наслышан, не преминет сдать. Хотя, думаю, повозиться с ним придется. Из горрайорганов никакой информации нет, словно все канули в воду. На всякий случай охрану надо предупредить – вдруг двинут на квартиру под сигнализацией. Чтобы не проворонили. Еще раз надо ориентировать всех участковых, чтобы внимательно проверяли общежития, там могут околачиваться Алехина с Сарафановой, гостиницы тоже надо проверить. Вчера веселого такого карманника в Заречном районе задержали с поличным. По своему делу полностью отказывается, кричит, что ему младший оперуполномоченный кошелек потерпевшей в карман подsunул. Ну и как бывает, когда дурь слетела, проявил желание с большим начальством поторговаться. Меня ему за такого и представили.

Очень уж ему хотелось уйти от ответа. Но конкретного ничего от него получить не удалось. Единственное выскочило: Черт и Крест в городе. Говорит, что дней пять назад неподалеку от рынка их видел.

– И в район рынка надо направить несколько наших групп. Может быть, из тех ребят, кто их лично знает.

– Сделаем, – сказал Шарапов.

* * *

С вечера повалил мокрый снег. Часам к десяти в городе стало белым-бело. Улицы обезлюдели. Как всегда, уличное освещение было почти выключено. Лишь на каждом девятом-десятом столбе тускло светили фонари.

Продрогший и злой, Черт бесплодно рыскал по городу в поисках Светки. В нем кипела злость. Какими только эпитетами он ее ни награждал, каких только кар он ей ни придумывал, каких только проклятий ни посылал. Светка исчезла, словно растворилась в снежной белизне.

Его меньше всего беспокоила её судьба. Как загнанный волк, он чуял, что в последнее время внутри Светки что-то сломалось и она может заложить его и остальных. Он допускал, что она может рассказать правду и о том, что произошло с Кукушкой. Ну и черт с ней! Хотя ему очень хотелось посадить Борисова – пусть поест нашей с братвой каши! Она могла рассказать значительно больше. Скажем, о том, что у него, Креста и Кукушки часто бывали немалые суммы денег. Но происхождение их она вряд ли могла бы объяснить. Да и беспокоило его больше другое. Позавчера он вспомнил, что с полгода назад подарил ей золотую брошь с бриллиантом с крупной квартирной кражи в Нежинске. В последующие дни он силился и не мог вспомнить, когда он видел ее у Светки в последний раз. А это – улика.

И сейчас все его помыслы были направлены на поиски Светки. В нем зрела решимость даже убить ее. Лишь бы только не уйти туда, куда с неизбежностью он все равно рано или поздно попадет. Но ради того, чтобы попасть туда как можно позже, сейчас он был готов на все. А Светки не было. И ее отсутствие приводило его в бешенство. Когда далеко за полночь Черт, озираясь, крался к своему очередному пристанищу, из темноты прямо перед его носом вырос Крест.

– Чего рыщешь?

– Светку ищу.

– Смылась твоя Светка. Не трать зря время.

– Откуда знаешь?

– Знаю. Земля слухом полнится. Заскочил к матери. Не знаю, говорит, куда, но уехала насовсем. Ничего не сказала.

Черт присвистнул от удивления. Он был убежден, что она в Нежинске. Считал, что она настолько в его власти, что без него не посмеет ступить и шагу, а она взяла и уехала не спросив. «Ну и дела, – мелькнула мысль. – Да и черт с ней. Пусть мотается. Это даже лучше, что ее нет. Меньше шансов залететь».

Крест явно хотел что-то еще сказать и не решался. Молча они прошли до угла. Затем спросил:

– Сыт, Черт?

– На подсосе.

– Дело есть. Верное. Хозяева в отъезде, за границей. Дома одна бабка. Припугнуть ее, и все. Аппаратура из-за бугра. Наверняка золотишко есть. Почти без риска. И недалеко отсюда, на Садовой. Свой дом.

У Черта загорелись глаза, пахло крупным уловом, а деньги на исходе.

– Давай до утра помаракуем, завтра решим.

* * *

Шарапов уже четвертый час бился с Горынычем в кабинете начальника следственного изолятора. Он наговорил ему кучу разных вещей, которые надо было срочно проверять. Если Горыныч не врал, можно было раскрыть не один десяток преступлений. За это время у Шарапова не раз возникало желание прервать разговор с ним, бежать к своим, чтобы кто-то занялся проверкой только что полученной информации. Но он сдерживал себя, ему нужен был Черт, застигнутый на живом деле. Тепленький, чтобы парок от него шел. Уж больно разговорчиво бывает ворье в таком состоянии.

Горыныч словно почувствовал, что нужно Шарапову.

– Слушай, на Садовой бабка живет одна. Все остальные – в загранке. Не затрещал домишко-то? А должен. Я корешку Черта – Кресту пару недель назад наколку дал. Неуж не сработали? Не похоже на них.

Сказав об этом как бы мимоходом, он тут же перескочил на другие дела. Шарапов не выдержал:

– Слушай, что-то плохо я себя почувствовал. Давай в следующий раз я к тебе заскочу. Закончим разговор.

Горынычу это явно не понравилось. Глаза его потеряли прежний блеск. Он сразу как-то сник из-за внезапно исчезнувшего к нему интереса со стороны Шарапова, который нарочно ссутулившись, спешно покидал кабинет.

Не более чем через полчаса он уже звонил в дверь дома на Садовой. Голос немолодой женщины спросил:

– Кто там?

И Шарапов грудью ощутил, как его внимательно рассматривают через дверной глазок.

– Из уголовного розыска я, откройте, пожалуйста!

Дверь едва приоткрылась, щелкнув цепочкой.

– Не обессудьте, но я бы попросила ваш документ.

Шарапов начал нервничать: вдруг сейчас появятся те, кого он надеялся здесь задержать. Увидев его, они тут же уйдут. И сколько их потом еще придется ждать или искать. Нервничая, он подал в щель удостоверение.

– Проходите, пожалуйста!

Пропустив его в прихожую, закрыв дверь на добротный замок, женщина предложила ему раздеться и, пригласив в комнату, представилась:

– Любушкина Мария Ивановна.

– Очень приятно.

– Чем могу служить?

Шарапов не хотел преждевременно ее волновать. Времени для размышления, как ему казалось, оставалось немного. И он выпалил первое, что пришло в голову:

– У меня возникла острая необходимость понаблюдать за домом напротив. Если разрешите, я некоторое время побуду у вас.

Не проявляя, как это нередко бывает, повышенного интереса, она охотно разрешила. «Надо сообщить нашим. Но как?» – думал он. Оглядевшись, убедился, что телефона в доме нет. Придется просить, чтобы она позвонила в отдел, назвала адрес, где он находится, и попросила побыстрее и незаметно подъехать одного-двух сотрудников.

Мария Ивановна оказалась очень понятливым человеком. За-

писав номера телефонов Михалькова и Ершова, уточнив фамилию Шарапова, она тут же собралась и вышла из дома.

Стоя у окна, выходящего на улицу, он рассчитывал время, через которое могут подъехать ребята. И как ни прикидывал, получалось, что в лучшем случае минут через сорок, не раньше.

«Тогда бы лучше приходили сейчас, пока нет Марии Ивановны, – подумал он. – Мало ли что может случиться? Лучше уж без нее».

Черт заметил выходящую из дома Марию Ивановну и, увидев, что она подошла к ближайшему телефону-автомату, подумал: «Долго тебе придется отыскивать исправный». Он уже убедился, что ближайшие телефоны на улице Садовой не работают.

– Время! – сказал он Кресту.

Шарапову показалось, что около окон с тыльной стороны дома кто-то глухо кашлянул. Аккуратно ступая, он направился к дальней комнате, судя по всему, служившей спальней, и услышал скрежещущие звуки: резали стекло. Вслед за этим послышался и звон разбитого стекла. Когда он, достав пистолет, на цыпочках подкрался к дверям спальни, то увидел на полу кучу белья, уже выброшенного из платяного шкафа, и Черта, лихорадочно шарящего по карманам висевшей в другом отделении шкафа одежды. Не найдя ничего подходящего в карманах, он выбросил в окно дубленку и тут же из ящика прикроватной тумбочки извлек небольшую шкатулку, быстро ее открыл и сунул за пазуху.

«Судя по всему, тот, кому Черт выбросил в разбитое окно дубленку, в доме не появится, – думал Шарапов. – Да и сам Черт долго в нем не задержится».

Решительно шагнув в комнату, Шарапов негромко произнес:

– Руки!

Черт, наклонившись над очередным ящиком тумбочки, в доли секунды, не разгибаясь, метнулся к окну. В последний миг Шарапов левой рукой поймал его за ногу и резко дернул на себя. Схватка оказалась недолгой. Затягивая руки Черта своим брючным ремнем, Шарапов скорее почувствовал, чем увидел, как на пороге спальни, оказалась Мария Ивановна. Видимо, сообразив, что произошло, она только и произнесла:

– Боже мой! – И с удивительным спокойствием продолжала: – Ваши товарищи сейчас подъедут.

Зябко поежившись, она направилась в гостиную. Поразившись ее самообладанию и выдержке, Шаранов вслед за ней выволок в

гостиную Черта, который никак не мог справиться с охватившей его дрожью.

Через час начальник отделения Руслан Ершов вел допрос Черта. Обнаруженная у него за пазухой небольших размеров шкапулка оказалась хранилищем семейных драгоценностей, доставшихся Марии Ивановне в наследство от ее бабушки и матери, и оценивалась в солидную сумму.

«Готов», – подумал Черт.

С ним было все ясно. Но Руслана интересовали соучастник и другие преступления Черта. О своей последней краже он рассказывал охотно и в деталях. О других – молчал. Когда дело доходило до соучастника, он в который раз заводил одну и ту же пластинку:

– Клянусь, начальник, первый раз его увидел сегодня утром на вокзале. И наколку он дал. Судя по всему, фрайер. Но не из местных. Клянусь, не знаю. Ну, чё мне за чужого стойку держать. Знал бы – определил. Мне чё, у меня третья ходка.

Это «мне чё» раздражало Руслана, он понимал, что перед ним не тот простачок, которым он хотел казаться. Его словоохотливость по последнему делу – лишнее свидетельство далеко не первого преступления. И соучастник – не тот, приметы которого он описывает. И разбираться надо с ним серьезно. Но в отдельном поручении содержится категорическое требование: «Не принимая никаких мер, доставить в прокуратуру». С учетом личности Черта, двух его судимостей за квартирные кражи его надо арестовать. Как поступать с ним?

Начальник отдела уголовного розыска был в отпуске. Телефон Михалькова не отвечал, и Руслан позвонил Жилину:

– Докладываю, что один из очевидцев происшествия в тубдиспансере – Чертуганов Вадим Иванович, по кличке Черт, задержан с поличным при совершении квартирной кражи по улице Садовой. Как быть с ним?

– Я вам написал, как быть. Доставьте в прокуратуру.

– Но с ним должен работать следователь по краже.

– Подождут ваши кражи. Везите его сюда.

И через час настороженный Черт сидел перед Жилиным.

– Вы можете рассказать, что произошло двадцать четвертого ноября около пятнадцати часов на территории туберкулезного диспансера?

– Мне чё, могу. Кукушка сидел, а потом побежал от мента, тот

за ним. «Стой, стрелять буду!» А как он будет? Они только грозят. А этот взял да пальнул вверх, а тот бежит...

Еще накануне Жилин выстроил свою версию, совпадающую с тем, что говорил Туманов. Но сегодня получалось, что все соответствовало тому, что говорили Борисов и Фирсова. Версия начинала трещать. А он уже доложил о ней Колпашеву и почувствовал, что и его она устраивает. Теперь вопрос «Как быть?» не давал ему покоя.

– Кто решает вопрос об аресте?

– Кто? Прокурор.

– Это хорошо, что вы, так сказать, осведомлены.

Теперь Черт не мог понять, куда клонит Жилин. Вынув изо рта заушину очков, водрузив их на нос, он положил перед собой чистый бланк протокола допроса и, аккуратно заполнив соответствующие графы, предложил рассказать всю правду.

Черт повторил только что сказанное.

Вынужденно записав это, Жилин письменно сформулировал, а затем устно задал следующий вопрос:

– Свидетель Туманов на допросе показал, что сотрудник милиции после предупреждения сначала выстрелил в Энверова, а затем – в воздух. Чем вы можете объяснить расхождения в ваших с ним показаниях?

Черт, поняв, что дал крупную промашку, слегка заерзал на стуле. Мысль его заработала быстро. Он вспомнил о том, что говорил Крест в день смерти Кукушки, четко сознавал, что раскололся первым, и лихорадочно искал выхода из западни, которую сам себе выстроил.

– Кто вас разберет, кому что надо. Я-то думал, что тебе, гражданин начальник, нужно, как по закону должно быть. Ну, а было-то не так, не по закону. Если что надо, как было, тогда чистосердечно скажу. Было так, как Тума, тью... Туманов говорит. Это факт.

Настроение Жилина улучшилось. Почувствовав, что попал в цель, Черт тоже приободрился.

Окончив допрос, Жилин явно расчувствовался. Сам не курящий, он держал в столе всегда сигареты для угощения раскаявшихся и, не спрашивая, курит тот или нет, молча клал на стол пачку и спички, а уж потом этак по-домашнему предлагал:

– Закуривайте, так сказать...

Черт с удовольствием дымил сигаретой в прокурорском каби-

нете.

– Где вы в настоящее время прописаны и проживаете?

– У предков, адресок-то записан.

– Если вам изберут подписку о невыезде и явке, так сказать, к следствию, вы обещаете мне явиться по первому вызову?

Такого Черт никак не ожидал. И с не присушим ему подобострастием выдохнул:

– А как же.

Приоткрыв дверь кабинета, Жилин жестом подозвал к себе следователя райотдела лейтенанта Желнова, томившегося в коридоре в ожидании окончания допроса Черта. Строго поглядев на него, тоном, не терпящим возражений, произнес:

– Молодой человек! При расследовании дела Чертуганова настоятельно, так сказать, рекомендую в отношении его арест не применять, а избрать подписку о невыезде. Считайте это моим указанием. Можете взять Чертуганова для допроса.

Когда дверь за Чертугановым закрылась, он по телефону предупредил прокурора района и просил сказать об этом его заместителю, чтобы при обращении к ним милиции по поводу ареста Чертуганова в отношении» его было предписано избрать подписку о невыезде, объяснив это тактическими соображениями по другому делу.

Необходимый Жилину для допроса Туманов в назначенный срок в прокуратуру района не явился и исчез.

Уточнив некоторые детали при допросе Чертуганова, Желнов, не раздумывая, задержал его. На исходе третьих суток в кабинете прокурора района он доказывал необходимость ареста Чертуганова.

– В прошлом дважды судим за кражи, освободившись из колонии, на протяжении полутора лет работал всего лишь четыре месяца. По месту прописки длительное время не проживает, фактически не имеет постоянного места жительства, может скрыться от следствия и суда.

Прокурор внимательно слушал Желнова, внутренне полностью разделяя его мнение, но помнил и о недавнем разговоре с Жилиным. Не хотелось осложнять отношения с одним из начальников. В конце-концов это обстоятельство взяло верх.

На постановлении Желнова об аресте Чертуганова он написал: «Избрать подписку о невыезде, до суда принять меры к трудоу-

стройству».

Желнов через стол прочел указание прокурора и вопросительно посмотрел на него. Не глядя ему в глаза, прокурор подчеркнуто официально отрезал:

– Исполняйте.

Спустя полчаса Чертуганов был освобожден из изолятора временного содержания.

* * *

Участковый инспектор старший лейтенант Сидоров перед окончанием смены заканчивал обход участка. Стрелки на⁴ часах показывали полночь. И он представлял себе, как, придя домой, выпьет традиционную кружку молока, может быть, отоспится за предстоящие выходные дни и хоть раз в этом месяце по-настоящему отдохнет в кругу семьи. Неожиданно размышления его были прерваны негромким разговором, идущим откуда-то снизу. Разговаривавшие в подвале замолкли, как только услышали шаги. Внимательно посмотрев вниз, в окне полуподвала он заметил тотчас погасший огонек сигареты.

Стараясь не шуметь, Сидоров спустился в полуподвал.

Постоял, прислушался и услышал, как в дальнем углу кто-то не то всхлипывал, не то разговаривал сам с собой.

Внезапно включенный луч карманного фонарика высветил кучу шевелящегося тряпья. Подойдя ближе, Сидоров сообразил, что это укрывшийся тряпьем плачущий человек. Чувствовалось, что в полуподвале только что курили. Посветив вокруг себя и убедившись, что явных следов пребывания других людей не видно, он подошел вплотную к замершему тряпью и потребовал:

– А ну выходи!

Тряпье не шевелилось и замолчало. Тогда он сам начал разбрасывать его в стороны. Перед ним оказалась девчонка на вид лет пятнадцати – шестнадцати. На ее щеках были отчетливо видны грязные потеки от слез. Непонятного цвета вязаная шапчонка, замызганная, когда-то, видимо, светло-синяя или голубая куртка, теперь совершенно белесые, до безобразия грязные джинсы и какое-то подобие полусапожек или ботинок на ногах.

– А ну, выходи, беглянка, чего расхныкалась?

Раздвинув ногой остатки тряпья и убедившись, что под ними ничего не осталось, он вывел её из подвала за руку. Девчонка, вы-

йдя на улицу, захныкала:

– Отпустите, дяденька. Я больше не буду. Я сама вернусь домой.

– Кто ты и откуда?

– Из Краснослободска.

– А как звать?

– Марина Федорова.

– Не отпускаю я тебя, пока родителей не вызову.

– Ой, не надо, мне и так попадет. Папка всегда пьяный, мама в больнице. Ох и будет он меня би-и-ить!

И вновь притворно захныкала.

– Хватит реветь, – сказал Сидоров, заводя ее в дежурную комнату райотдела.

По данным адресного бюро, в Краснослободске Федорова Марина не проживала. И по названному ею адресу вообще Федоровы не жили. Никаких документов у нее не оказалось.

– Направляй в приемник-распределитель для несовершеннолетних, утром разберемся, – сказал он дежурному и отправился домой.

* * *

Следующим утром начальник приемника для несовершеннолетних докладывал Михалькову:

– Как выяснилось, доставленная сегодня ночью из Заречного райотдела Марина Федорова, во-первых, имеет фамилию Алехина во-вторых, по возрасту (ей уже девятнадцать лет) не может у нас содержаться, в-третьих, передо мной ориентировка отдела уголовного розыска о ее доставлении в Нежинскую городскую прокуратуру. Хочу посоветоваться, как с ней поступить?

– Доставьте ее прямо к заместителю прокурора Жилину. Предварительно выясните, на месте ли он.

Отмытую Марину привели прямо в кабинет Жилина. Оглядев-шись, она робко присела на краешек предложенного ей стула.

Без проволочек Жилин предложил рассказать все известное ей о происшествии около тубдиспансера двадцать четвертого ноября.

Нисколько не смутившись, словно давно ожидала этого вопроса, она слово в слово повторила показания Туманова. Они вполне устраивали Жилина. И он решил пойти дальше.

– Вы когда-нибудь видели, так сказать, огнестрельное или холодное оружие у погибшего Энверова и его друзей?

– Нет, – выпалила она.

Затем последовали другие вопросы.

– Знакома ли вам Светлана Фирсова?

– Да, я ее знаю.

– Так вот она на допросе показала, что у Энверова и его товарищей имелось огнестрельное и холодное оружие. Кому из вас верить?

– Не знаю, кому верить, но оружия я не видела, среди нас разговоров о нем не было.

Марина страшно боялась не только живых – Черта, Креста, Тумы, но и мертвого Кукушку. Перед ее глазами до сих пор стояла пьяная физиономия Креста, в ушах звучали его предупреждения о поведении при разговоре в милиции или прокуратуре на эту тему. Она считала их всемогущими, способными достать даже из тюрьмы. У них полным-полно друзей-товарищей, готовых выполнить любое их поручение. Нет, все что угодно, только не будет она рассказывать ничего другого, кроме предписанного Крестом. Пусть что хотят, то и делают с ней. И скорее бы отсюда вырваться. Ее совсем не беспокоило, где она проведет сегодняшнюю ночь, что будет есть. Лишь одна мысль не давала ей покоя: «Скорее отсюда!».

Получив с нее подписи на протоколе допроса, Жилин посоветовал ей возвратиться домой, устроиться на работу и ждать очередного вызова в прокуратуру. «Ждать замучаешься», – подумала она и, скромно обронив: «До свидания», легко выскочила из кабинета.

Проболтавшись бесцельно несколько часов по городу, она почувствовала, что замерзла, все сильнее хотелось есть. В кармане не было ни копейки. В надежде встретить кого-нибудь из своих знакомых и поесть за их счет она решила идти на автовокзал. Проходя мимо кинотеатра «Восток», не выдержала и прямо влетела в кассовый зал, чтобы хоть чуточку согреться. Около окошка кассы в очереди стояло несколько человек. Не обращая на них внимания, она подошла к батарее парового отопления, несколько минут посидела на ней, затем повернулась к ней лицом и, держа руки на батарее, пыталась хоть немного их отогреть. В это время кто-то сзади взял ее голову в руки и крепко держал, лишая воз-

возможности повернуться. Резко крутнувшись, она увидела перед собой Аньку Сарафанову.

– Ты что заиграла?

– Весело, вот и играю.

– Слушай, шайбы есть?

– Ну.

– Покормила бы, жрать хочется – сил никаких нет.

– Идем.

Они сидели за столом в захудалом, далеко не чистом и не уютном кафе. Анька сыто ковырялась в тарелке вилкой, накалывая на нее кусочки мяса, не притрагиваясь к гарниру. Её подруга с жадностью уплетала вторую порцию рубленого бифштекса и уже нетерпеливо поглядывала на стакан дымящегося столовского кофе со свежей булочкой на тарелке.

Закончив есть, Марина рукой вытерла губы и, разомлев, ослонившись от сытного обеда глазами уставилась на свою спасительницу.

– Слушай, меня сегодня в прокуратуру таскали.

– Ну?

– Дохлячок очкастый часа два жилы мотал, допрашивал, как Кукушку мент застрелил.

– Ну?

– Все рассказала, как Крест велел. Сказал, иди домой и жди вызова в прокуратуру. Да на работу устройся.

– Ну?

– Перебьется. Ишь, захотел чего. Что я, батянину пьяную рожу да слез мамашиных давно не видела? Ни в какой дом я не пойду, – и, потянувшись, добавила: – Скорей бы лето, когда каждый кустик ночевать пустит.

– Слушай, а Ведьму ты с тех пор не видела?

– Нет.

– Она, сука, отреклась от нас. Этот, худой-то, из прокуратуры, спрашивал, кто из нас – я или она правду рассказывает. Будто она рассказала все не так, как Крест велел.

– Ой дура! Она что, жить не хочет?

– Может, нет, – неуверенно протянула Марина.

– Дождется своего часа, дура, полетит на небо вслед за Кукушкой. Ни Черт, ни Крест, ни Тума ее так не отпустят. Ну, ладно, вставай да пошли. Дела у меня.

При выходе из кафе она сунула в карман куртки Марины несколько замусоленных рублей. И они разошлись в разные стороны.

Обернувшись, Марина с завистью посмотрела на плотно облегающую Аньку дубленку, которой раньше она у нее не видела. «При деньгах и прилично одета. Живут же люди», – еще раз позавидовала она ей. И, увидев себя в стеклах витрины гастронома, горько вздохнула.

Ночью пьяную Аньку за дебош в гостинице «Центральная» привезли в вытрезвитель. Чувствуя себя крепко навеселе, она и здесь сначала громко сквернословила, потом распевала похабные частушки, затем начала скулить и неизвестно у кого и за что просить прощения. Набесившись, она несколько раз всхлипнула, натянула на себя одеяло и, по-детски поджав колени к подбородку, заснула.

Когда утром ее стали будить, долго куражилась, не хотела ни просыпаться, ни вставать. Не открывая глаз, грозилась всех снимать с работы, явно еще не понимая, где она находится. Успокоилась, когда дежурный фельдшер-женщина стянула с нее одеяло и громко потребовала, чтобы она поднялась. Все еще пьяными глазами обвела присутствующих, и только тут до нее дошло, где она находится.

– Ой, мама родная, кто же меня сюда определил? Чтоб у него глаза на лоб вылезли! Это ж тот слюнявый интеллигент, командированный из Москвы. Это он меня сдал... Во гад, во подонок! А какие песни сладкие пел в ресторане-то! Вот сволочь, чтоб ты сдох!

Выступив на эту тему, она как-то обмякла, на опухшем от водки, еще молодом лице появилась маска смирения и покорности.

При оформлении протокола, не глядя на дежурного, наверное, впервые за свою короткую жизнь, не имея документов, она правильно назвала свою фамилию, имя и отчество.

Они насторожили дежурного. И он, делая записи в протоколе, время от времени скользил глазами по стеклу на столе, под которым лежали свежие ориентировки уголовного розыска.

При окончательном освобождении из вытрезвителя ее внимание привлек лет тридцати пяти мужчина в штатском, галантно подавший ей дубленку, до этого внимательно изучавший фирменную этикетку на ней с надписью на английском языке: «Изготовлено в Канаде».

– Капитан Шарапов из уголовного розыска. Прошу со мной.

Такой поворот событий обескуражил Аньку. Она с ужасом подумала, что накануне спяну натворила что-то страшное.

Шаранов уловил ее смятение. По пути в прокуратуру он не проронил ни слова, посчитав, что так она быстрее созреет для предстоящего разговора.

Жилин категорически возразил против присутствия Шарапова на допросе Аньки, запретил также изымать у нее дубленку в стенах прокуратуры, брезгливо подчеркнул:

– Вашими делами занимайтесь в своем доме.

Пока он допрашивал Аньку, Шаранов из приемной звонил Ершову:

– Пошли кого-нибудь домой к Сарафановой, пусть привезут ей от родителей какую бы то ни было верхнюю одежду, хоть телогрейку. Похоже, что дубленка на ней с Садовой.

Жилин заканчивал допрос, Анька для приличия немного повыламывалась, картинно закатив глаза, заламывала руки, делала вид, что силится вспомнить день двадцать четвертого ноября и не может. Пыталась даже строить глазки Жилину. Однако, встретив с его стороны явное непонимание, быстро пропела необходимые ему показания, заявив, что никакого оружия она никогда не видела.

Пока она перечитывала свои показания и подписывала протокол, Жилин под столом тайком от нее, потирал свои вечно мерзнувшие руки, испытывая удовлетворение от результатов допроса.

Когда Шаранов уводил Аньку из прокуратуры, Жилин, придержав его за рукав пальто, угрожающим тоном произнес:

– И чтобы никаких вопросов в связи с Энверовым!

– Наше дело кражи раскрывать, а не вопросы задавать, – отпарировал Шарапов.

Несколько позже Ершов и Шаранов в кабинете Желнова допрашивали Аньку.

– Когда, где, при каких обстоятельствах, Анна, появилась у тебя дубленка?

Она сразу сообразила, в чем дело. Глаза ее забегали по сторонам.

– Купила три дня назад.

– За какую цену?

– По дешевке, с рук, двести рублей отдала.

– У кого?

– Да не знаю его, в районе рынка крутился какой-то малец лет пятнадцати.

– А у него откуда дубленка?

– Вот уж не спрашивала, – наглела Анька.

– Ну и где же ты эти двести рублей заработала?

– Правду сказать?

– Разумеется.

– Переспала с одним иностранцем, вот и заработала.

– Что ж ты на себя наговариваешь? Где ты с ним спала?

– В гостинице.

– В какой?

Анька чувствовала, что ей не верят, но свою версию решила отстаивать до конца.

– В «Нежинске».

– А когда это было?

– За день до покупки.

Руслан знал, что иностранцы в «Нежинске» не живут. Знала это и Анька. Но темп, в котором задавались вопросы, просто загнал ее. С перепою она все еще туго соображала. И название этой гостиницы ляпнула, не подумав.

Ершов молча набрал номер телефона директора гостиницы. Когда ответили, представился, поздоровался и, глядя на Аньку в упор, начал издали:

– К нам в УВД приезжает иностранная делегация, три человека. Нельзя ли их разместить в нашей гостинице?

Сказав это, он слегка отстранил трубку от уха, зная, что ответ услышит и Сарафанова. Понимая это, Анька задержалась, замаха-ла руками:

– Ой, я ошиблась. Это было в «Заречной».

Там иностранцев размещали. Разговор принимал другой характер. Теперь Анька почувствовала, что выигрывает она.

– Ладно, хватит играть в кошки-мышки!

– А я не это, – игриво заявила Анька.

– Играешь, Аня, играешь. Давай-ка действительно перестанем это делать. Ты заявляешь, что купила дубленку у неизвестного мальчишки?

– Да.

– По секрету тебе скажу: она краденая. Мальчишка не может

иметь новой дубленки и продавать ее по дешевке. Это ты знаешь не хуже меня. Но вот знаешь ли ты, как это называется на языке Уголовного кодекса?

– Как? – сорвалось у Аньки, помимо ее воли.

– Любопытная ты, однако. Скупкой заведомо краденого называется и предусматривает наказание лишением свободы. И если тебя одолевает любопытство, то кражу эту совершил один из твоих дружков по кличке Черт. Или ты его на деле Шайтаном называешь?

– Я-то тут причем?

– А притом, Анна, что эту дубленку он на моих глазах выкинул из дома через окно. Уж не ты ли под окном стояла?

Лицо у Аньки покрылось пятнами, ей сразу стало жарко, и она хотела было снять дубленку. Но Ершов, подав знак Шарарову, удержал ее.

В дверь кабинета Шаранов пропустил понятых. Предложив им сесть, Ершов сказал, обращаясь к Аньке:

– Вот теперь ты можешь снять дубленку. Оформляй, Желнов.

Когда понятые, подписав протокол, покинули кабинет, в дело вступил Желнов.

– Ну, Сарафанова, теперь уж рассказывай все как на духу.

В соседнем кабинете Мария Ивановна Любушкина в числе других твердо опознала свою дубленку и искренне благодарила Шарарова.

Припертая к стене, Анька наконец рассказала, что дубленку для продажи ей отдал Крест. Но она решила несколько дней ее поносить сама и попалась.

Соучастник Черта в краже на Садовой был установлен. Но где он сейчас находится, Анька не знала.

* * *

Семенящей походкой Жилин вошел в кабинет Колпашева, поздоровавшись, подошел к столу и молча ждал приглашения сесть. Получив разрешение, присел и, разложив материалы дела на приставном столе, приступил к докладу.

– Допрошенные по делу Туманов, Чертуганов, Алехина и Сарафанова показали, что Борисов применил оружие в нарушение правил. Первый выстрел он произвел в Энверова, а затем – вверх. Есть оправданные сомнения – были ли вообще основания для

применения оружия. Даже если исходить из того, что Энверов действительно бросил в Борисова нож. Ведь он в него не попал. Следовательно, после броска реальной угрозы жизни Борисова не было. Да и само существование ножа, как и иного оружия, собранными материалами не подтверждается. Нож не найден, никто из допрошенных ножа, тем более пистолета, у погибшего никогда не видел.

– Остается установить местонахождение еще одного очевидца, допросить его, провести экспертизу на наличие следов металла в карманах одежды убитого. Затем – очные ставки с Борисовым и Фирсовой. После них по делу все станет ясно.

– Доложите после проведения очных ставок и получения заключения экспертов.

– Непременно.

Суетливо подобрав бумаги и как попало запихнув их в папку, Жилин той же походкой вышел из кабинета прокурора.

Крест никак не мог разыскать Аньку, которая должна была после продажи дубленки отдать ему деньги. Зная в городе все места, где она могла появиться, он по второму разу обходил их. В нем закипала злоба, и Аньке грозила хорошая трепка. Но главное – у него кончались деньги. Оставались считанные рубли. На примете ничего подходящего не было. Да и с кем было идти на дело? Черт, как ему думалось, сидит. Да и как еще с ним могли поступить, взяв с поличным на краже. Куда-то запропастился и не появляется Тума. Даже из малознакомых никто не встретился. На душе было тошно. «Странное дело, – размышлял Крест, – когда у тебя куча денег – откуда друзья и подруги появляются. Когда же в кармане копейки – все они исчезают. И днем с огнем не отыщешь. Интересно жизнь устроена».

Бесполезно побродив по улицам, решил уехать в пригород. Там он знал пивную, где можно было побаловаться пивком на оставшиеся деньги, а заодно и поразмышлять, что делать дальше. Предпочитавший разезжать на такси или частных машинах, он с неудовольствием втиснулся в набитый людьми автобус, чтобы добраться к намеченному месту. Приехав, зашел в туалет, запер кабину на щеколду и пересчитал извлеченные из карманов наличные, включая мелочь.

Купив две кружки пива и сомнительного вида бутерброд с колбасой, подошел к свободному столику, и, стоя, отхлебнул пива.

Ничего интересного на ум не приходило. И сколько он ни размышлял, оставалось одно: отыскать Аньку и, если она не продала дубленку, отобрать ее и сделать это самому. Он так увлекся раздумьями, как это быстрее сделать, что не заметил подходящего к его столику незнакомца с пивом в руках. И только легкий стук кружек о крышку стола вернул его к действительности.

– Не помешаю?

Перед ним стоял улыбающийся парень, одетый в белоснежный новый полушубок, норковую шапку, импортные теплые сапоги на чуть выше обычного каблуках. Краснощекий, жизнерадостный, с простоватым выражением лица.

Жадно отпив несколько глотков из кружки, словно спешил утолить жажду, он с любопытством рассматривал Креста.

Тому сначала не понравилось это разглядывание в упор. Он быстро осушил первую кружку, взялся за вторую и собрался тут же уйти. Но не успел протянуть руку к кружке, как парень с улыбкой положил перед ним воблу средних размеров. Изобразив подобие улыбки и на своем лице, Крест тут же распотрошил ее, оторвал кусочек спинки, с удовольствием выпил вторую кружку. И молча принес еще две кружки пива – себе и соседу по столу. В ответ на это тот дал Кресту вторую воблу.

– Угощайся, у нас этого добра много.

– Где это – у вас?

– На Камчатке. Подводников ею питают, и другим достается.

– А ты что – подводник?

– Рыбак я. Рыбу ловлю, большую и малую.

Из пивной они выходили вдвоем.

– Поедем в город, кутнем в ресторане, – предложил рыбак.

– Не на что кутить.

– Я в отпуске, – похлопал он себя по карману.

Начав со ста граммов, из ресторана они выходили крепко навеселе. Но временами Крест казался заметно трезвее своего собутельника. В обнимку зашли за угол. Рыбак, с трудом выговаривая слова, твердил:

– В-вит-тёк, ищи рябую, отвези до дома.

– Счас, счас.

Такси, как назло, не было. Вокруг было безлюдно. Оглядевшись по сторонам, Крест ребром ладони резко ударил рыбака по шее. Тот еще больше обмяк и начал падать. Крест придержал его, не

давая удариться, уложил на газон, обшарил карманы, переложил из них в свой пачку денег, снял с его головы шапку и быстро начал удаляться.

Из-за угла вынырнули юркие «Жигули». Крест с облегчением подумал: «Теперь ищи ветра в поле» – и, голосуя, поднял руку. Когда, не остановившись, «Жигули» проскочили мимо, к ужасу своему, Крест заметил, что они – милицейские. Резко развернувшись, он перешел улицу и пошел в обратном направлении. Не пройдя и ста метров, заметил позади себя свет фар машины, шедшей в попутном с ним направлении. Обернувшись, из-за яркого света не успел рассмотреть марку. Не желая больше рисковать, на этот раз он воздержался от голосования. Не доезжая метров двадцать до спешно шагающего Креста, машина резко повернула в его сторону.

– Пьяные, что ли? – мелькнула мысль.

И только резкий визг тормозов послал Кресту импульс реальной опасности. Увидев выскакивающих на ходу из машины милиционеров, Крест бросился бежать, услышав вслед:

– Стой, пускаю собаку!

Достав из-за пазухи шапку своего собутыльника, незаметно выбросил ее в придорожный кювет. У него шевельнулась было мысль то же самое сделать и с пачкой денег. Но, не успев сунуть руку в карман, он ощутил резкий толчок в спину и тут же оказался на раскисшей от снега и дождя земле. Применяя испытанный прием, громко заорал:

– Караул! Убивают! Помогите!

Продолжая кричать, он ожидал, что ему начнут заводить руки за спину. Однако, попытавшись подняться, услышал рычание собаки и топот ног подбегающих милиционеров. Заставив подобрать брошенную шапку, милиционеры доставили его в дежурную часть Курортного отделения милиции.

Через три дня Шаранов по телефону докладывал Жилину:

– Интересующий вас Крестинский Виктор Иванович, по кличке Крест, арестован за ограбление пьяного Курортным отделением милиций и содержится в районном ИВС.

– Как арестован? Кто разрешил?

– Арест санкционировал прокурор Первомайского района.

– А кто поставил вопрос об аресте?

– Следователь отделения милиции.

– Это безобразие!

Ничего не ответив, Шарапов положил трубку.

Зайдя в комнату для допросов ИВС и увидев Жилина в форменном мундире прокурора, Крест немало удивился этому. После ареста он ожидал такую встречу только в суде. «Это из-за Кукушки», – уверенно подумал он.

И сразу выложил Жилину сочиненную им же версию об обстоятельствах убийства Кукушки. Подписав протокол, заметил, что прокурор результатами его допроса доволен. И домыслил: «Значит, никто не ослушался».

В заключении экспертов утверждалось, что в карманах одежды Кукушки следов нахождения металлических предметов не обнаружено.

V

Вызванный в прокуратуру Борисов уже второй час ожидал приглашения к Жилину, который, казалось, проверял нервную систему Анатолия, умышленно затягивая разговор с ним.

Туманов, Чертуганов и остальные, несмотря на посланные им повестки, в прокуратуру не явились.

Отпустив Борисова после допроса, Жилин тщательно сверил его прежние объяснения с сегодняшними показаниями. Расхождений не было. Внимательно перечитал остальные материалы. Необходимость проведения очных ставок Борисову казалась для него бесспорной.

Но те, с кем он должен был их проводить, по неоднократным его вызовам в прокуратуру так и не пришли. Испытывая в связи с этим беспокойство, он уже почти сожалел о том, что запретил арестовывать Чертуганова. И про себя решил, что первомайский прокурор правильно поступил, санкционировав арест Крестинского. Оставалось одно: готовить постановление о приводе остальных.

Время шло, но это постановление прокуратуры оставалось неисполненным. Никто из них по известным милиции адресам с тех пор не появлялся. Чертуганов не являлся и по вызовам милиции.

Шарапов почти круглосуточно разыскивал всю эту компанию, но никого из них пока не мог найти.

Жилин был крайне недоволен, как он считал, неразворотливо-

стью милиции.

Для Борисова наступили тяжкие дни, полные беспокойства, тревоги и ожидания. Случившееся с ним стало известно Джамиле. И хотя она не задавала вопросов, беспокойство и тревога за судьбу мужа читались в ее глазах. Из прежде шумной квартиры исчезли шутки и смех. Даже по-прежнему работавший по вечерам телевизор, казалось, звучал тише обычного. Состояние тревоги родителей передалось и двухлетней Наташке.

На работе сохранялись прежние отношения. И хотя никто не спрашивал Анатолия о том, что произошло, чувствовал он себя неуютно. Ему часто казалось, что кому-то из сослуживцев хотелось бы знать, как у него обстоят дела. Но он ни разу не дал им повода спросить об этом. И чувствовал, что одним хотелось просто поддержать его добрым словом, другим – дать дельный совет, третьих одолевало праздное любопытство. Их и опасался пуще всего Анатолий. Стремясь избавиться от одолевавших его тревожных мыслей, он весь ушел в работу. И это стоило немалых усилий. На работе не все клеилось. Хотя в недобросовестности его никто не упрекал, он сам чувствовал, что не все у него получается так, как раньше.

С того злопамятного дня ему удалось раскрыть несколько преступлений. Наконец он установил и задержал домушника, обокравшего квартиру пенсионера, возвратившегося откуда-то с Севера и доставившего ему немало хлопот своими все новыми версиями о возможных подозреваемых. Вместе с этой пошли, как принято говорить, еще три кражи. Одна из них была совершена в соседней области и числилась нераскрытой.

За сбыт наркотиков был арестован махровый сбытчик Сигаев. За ним Анатолий охотился около года. И сейчас он был обезврежен.

Появились зацепки по другим нераскрытым делам.

Днем Анатолий отвлекался от своих бед. Но ночью он нередко лежал с закрытыми глазами и, как ни старался, заснуть не мог. Мысли в голову приходили разные.

По утрам, он, невыспавшийся, нередко с больной головой, наспех выпив стакан чая, уходил на работу.

Недобрые предчувствия и мучительное ожидание не покидали его.

Шарапов продолжал поиск так необходимых Жилину свидетелей. Ему удалось установить несколько мест их обитания. Никто из них длительное время там не появлялся. Но Шарапов не терял надежды.

К дому, где в ночь после случившегося состоялась последняя встреча Кукушкиных друзей, он наведывался довольно часто и в разное время суток.

В тот вечер он долго ожидал возвращения Михалькова из района. Доклад Шарапова был кратким: никого из этой группы обнаружить не удалось. Особое внимание уделяется проверке известного им дома на Сосновой.

Михальков разговаривал в резких, не присущих ему тонах, и окончание разговора было не из приятных.

– Ты думаешь, за тебя дядя их разыщет? Может быть, МУР придет для оказания тебе помощи или из Скотланд-Ярда кого-нибудь пригласят? За руку я тебя водить не собираюсь, учить – тоже, вышел ты из этого возраста. Самому людей учить пора. Даю тебе трое суток для их розыска и доклада об исполнении. Других сроков у нас нет. Можешь быть свободен.

Шарапов тяжело поднялся со стула и молча вышел. Добравшись до райотдела, спросил, кто из оперативников у себя. На месте находился только прибывший в этом году выпускник Омской школы Родин. Молодой, розовощекий, краснеющий при первом к нему обращении, он, сидя за столом, что-то писал, наморщив лоб. Увидев входящего в кабинет Шарапова, поднялся из-за стола и вопросительно посмотрел на него. Поздоровавшись, Шарапов сел за стол напротив, глазами показал, чтобы и он сел. Внимательно посмотрев на этого парнишку, подумал: «Молодо-зелено, но и такой в помощниках ходить может».

– Помоги проверить один адрес. Очень нужно. Вдвоем-то сподручней. Других никого в райотделе нет.

Родин словно только и ждал этого. Быстро сунул в сейф недописанный лист, и на «дежурке» они выехали к дому на улице Сосновой. Оставив машину в начале улицы, через десять минут тихо подходили к дому. В окнах было темно. Как будто никаких признаков жизни. Стоя у забора, они продолжали с надеждой всматриваться в темные окна. Вокруг было тихо.

Шарапов решил было войти во двор и постучать в дверь. Но

вдруг услышал, что в доме, у самых дверей кто-то завозился, видимо, со щеколдой. Словно по команде, оба прижались к забору. Появившийся на крыльце человек, посмотрев по сторонам, прямо с крыльца отправил естественные надобности и, глухо кашлянув, скрылся в доме. В тишине было слышно, как он, чертыхаясь, возился со щеколдой, закрывая дверь.

– Оставайся под окнами. Если будут уходить – попытайся задержать хотя бы одного, без применения оружия. Силенок хватит?

Родин молча кивнул головой.

Шарапов решительно направился к дому и громко постучал в дверь. В доме было по-прежнему тихо. На повторный стук раздался заспанный мужской голос:

– Ктой-то стучит?

Шарапов по голосу узнал Черта.

– Открой, Чертуганов. Это Шарапов из уголовного розыска.

– Не открою.

– Открой, говорю. Дело есть.

– Не положено тебе по ночам людей тревожить. Приходи утром, а счас по конституции не имеешь права. Я спать хочу.

– Открой, тебе говорят!

– Не буду открывать, начальник. И ничего ты мне не сделаешь. Мне гражданин прокурор сказал, што у дома есть неприкосновенность. И никто не может ее нарушать.

– Какой прокурор тебе об этом сказал?

– Какой, какой... Жилин его фамилия.

Черт явно спекулировал именем Жилина, пытаясь издеваться над Шараповым. Конечно, можно выбить дверь и ворваться в дом. Но кто еще находится в нем, кроме Черта? Мог быть кто-то еще, возможно, с оружием. Могли оказать сопротивление, поднять шум, разбудить тех, кто живет поблизости. Не любил шумных дел Шарапов. Тем более не хотелось поднимать шум посреди ночи. Сейчас он лихорадочно отыскивал бесшумный вариант. И, следуя принципу Черта, воспользовался его ссылкой на Жилина.

– Это заместитель прокурора, что ли?

– Он самый.

– Так я по его поручению тебя и разыскиваю.

– А тебе что, дня мало? – продолжал куражиться Черт.

– Так днем тебя не было, он и поручил мне тебя хоть сейчас

найти.

В голосе Черта почувствовалось замешательство.

– Ну и что?

– Как что? Ты же знаешь, он к тебе по-доброму относится. Стоит ли тебе портить с ним отношения? Я ведь скажу, что ты не хочешь к нему являться. Он может рассердиться на тебя. И тогда твои дела могут быть плохи.

Черт заколебался, помолчал, что-то обдумывая.

– Чем докажешь, что Жилин вызывает?

– Повестку покажу.

– Повестку, говоришь?

– Конечно.

– Не врешь?

– Открывай, открывай – увидишь.

– Подожди.

Наблюдавший за окнами Родин заметил, как кто-то выглянул в ближнее к нему темное окно и тут же отошел от него.

Шаранов услышал знакомые звуки, свидетельствующие о возне со щеколдой, дверь распахнулась, и перед ним оказался уже одетый Черт с ключом в руках.

– На чем поедем?

– Погоди, Черт, найдем на чем.

Шаранов взял его под руку, грудью потеснил внутрь дома. Черт слегка попятился, и они оказались в доме.

– Электричество есть?

– А зачем тебе?

– Пить очень хочется, вода найдется?

Пока Черт раздумывал, Шаранов нащупал выключатель, и в передней тускло вспыхнула лампочка. Он почувствовал, что Черт в доме не один. Кто-то был рядом в комнате. Он резко распахнул в нее дверь.

На дырявом широком диване вповалку спали Тума, Анька и Марина. От проникшего из передней света Анька отвернулась к стенке, Тума, сидя, протирал глаза, делая вид, что никак не может проснуться, Марина же изо всех сил старалась показать, что крепко-накрепко спит и ее ничто не сможет разбудить.

– Родин, – крикнул Шаранов. – Войди в дом!

– Смотри-ка, все они нужны Жилину. А их как будто это не касается. Дрыхнут, и все тут. Ну-ка, мальчишки-девочки, поднимай-

тесь. Хватит спать!

Шаранов и Родин терпеливо ожидали, давая возможность дамам привести себя в порядок.

– Подгоняй машину, – сказал Шаранов Родину.

Через полчаса они благополучно подвезли всю компанию к райотделу и, высадив из машины, завели к дежурному.

Шаранов позвонил по телефону. Никто не отвечал.

– Ну вот, Чертуганов, пока ты ломался, товарищ Жилин не дождался тебя, ушел спать. Будем будить его или до утра подождете?

– Подождем, – недовольно ответил за всех Черт.

* * *

Утром следующего дня Шаранов доставил всю компанию во главе с Чертом к Жилину. Несколько позже тот по телефону* вызвал в прокуратуру Борисова.

Увидев его в коридоре прокуратуры, все доставленные туда раньше, словно заранее сговорившись между собой, отвернулись и сделали вид, что видят его впервые.

– Ну, так сказать, прибыли? – то ли здороваясь, то ли констатируя факт, то ли спрашивая об этом, произнес Жилин, увидев вошедшего в кабинет Борисова.

Усадив его за приставной стол, он поочередно с каждым из доставленных Шараповым, провел очные ставки. Все они в один голос подтвердили данные раньше показания.

Восседая с непроницаемым лицом, Жилин после записи показаний Черта и остальных задавал Борисову один и тот же вопрос:

– Подтверждаете ли вы показания, данные на очной ставке с вами гражданином или гражданкой такими-то?

Жилин бесстрастно записывал показания Борисова. И только после очной ставки с Алехиной, выпроводив ее из кабинета, с видимым сочувствием сказал ему:

– Как юрист, так сказать, вы понимаете значение каждой очной ставки для решения вашей судьбы. Мой настоятельный совет вам – изменить, так сказать, позицию и чистосердечно рассказать все, как было на самом деле.

– Я все рассказал в день случившегося именно так, как было, без выбора позиции. Менять мне нечего. А проведение очных ставок – это ваша обязанность. Мое право – защищать себя. И я

буду это делать.

После обеда Борисов по требованию Жилина, волнуясь, вошел в проходную следственного изолятора. Бывая здесь неоднократно по делам службы, он никогда не чувствовал себя так, как сегодня. Услышав, как контролер с лязгом закрыл за ним последний замок, Анатолий подумал, что, может быть, сегодня ему уже не выйти отсюда. Хотя и понимал, что вызвал его Жилин для проведения очной ставки с арестованным Крестом.

Войдя в кабинет, где уже находился Борисов, Крест нагло ухмыльнулся, изобразил подобие улыбки.

– Ну что, начальник, вот и свиделись. Ты уже здесь, или как? Сдается, одной похлебкой кормиться будем, дострелялся, падла поганая. Это Кукушка тебя с того света достает. И покойнички, бывает, кусаются.

Не получив замечания от Жилина, часто и беспомощно заморгавшего глазами, Крест еще больше распоясался, уже обращаясь к нему:

– Пиши, пиши, начальник, че заморгал-то, уж больно охота с ментом в одной камере посидеть. Будет с кем позабавиться, словом за жизнь перекинуться. Пиши, чё зенками-то лупаешь?

Ошарашенный наглостью Креста, Жилин в первый момент растерялся. Однако, перестав моргать, приосанясь, принял важный вид и попытался поставить его на место:

– Вы, так сказать, где находитесь и как себя ведете?

– Игде? В тюрьме. Как хочу, так и веду. Ты лучше пиши быстрее. А то скажу чё, как в тот раз, и не так лупать глазами будешь. Ишь, разлупался.

– Прошу, так сказать, прекратить этот цирк и вести себя прилично, в соответствии с законом.

Крест, видя беспомощность Жилина, все больше наглед. Поборов свое отвращение к обнаглевшему Кресту и почти беспомощному Жилину, Анатолий сурово посмотрел в глаза Кресту и твердо сказал:

– Ты что, словно клоун в цирке, разошелся. А ну сядь спокойно и спрячь поглубже свой поганый язык. Уймись, тебе говорят.

– Дык вы чё, вдвоем меня колоть собрались? Кто здесь прокурор, а кто подсудимый? И где эта правда?

Жилин, жиденько хлопнув узкой ладошкой по столу, прикрикнул срывающимся на визг голосом:

– Прекратите паясничать, так сказать. Я требую этого как прокурор. Я настаиваю. Да-да, и требую. Прошу, так сказать, иметь это в виду.

Крест, проявив свой блатной норов, потешившись над Жилиным и, как ему казалось, поиздевавшись над Борисовым, приутих и снисходительно, обращаясь к Жилину, произнес:

– Не пужайся, гражданин прокурор, записывай мое показание.

Анатолию показалось, что очная ставка с Крестом заняла значительно меньше времени, чем разыгранная им клоунада.

На последний вопрос Жилина Анатолий спокойно сказал:

– Показания, данные гражданином Крестинским на очной ставке со мной, категорически отвергаю. – И после неоднократного повторения в этот день своих показаний несколько раздраженно закончил: – И прошу записать, что вторым человеком, бежавшим вместе с Чертугановым, параллельно со мной, когда я преследовал Энверова, был Крестинский. Именно он кричал, чтобы я отстал от Энверова, и угрожал мне расправой, если я не сделаю этого.

IV

...Учитывая, что Борисов А. Б. совершил тяжкое преступление и, находясь на свободе, может препятствовать проведению расследования, в качестве меры пресечения в отношении него избрать содержание под стражей в следственном изоляторе УВД Нежинского облисполкома.

Заместитель прокурора города Нежинска младший советник юстиции **И. М. Жилин**

(Из постановления об аресте)

Колпашев долго изучал материалы уголовного дела, оставленного ему Жилиным. Некоторые протоколы, он перечитывал неоднократно, вновь и вновь возвращался к ним. Особенно его интересовали показания самого Борисова, Крестинского и Фирсовой. Если верить ей и первоначальным показаниям Креста, то преступление, совершенное Борисовым, сомнительно. Да, он смертельно ранил Энверова. Но в связи с чем? Тот совершил тяжкое преступление, два года скрывался от следствия и суда, при задержании пытался скрыться. Но оказал ли сопротивление? Если у него был нож, который он бросил в Борисова, сопротивление

налицо. Ну и стрелял бы в момент броска. Тогда применение им оружия было бы бесспорно правомерным. А зачем было стрелять после броска?

Следуя версии Борисова, у погибшего мог быть пистолет. Мог. Исходя из того, что на Верхних Озерах он у него действительно 'был. Но ведь в этом случае пистолета никто не видел. Борисов лишь предполагал наличие пистолета у Энверова, судя по тому, что после броска ножа он на бегу пытался что-то извлечь из кармана. Да. Но почему именно пистолет? А может быть, это был второй нож? Стоп! Если так, то оружие применено правомерно.

Дойдя до такого вывода, Колпашев перечитал показания остальных. Из них вытекало, что Борисов стрелял в нарушение инструкции: без предупреждения, первый выстрел произвел в Энверова, второй – вверх. Все они отрицают наличие пистолета и ножа у Энверова вообще, а не только в момент происшествия. Чертуганов, Туманов, Крестинский, Алехина и Сарафанова подтвердили свои показания на очных ставках с Борисовым. Если брать это за основу, то Жилин прав – совершен настоящий производ, и Борисова надо привлекать к ответственности.

Оставались еще показания Фирсовой. Она единственная своим объяснением подтверждала показания Борисова и опровергла всех остальных. Что стоит за этим?

У Колпашева на этот счет имелась своя точка зрения, но он хотел знать и мнение Жилина.

Взвесив все за и против, Колпашев оставил разговор по этому делу до утра.

Утром следующего дня в его кабинете находился Жилин. Каждый из них еще раз перечитал материал дела, протоколы допросов, заключения судебных медиков, криминалистов. Высказывался Жилин:

– Лично у меня, так сказать, сомнений нет. В действиях Борисова содержится состав следующих преступлений: убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей. В самом деле, так сказать, стрельба из пистолета в общественном месте, на территории лечебного учреждения. Во-вторых, превышение власти. Он не имел права применять оружие, так сказать, в этих условиях, согласно инструкции, а ее нарушение – не что иное, как превышение власти. Не говоря уже о том, так сказать, какие показания дают Чертуганов, Туманов и другие. Это уже сплошной

произвол!

Жилин раскраснелся, размахисто жестикулировал. Казалось, что у него есть еще масса доводов в пользу обвинения Борисова. Но его речь была прервана вопросом Колпашева:

– Показания Борисова подтверждаются объяснением Фирсовой. Как быть с этим? Кстати, почему она до сих пор не допрошена?

Жилин по обыкновению заломил руки и . произнес по этому поводу целый монолог:

– Хотел обратить ваше внимание, так сказать, на следующее. Как появилась Фирсова в деле? Она, так сказать, явилась в Советский райотдел первой, если ее не доставили силой и не понудили дать именно такое объяснение. Ведь Борисов – сотрудник, так сказать, этого райотдела милиции. Вот отсюда, образно говоря, могут ноги расти. И далее, так сказать, она загадочно исчезла, вероятно, не без помощи милиции. А теперь они ее не могут обнаружить. Я уже дал отдельное поручение персонально о ее розыске. Как найдут – допросим. Я думаю, все встанет на свои места.

– До обнаружения, допроса Фирсовой и проведения ей очных ставок с остальными, а в случае подтверждения ею их показаний – до проведения очной ставки с Борисовым ставить вопрос о его аресте преждевременно, – заключил Колпашев.

* * *

Шарапов едва дозвонился до Светки. Слышимость была отвратительной. Сквозь треск, писк и еще чьи-то разговоры он еле-еле расслышал и узнал ее голос.

– Света, Света, ты меня слышишь? Тебе нужно приехать в Нежинск. Тебя вызывают в прокуратуру. Ты меня поняла?

– Как же я оставлю работу? Отпуска у меня еще нет, что я объясню мастеру? Может, мне не надо ехать? Может, без меня обойдутся? Да и денег на дорогу у меня, по правде говоря, нет. Ну как я поеду?

– Света, приехать тебе просто необходимо. Деньги нужны только на дорогу до Нежинска. Здесь тебе возместят затраты. Ты, как приедешь, сразу позвони мне, а уж потом отправишься в прокуратуру. Ты меня слышишь?

– Слышу, – еле донеслось с того конца провода, и ему показалось, что Светка заревела.

Через несколько дней Шарапов, сняв трубку телефона, услышал:

– Здравствуйте, это я, Фирсова Светлана. Я приехала, куда мне теперь?

– Приезжай в управление, я тебе все расскажу.

Перед Шараповым сидела другая Светка. Поправившаяся, прилично одетая, открыто смотревшая в глаза, а главное – во всем ее облике не было прежней забитости.

В ней появились уверенность и какая-то твердость, которых не замечалось прежде.

– Как живешь, Света? – спросил Шарапов.

– Хорошо живу. Тетка оказалась добрым человеком, поселила к себе, помогла устроиться на работу. Теперь я ученица швей-мотористки. Через месяц буду сдавать на разряд. Работа нравится. На работе подружилась с одной девчонкой. Иногда в кино бегаем. Собираемся на будущий год в техникум поступать.

– Не сожалеешь об отъезде?

– Нет, нет! Теперь я человеком себя чувствую.

Шарапов по пути довез ее до прокуратуры и попросил позвонить после допроса.

Жилин Светке сразу не понравился. «На мужчину мало похож, – подумала она, – слащавый какой-то, замухрышечка».

– Садитесь, так сказать, пожалуйста, – выдал из себя. – Вам известна причина вызова в прокуратуру?

В ответ Светка лишь неопределенно пожала плечами.

– Вы находились двадцать четвертого ноября между четырнадцатью и пятнадцатью часами, так сказать, на территории областного тубдиспансера. Расскажите, что там произошло?

Светка, глядя ему в глаза, почти слово в слово повторила то, что раньше рассказывала в Советском райотделе, а затем в прокуратуре Арбузову.

По выражению лица Жилина она поняла, что рассказанное ею ему не понравилось. Он, насупившись, молча дословно записал ее показания. А затем обрушил на нее град вопросов:

– Почему после случившегося вы поехали в Советский и там в милиции рассказали впервые об этом, а не пришли, так сказать, в прокуратуру здесь, в Нежинске?

Светка не могла сообразить, какое это имеет значение. Ей не очень понравился и тон, каким был задан вопрос. Однако с преж-

ним спокойствием попыталась объяснить:

– Я жила раньше в Советском, поэтому решила обратиться туда.

– Кого из сотрудников милиции вы там знаете?

– Многих. Начальника Дудаева, нашего участкового Козырева, Анну Ивановну из инспекции по несовершеннолетним, Борисова из уголовного розыска, следователя Румянцева. Всех перечислять? Я так, пожалуй, всех не вспомню. Надо подумать. Многих знаю в лицо. – От взгляда Светки не ускользнуло то, что при упоминании Борисова Жилин как-то подобрался.

– Достаточно, – пробормотал он. – А кто из них, так сказать, задержал вас после случившегося и доставил в милицию?

– Никто. Я сама пришла.

– Зачем?

– Чтобы рассказать, что случилось.

– А раньше вы приходили в милицию, чтобы о чем-нибудь рассказать?

– Нет, – растерялась Светка. – Мне не о чем было рассказывать.

– Почему в этот раз пришли?

– Вы разве не знаете, что случилось с Энверовым?

– Знаю. Но прошу учесть, так сказать, здесь вопросы задаю я, а не вы. И отвечайте, так сказать, на поставленные вопросы, а не задавайте их мне.

– Кукушку, то есть Энверова-то, ранил Борисов, а он в него нож бросал, и пистолет при нем был. У Борисова неприятности могут быть. Вот я и пошла рассказать обо всем начальнику Борисова, чтобы не попало ему понапрасну. А что, разве нельзя?

– Снова вопросы? – повысил голос Жилин.,

Светка недоумевала. Она не понимала, почему люди в прокуратуре и в милиции в прошлый раз разговаривали с ней совсем по-другому. Что было нужно сейчас этому прокурору?

На повышенных тонах Жилин задал ей и следующий вопрос:

– Почему ваши показания противоречат показаниям, данным по делу Чертугановым, Крестинским, Тумановым, Алехиной, Сарафановой, находившимися одновременно с вами в тубдиспансере?

– Не знаю, – простодушно ответила Светка. – Я ведь все объяснила раньше. Договорились они между собой.

– Ас вами Борисов о чем договорился? Рассказывайте, как это

произошло? Мне все известно. Иначе – вынужден буду арестовать вас за дачу ложных показаний.

Светка заметила, что в его голосе появилась угрожающая твердость. Пожалуй, впервые он не употребил слов «так сказать». Она с недоумением смотрела на него глазами, полными слез.

Сорвав злость и сообразив, что перебарщивает, Жилин сугубо официально заявил:

– Советую, Фирсова, основательно подумать до завтра и наконец рассказать правду. Завтра в десять жду вас.

Вконец расстроенная, ничего не понимающая, Светка с плачем пересказывала все это Шарапову.

– Ну что мне делать теперь? Он ведь меня посадит. А за что, за правду, да? – всхлипывала Светка.

– Крепись, Света. Тебе предстоит еще более неприятные разговоры с ним и с твоими бывшими друзьями. Но уж если ты решила говорить правду, будь последовательной до конца. За такую правду тебя никто не посадит. Завтра зайди после разговоров в прокуратуре. Да не очень расстраивайся.

– Ладно, – сказала Светка и, опустив голову, вышла из кабинета.

* * *

Анька Сарафанова догнала Светку почти у здания прокуратуры. Поравнявшись, спросила:

– Ты откуда, с неба, что ли, упала? Куда идешь, что несешь?

– Иду, наверное, туда же, куда и ты.

– Дура, что идешь. Прятаться тебе надо, а не ходить.

Светка вопросительно смотрела на нее, не находя, что сказать.

К окончанию допроса Светки в коридоре прокуратуры собрались все. Во второй половине дня Жилин заканчивал проведение очных ставок. Начиная с Аньки и заканчивая Тумой, все изобличали Светку во лжи. Но она упорно настаивала на своем. Особенно старался Черт.

Стоило Жилину отвлечься, заноса показания в протокол, Черт, сйдя напротив Светки, жестами показывал, что с ней может случиться. За время проведения очной ставки он, жестикулируя руками и пальцами, убивал ее из пистолета, резал и вешал.

Хорошо зная Черта, Светка понимала, что может последовать за ее упорством, но на каждой из очных ставок повторяла то, что

сказала в первый раз Дудаеву. Она знала, почему это не нравится каждому из тех, кто был с ней около тубдиспансера. И сейчас силилась понять, почему отношение к ее показаниям со стороны Жилина точно такое. Выдворив Черта из кабинета, Жилин продолжил разговор со Светкой. Убедившись, что она твердо стоит на своем, приказным тоном объявил:

– Завтра утром быть у проходной в следственный изолятор! Это будет последняя очная ставка!

Светка вышла из прокуратуры, когда на улице было уже темно. Оглядываясь, она подходила к автобусной остановке. Слова Жилина «последняя очная ставка» насторожили ее. «Почему последняя? И почему в следственном изоляторе? – Эти мысли не выходили у нее из головы. – Завтра, наверное, меня посадят, как он выразился, за дачу ложных показаний».

Заканчивался час пик. Народу на остановке было не так много, как обычно в это время. И Светка готова была поклясться, что среди находящихся, там людей никого из ее приятелей, тем более Черта, не было. Пристроившись в хвост очереди, она подумала, что надо бы позвонить Шарапову.

И в этот момент спиной почувствовала, что рядом с ней Черт. Оглянувшись, она убедилась в своем предчувствии.

Взяв под руку, Черт отвел Светку в сторону от остановки, стараясь поймать такси. Вскоре они уже подъезжали к дому на Соновой. В машине оба не произнесли ни слова. Выйдя, Светка обнаружила, что в сборе вся компания, за исключением Креста. На столе стояли бутылки с водкой и вином, лежала буханка черного хлеба и несколько свертков с закуской. Чувствовалось, что остальные оказались здесь незадолго до их появления.

Командовал Черт. Анька с Мариной быстро разворачивали свертки с закуской. Тума расставил стаканы. И началось. Пили за светлую память Кукушки, за здоровье Креста, потом за все хорошее. Светка старалась пить как можно меньше. Черт, сидя рядом, косился на нее, но молчал. Марина опьянела первой, начал хныкать, затем тихо присела на диван и сразу заснула. Остальные продолжали бражничать.

В комнате было нестерпимо душно от табачного дыма. Некурящей Светке стало трудно дышать. Поднявшись, она вышла в другую комнату, села на стул и задумалась. Больше всего она хотела, чтобы Тума и Черт быстрее напились. Тогда можно будет

спокойно уйти, не видеть ненавистные пьяные физиономии. И до явки в следственный изолятор побыть одной, не выслушивать упреков и угроз за свое поведение на следствии. А что встреча этим закончится, она не сомневалась.

После ухода Светки Черт настороженно ждал, когда хлопнет дверь дома. Он не сомневался, что она попытается уйти, и рассчитывал догнать ее, а уж потом расправиться за то, что, рассказав в милиции и прокуратуре правду, она нарушила уговор. Да заодно и дать наставление, как вести себя на допросах в дальнейшем. Шло время, Светка оставалась в доме. Ее нерешительность наливалась Черта злобой. Так и не дождавшись, когда Светка уйдет, он нашел ее в соседней комнате.

– Сидишь?

Светка молча подняла на него глаза. Раздумывая, с чего начать, Черт заходил по комнате, сжимая и разжимая кулаки, словно еще больше накачивая себя злобой. Светка, сжавшись, молчала. Находившись, он кулаком неожиданно ударил ее по лицу. Светка рухнула на пол, сразу потеряв сознание. Не ожидая такого исхода, Черт минуту постоял около лежавшей на полу Светки, вышел в переднюю и быстро возвратился с ведром воды. В комнату влетели Анька с Мариной.

У лежавшей на полу Светки задрожали веки, казалось, она начала приходить в себя.

– Ты что, озверел? – закричала на Черта Анька. – Убил девку!

Светка приоткрыла глаза, обвела всех помутневшим, ничего не понимающим взглядом. Взяв за волосы, Черт приподнял ее голову и, злобно глядя в глаза, произнес:

– Если завтра, сука, не будешь говорить, как все, – убью! Чтобы с утра в прокуратуре была и покаялась! Скажи, что тебя в милиции запугали, и покайся. Ясно? И учти: третьего разговора не будет!

Ночью Светку рвало, от боли раскалывалась голова, ныло все тело. Превозмогая головокружение и тошноту, утром она, опустив голову, молча стояла посреди кабинета Жилина.

Он понимал, что с ней произошло что-то из ряда вон выходящее. Но не спешил задавать вопросы, внимательно ее разглядывая.

Наконец, не ожидая, что скажет ему Светка, произнес: – Чем, так сказать, обязан?

За прошедшую ночь о чем только она ни передумала. Начав-

шая, казалось бы, налаживаться ее жизнь была одним ударом Чертова кулака полностью разрушена. Бежать обратно к тетке не имело смысла. Адрес ее теперь известен прокуратуре, и Черт будет там через день-два. Он недвусмысленно дал понять, что третьего разговора не будет.

Оговаривать Борисова ей не хотелось. Оттого, что еще в самом начале по собственной инициативе рассказала правду, Светка возвысилась в собственных глазах, почувствовала себя чище. И главное – перед ней открывалась возможность нормальной человеческой жизни. Зачем она послушала Шарапова и возвратилась в Нежинск? Связаться бы с ним, посоветоваться сейчас. Но как это сделать? Ведь Черт рядом, да и он вряд ли сейчас на работе. Может быть, утром, по пути в прокуратуру удастся дозвониться до него?

Утром Черт молча проводил ее до входа в прокуратуру. И Светке стала совершенно понятна безысходность ее положения. Оставалось одно: делать то, что велел Черт. Он и сейчас наверняка крутился около прокуратуры, дожидаясь ее выхода не для того, чтобы одарить ее цветами.

Не поднимая головы, Светка прошептала:
– Я пришла рассказать правду.

* * *

Познакомившись с содержанием постановления о предъявлении ему обвинения, Борисов содрогнулся. Неужели в этой голубоватой бумажке речь шла о нем? Он крепко зажмурил глаза, затем резко разомкнул веки. Еще раз внимательно вчитался в текст. Сомнений не оставалось. Судя по тексту постановления, не имея законных оснований, он применил оружие в общественном месте, в результате способом, опасным для жизни больных, совершил умышленное убийство Энверова и, являясь должностным лицом, превысил свои полномочия, «то есть совершил преступления: убийство при отягчающих обстоятельствах и превышение власти».

Все что угодно, ожидал Анатолий от явно затянувшегося следствия. Но чтобы его обвинили в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах – такое за все это время ни разу не приходило ему в голову. «Ну что же, такое бывает, – подумал он. – Следователи часто говорят, что суд вправе перейти на менее

тяжкую статью. Это не считается большим браком в их работе. И главное – не влечет за собой направления дела на дополнительное расследование».

На допросе в качестве обвиняемого Борисов виновным себя не признал. Это вызвало сильное возмущение Жилина. Он пытался кричать на Анатолия, срывался на визг, взывал к офицерской чести, справедливости, почему-то вспоминал безутешно страдающих родственников погибшего, много и не совсем понятно говорил о праве, законности и законе. В заключение скатился до высказывания своих антипатий к милиции вообще, заявив:

– Если милиционерам платят больше, чем работникам прокуратуры, так сказать, то это еще не значит, что по делу и без дела им можно на каждом углу стрелять из пистолетов! Я еще раз рекомендую вам, так сказать, чистосердечно признаться и рассказать в совершенном преступлении! В противном случае будете арестованы!

Борисов спокойно спросил:

– Куда мне теперь?

Из лежавшей на столе папки Жилин артистическим жестом выхватил еще один лист того же голубоватого цвета с отпечатанным на машинке текстом и положил перед Борисовым. В верхнем углу листа стояла печать, имелась подпись. Несколько ниже типографским способом напечатано: «Постановление об избрании меры пресечения».

«Коль есть печать, значит – арест», – подумал Борисов. И И, прочитав, расписался на постановлении.

– Мне все ясно! Куда прикажете идти?

V

...На основании изложенного Борисов Анатолий Борисович обвиняется в том, что, являясь сотрудником милиции, 24 ноября 1984 года при попытке задержать гр-на Энверова, находящегося во всесоюзном розыске за совершенное & 1982 году вооруженное разбойное нападение, в нарушение требований Положения о советской милиции и Устава патрульно-постовой службы на территории лечебного учреждения (в общественном месте) смертельно ранил его из служебного пистолета, т. е. Борисов А. Б., превысив свои служебные полномочия совершил

умышленное убийство...

Зам. прокурора г. Нежинска младший советник юстиции **И. М. Жилин**

(Из обвинительного заключения)

Оказавшись в камере следственного изолятора, Анатолий устало присел на прибитый к полу табурет. В голове было пусто. Тело гудело от навалившейся тяжести.

«Что ж, появилась хоть такая определенность. Бывший офицер милиции, теперь уже точно, и бывший коммунист Борисов – сейчас никто. Просто арестованный, нет, даже преступник. Да-да, обвинение предъявлено, значит – уже преступник. Когда-то в школе милиции говорили, что среди теоретиков права есть и такая точка зрения. Им бы, этим теоретикам, хотя по одному преступнику за свою жизнь задержать да изобличить его в преступлении. Может быть, точек зрения хоть немного поубавилось бы. Легче бы учиться было, а самое главное – проще работать», – с горечью подумал он.

Время, казалось, остановилось. От завтрака – до обеда, от обеда – до ужина. Все оно умещалось в эти промежутки. Одиночество, с одной стороны, угнетало, с другой – позволяло дать волю воспоминаниям, раздумьям. Пробовал было читать, книги выдавали и обменивали регулярно. Но, пробежав несколько страниц, вдруг обнаруживал, что смысл прочитанного до сознания не доходит. И так; глядя в книгу, он подолгу раздумывал над своим не столь уж долгим житьем-бытьем.

Учеба в школе. Заметно среди других не выделялся, но и в хвосте не плелся. Иногда захватывала общественная работа, но больше всего любил спорт. И хотя мастерских результатов не показывал, но в разрядные нормы по многим видам спорта укладывался. А предпочтение отдавал вольной борьбе. Очень уж нравилось обхитрить соперника, поймать его на прием и, вложив все силы, прижать лопатками к коврику. А потом, приняв душ, расслабленно сидеть в раздевалке, проигрывая в памяти перипетии схватки. Но и первые огорчения тоже пришли из спорта. Здесь учили не только проигрывать с достоинством, а и делать из этого выводы. Именно в спорте усвоил, что жизнь состоит не только из праздников и будней, но и из горьких неудач, поражений.

Спорт помог ему и во время службы в армии, особенно в полковой школе в первые дни службы. Единственный из выпуска

по окончании школы он удостоился звания старшего сержанта. Службу закончил старшиной, заместителем командира взвода. Домой возвратился с полным набором знаков солдатской доблести на груди, членом партии.

Когда после демобилизации становился на партучет, в райкоме сказали: «Надо поработать в милиции». Затем бюро. Там скороговоркой пожелали успехов. Все это заняло не больше минуты. Он готовился к этому дню очень тщательно, ждал каких-то необыкновенных слов, и вдруг все так просто, буднично. Это легкое разочарование вскоре сгладилось, а потом он и вовсе позабыл об этой минуте.

Правда, жизнь иногда подталкивала и к этим воспоминаниям. К примеру, в Советском его семья появилась одновременно с семьей вновь назначенного бухгалтера райпотребсоюза. Единственную свободную квартиру почему-то отдали бухгалтеру. А он после этого больше года жил на частной квартире. Позже сама собой пришла мысль: «О милиции вспоминают, только когда кому-то плохо. В другое время ее чаще ругают, рассказывают про нее анекдоты, по делу и без дела чернят. Хотя и поводов для этого милиционеры дают предостаточно».

Анатолий и года не проработал, как один из инспекторов ГАИ попался на взятке. Его выгнали, осудили. Объявили во всех подразделениях приговор по его делу. Казалось, все сделали выводы. И вдруг еще один попался на краже колеса от «Жигулей». Горько было слышать и знать такое. Порой казалось, что об этом знают все люди. И было стыдно идти по улице в форме – вдруг подумают, что и ты такой же.

Иногда просто-напросто хотелось уволиться, уйти, раз и навсегда оставить эту неблагодарную работу. Но потом приходили другие мысли: «А кто же будет делать ее, неблагодарную?» И появляющиеся все новые дела затягивали, как бы уводили далеко-далеко те минутные порывы душевной слабости. А потом они и совсем забывались до очередного случая.

За девять лет службы Анатолий многое познал на собственной шкуре. Сколько было раскрыто преступлений, задержано преступников, других правонарушителей. И странное дело. Став офицером, многих вещей все еще не понимал. А спрашивать – смущался.

Бывает, ругают участкового за плохую борьбу с пьянством,

принародно, на совещании или собрании. И задержанных за распитие спиртного не там, где положено, нет, и в вырезыватель мало доставил, и за мелкое хулиганство – мало. Словом, все плохо. Стоит он, слушает, как его клеймят, и соглашается, что с пьянством на его участке действительно дела плохи. Хотя на самом деле в это время на участке подобных проявлений действительно мало. Но не знаешь, чем это объяснить.. Чтобы дотянуть до средних показателей, впору хоть самому начать пить да хулиганить. Но вот по неведомым причинам, что называется, прорывает. И пьяных полно, и пьют где попало, и хулиганство растет. И тут его снова упрекают, но уже в плохой профилактической работе. Выходит, что он опять виноват. А ведь те, кто ругает, сами объяснить этих явлений не могут.

С преступностью тоже разные метаморфозы случаются. То пусто, то густо. Ну, когда пусто, то ты вроде как правильно работу организовал. И советы, и комиссии у тебя,, как в последнее время заговорили, эффективно работают, да и сам ты на высоте требований. А уж если густо, то все плохо работают, а ты – в первую очередь. Но всякие советы, комиссии, товарищеские суды, как до того, так и теперь работают спустя рукава. И это мало кого волнует. А вот ты – плохо, тут уж некуда деваться, пожалуйста к ответу.

Конечно, когда преступление совершено, тут уж ничего не напишешь; раскрывай – и баста. В таком случае на комиссию да на товарищеский суд или дружину не дадут кивать. Да оно и правильно. Раскрывать – это удел милиции. И тут в рамках закона все средства хороши. Но раскрывать надо. Впрочем, как и разыскивать скрывающихся преступников.

За несколько дней до ставшего для него роковым случая Анатолия крепко ругали на межведомственном совещании прокуратуры и милиции как раз за плохой розыск Энверова. Действительно, два года разыскивает его милиция, почти год этим занимался Анатолий. Сколько раз ему казалось, и не на пустом месте, не путем гадания на кофейной гуще, что сегодня-завтра задержит Кукушку? А он, словно предупрежденный кем-то, не являлся туда, где его ждали, или уже был там и ушел. Словом, проскальзывал между пальцами.

На памятном Анатолию совещании вопрос стоял очень остро. Думал, что накажут. И когда объявили, что он строго предупрежден, сперва даже не поверилось. А ведь если бы наказали, и воз-

разить нечего. Стерпел бы. Год назад наказали за серьезные недостатки в розыске аборт-махерши Викуловой старшего участкового Трифонова, а он, казалось, все делал для того, чтобы задержать ее. Попереживал день-другой, попричитал, оправдываясь перед товарищами:

– Это ведь не котлован копать или египетскую пирамиду строить. Собрал людей – да копай или строй. Тут порой хоть наизнанку вывернись, а Викуловой нет, не идет она к тебе в руки. Да и ее понять надо: не к милому на свидание бежать.

Помнится, громко смеялись над этими рассуждениями в курилке его коллеги. С того дня и прозвище за ним утвердилось: Египетская пирамида. Но ведь через пару недель он ее задержал. А к Дню советской милиции и досрочно взыскание с него сняли. Ребята потом еще громче смеялись. Говорили, что взыскание с него сняли за досрочное строительство египетской пирамиды.

Сколько их было – случаев: и курьезных, и серьезных. Анатолий хорошо помнил, как года четыре назад, работая командиром взвода, он проверял несение службы подчиненными. Проходя по парку поздно вечером, в боковой аллее услышал глухие удары, словно пинали кого-то. Затем – крик человека. Он старался подойти к месту предполагаемого избиения потише, незаметно. Когда услышал стоны, прибавил шагу, под сапогом громко хрустнула ветка, раздался свист. И те, что били, бросились в разные стороны. Анатолий погнался было за одним из них. Но, пробегая мимо лежавшего на бетонной дорожке, заметил под ним лужу крови. И это как будто загипнотизировало Борисова, сковало его. Пробежав метров пятьдесят, он видел, как уходит преступник. Подумал было стрелять. Но в мозгу занозой торчала мысль: «Ударюсь в погоню за этим, затею стрельбу – погибнет тот, что лежит, истечет кровью». И он бросился назад, оказал первую помощь, попросил людей вызвать «скорую». Человека врачи спасли. Потом сказали, что жить ему или нет – решали минуты.

На следующий день после этого Борисов получил большую взычку от заместителя начальника райотдела за то, что упустил преступников и не применил оружие. Присутствовавший при этом замполит, в недавнем прошлом работник прокуратуры, так и сказал:

– За подобные дела можно и под суд угодить за халатность, то есть невыполнение того, что обязан сделать по долгу службы.

Анатолий про себя подумал тогда, что лучше преступников упустить, чем опоздать на помощь тому, кого этот преступник тяжело ранил. Преступника можно задержать и позже, а запоздавшая помощь пострадавшему может оказаться и ненужной, если упустишь время.

Но спорить с начальством не стал. Через завсегдатаев парка установил, кто совершил преступление. И через неделю всю эту братию по одному переловил и передал в руки следователя. Может быть, поэтому и взыскания избежал за неприменение оружия от быстрого на расправу начальства.

А теперь вот, памятуя о собственном горьком опыте, применил оружие. И без малого трехмесячная нервотрепка закончилась для него тем, что оказался в тюрьме, вместе с теми, кого сам отправлял сюда не один год. Вот и здесь, где она – эта золотая середина? Не применил оружие – плохо, применил, по мнению прокурора, незаконно – сиди в тюрьме. Как у того участкового: мало пьют – плохо, много – еще хуже. С той лишь разницей, что участковый не сидит.

Временами Анатолий заставлял себя не думать о службе. Тогда оставалась семья, армия, школа, детство. «Это тоже кусок жизни», – убеждал он себя. И как ни старался перейти к этим воспоминаниям, это ему не всегда удавалось. А если получалось, что какую-то часть дня он немалым усилием воли отгонял от себя мысли о службе, то, забывшись в беспокойном сне, ближе к утру обязательно кого-то допрашивал, задерживал, ждал в засаде или догонял. Тогда хотелось, чтобы эти допросы, задержания, засады и погони длились вечно. Во сне он видел себя все тем же – нужным людям и делу. И пробуждение его всякий раз было горьким.

Однажды дверь камеры с шумом открылась, на пороге оказался Пригоденко. Тоже из бывших. В прошлом майор, начальник одного из райотделов милиции. Анатолий его знал давно, но близко встречаться не приходилось. Его появление в камере не очень удивило Анатолия. По слухам он знал, что в том районе, где начальствовал Пригоденко, на одном из заводов было выявлено очень крупное хищение. Поговаривали, что одним из расхитителей оказался бывший парторг, с которым он поддерживал приятельские отношения. При обыске в салоне его автомобиля обнаружили фуражку с надписью «Пригоденко А. Ф.». Дальше – больше. В ходе следствия было установлено, что однажды он

воспользовался услугами этого расхитителя: при его очередной поездке в Москву дал деньги для приобретения мебельного гарнитура «Мечта».

Ретивый следователь областной прокуратуры во время следствия уцепился за это, долго бесплодно привязывал Пригоденко к группе расхитителей. И еще оказалось, что задолго до его прихода начальником в райотделе за счет должности оператора этого завода содержалась машинистка. Об этом знал и Пригоденко. Была у него мысль избавиться от лишней единицы, но, когда увидел объем бюрократического документооборота, не решился на этот шаг. Опасался, что следователи и оперативники, и без того немало печатавшие на машинках, полностью превратятся в машинисток. Сделал вид, что не замечает этого нарушения штатной дисциплины.

А когда «выявился» этот очевидный для всех факт, следователь, долго не раздумывая, предъявил ему обвинение в соучастии в хищении в особо крупных размерах и злоупотреблении служебным положением, предписав оператора-машинистку возвратить на завод, а его арестовал.

Теперь обвинение начинало трещать по швам. Шел судебный процесс, и эпизоды обвинения рушились.

Все это выяснилось постепенно. Следственная камера, оказалось, сближает людей. Но сближение происходило не так быстро. Какое-то время Анатолия удерживала от этого природная скромность, выработавшаяся с годами службы субординация в отношениях со старшими по должности и возрасту.

Инициатором бесед чаще всего выступал Пригоденко. Сначала они пытались в деталях разобрать дело каждого. По их расчетам получалось, что каждый из них арестован необоснованно. Но это по их мнению. Одного ежедневно увозили в суд, другого значительно реже вызывали на допросы.

Однажды процесс прервался из-за болезни кого-то из обвиняемых или адвоката. К этому времени настроение Пригоденко заметно улучшилось. Иногда он позволял себе пошутить над Анатолием, затем начал подтрунивать над ним. И хотя Анатолию не всегда это нравилось, он относился к шуткам и подковыркам сдержанно.

Но однажды не выдержал. С очередного допроса возвратился подавленный. Жилин своим слащаво-въедливым тоном несколько

ко часов требовал, чтобы Анатолий признал себя виновным. Позиция Анатолия была твердой. Разговора не получалось. Оба взвинтились. И хотя Жилин докатился до угрозы высшей мерой наказания, Анатолий стоял на своем.

– Вы об этом, так сказать, горько пожалеете, – закончил Жилин этот допрос.

Увидев, что Анатолий не в духе, и, возможно, желая снять напряжение, Пригоденко невольно его обидел.

– Ну, что, жандарм, нос повесил? После стрельбы оружие всегда чистят. Вот и тебе чистилище устроили. Так что держись.

Слово «жандарм» больно ударило Анатолия, и он взорвался. Хотя сделал это достаточно тактично, позже все равно сожалел об этом. Но так случилось.

– Может быть, я кажусь вам, Александр Федорович, жандармом. Но я выполнил свой служебный долг. А вот вы с помощью своего дружка мечтали спать на «Мечте», а пришлось – на нарах. И прошу мне больше об этом не напоминать.

Пригоденко измерил его недобрым взглядом. Чувствуя, что сам закипает, ушел в другой угол камеры. В этот день они больше не произнесли ни слова. Да и в последующие дни в камере царило молчание.

Вскоре процесс возобновился, они стали меньше видеться.

Однажды Пригоденко не возвратился до позднего вечера. Анатолий понял, что суд его освободил.

При раздаче пищи утром контролер, не вступая в длинные разговоры, подтвердил его предположение одним словом:

– Освобожден.

И, несмотря на случившееся между ними, Анатолий подумал: «Все-таки справедливость торжествует, но, к сожалению, иногда запаздывает. Пусть будет хотя бы так с каждым, с кем обошлись несправедливо».

Для Анатолия наступили дни собственных предсудебных раздумий и тревог.

* * *

Утром, перед началом судебного заседания, у здания суда, когда его выводили из машины, он увидел бросившуюся к нему из толпы людей разъяренную женщину.

Не успев сообразить, что ей нужно, он почувствовал, как о его

локоть ударилось что-то мягкое и резко пахнуло бензином. Около него на асфальт упал порванный полиэтиленовый пакет и тут же образовалась лужица.

Один из конвоиров вырвал из рук этой женщины коробок спичек и силой отвел ее в сторону. «Так ведь и здание суда подожгут, – без страха подумал Анатолий. – Кто бы это мог быть?»

Когда его заводили в здание суда, он слышал истерические проклятья, сыпавшиеся в его адрес из уст этой женщины.

Судебное заседание, как обычно, началось с оглашения текста обвинительного заключения. Ничего нового в нем для Анатолия не содержалось. Виновным он себя не признал. В это время в зал с криком вновь ворвалась эта женщина. Пока ее по указанию судьи выводили из зала, он понял, что это мать Кукушки.

В зале было полно людей. И ему не сразу удалось рассмотреть в заднем ряду Джамилю, сидевшую крайней у входа. Затем он увидел Шарапова. Встретившись с ним взглядом, заметил в его глазах поддержку. В разных концах зала ему удалось различить замполита Косарева и еще двух-трех малознакомых работников в штатском. «На всякий случай, – решил он. – Вдруг еще кому в голову взбредет выкинуть какой-нибудь номер».

В первом ряду держался особняком представитель потерпевшего – отец Энверова. Одетый так же, как и в прошлый свой визит к прокурору, он был небрит, с покрасневшими от бессонницы или от очередной попойки глазами.

Свидетели заученно давали показания, глядя прямо в глаза судьи и заседателей. Креста привели в зал под конвоем, и он, чувствуя себя героем, изо всех сил клеймил Анатолия, так что председательствующий Клоков несколько раз обрывал его, предлагая говорить по существу. Только Светка Фирсова, с большим синяком под глазом, говорила, еле-еле выдавливая из себя слова, уставясь в пол.

И трудно было понять, чего она больше стыдится: синяка под глазом или собственной лжи. Один из народных заседателей пытался взывать к ее совести и очень деликатно задал вопрос:

– Чему верить – вашему объяснению или допросу?

– Допросу, – не поднимая головы, выдавила она из себя.

Свидетели Туманов и Чертуганов на судебное заседание не явились, и в процессе был объявлен перерыв.

Через день Шарапов установил, что Чертуганов за кражу из

дома Любушкиной взят под стражу в зале суда. Так что и он для дачи показаний по делу Борисова был доставлен в суд под конвоем.

На следующий день, читая суточную сводку о происшествиях по области, Шарапов не поверил своим глазам. Еще раз внимательно прочитав этот пункт, он увидел фамилию Туманова, задержанного при сбыте килограмма анаши в самом дальнем районе области.

Доставленный под конвоем Туманов бодренько отчеканил свои показания и в том же сопровождении отбыл для участия в расследовании своего очередного уголовного дела.

Редко встретишь такое, чтобы главные свидетели обвинения сидели в тюрьме вместе с обвиняемым, бывшим милиционером. И, перефразируя известное изречение, Шарапов подумал: «...а свидетели кто?»

Но, судя по ходу процесса, это волновало только адвоката Борисова, обратившего внимание судьи и заседателей на такой парадокс. И эта часть в речи защитника вызвала бурю в реплике государственного обвинителя. Он долго и нудно убеждал суд в том, что преступники остаются гражданами и пользуются в суде правами наравне с остальными гражданами страны. В своей же обвинительной речи прокурор обратил внимание суда на необычность дела.

– Итак, товарищи судьи, совершенно, пусть не типичное, но убийство. Никто, я подчеркиваю это, не давал права представителю власти, каковым является подсудимый Борисов, в нарушение закона применять вверенное для защиты интересов граждан оружие против них самих. Поэтому я прошу суд, с учетом личности и других обстоятельств, определить подсудимому наказание за убийство – десять, а за превышение власти – пять лет лишения свободы. По совокупности определить Борисову наказание в виде лишения свободы сроком на десять лет с отбытием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима и лишить его звания «старший лейтенант милиции».

В последнем слове Борисов заявил:

– Считаю себя полностью невиновным и прошу суд оправдать меня.

Приговор оглашался на третий день. Анатолий внимательно слушал, время от времени делал пометки карандашом на отдель-

ных листах бумаги.

Наконец председательствующий сделал правильный, по мнению Анатолия, вывод о том, что «суд не считает обвинение Борисова в умышленном убийстве Энверова обоснованным. По делу не доказано наличие умысла у Борисова на лишение Энверова жизни. О том, что он не имел его, говорит и то обстоятельство, что, убедившись в том, что вторым выстрелом он попал в Энверова, стал кричать: «Я ранил человека, скорее врача!»

«Каков же будет окончательный вывод суда?» – мелькнула у Анатолия мысль.

Но Клоков усыпляюще-безразличным тоном продолжал:

– При таких обстоятельствах следует признать, что Борисов не имел умысла на лишение Энверова жизни, его смерть, последовавшая от выстрела, произведенного Борисовым в обстановке превышения власти и служебных полномочий, необходимо расценивать, как неосторожное убийство. Поэтому его действия в этой части следует квалифицировать, как неосторожное убийство.

При определении меры наказания суд считает необходимым учесть тяжесть последствий совершенного им преступления. Вместе с тем суд учитывает первую судимость Борисова, его занятость до совершения преступления общественно полезным трудом, исключительно положительную характеристику по работе, наличие на иждивении малолетнего ребенка.

На основании изложенного суд приговорил:

«Признать Борисова Анатолия Борисовича виновным и подвергнуть его за неосторожное убийство лишению свободы на три года, его же за превышение власти и служебных полномочий подвергнуть лишению свободы сроком на пять лет. По совокупности определить наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Меру пресечения в отношении Борисова оставить содержание под стражей, наказание ему исчислять с 16 февраля 1985 года.

Лишить Борисова специального звания «старший лейтенант милиции».

Затем приговором определялась судьба вещественных доказательств и порядок его обжалования.

Эту часть приговора Анатолий уже не слушал. Главное для него было ясно. Пять лет колонии, лишение не только звания, но и лю-

бимой работы, длительная разлука с семьей. Пятно на всю жизнь. И не только на его. Есть жена, дочь. Клеймо отцовской судимости будет лежать и на их судьбах. Почему суд отверг факт реальной опасности для его жизни, когда Энверов бросал в него нож? Почему не усмотрел угрозы его жизни в том, что погибший пытался достать из кармана какой-то предмет? Возможно – пистолет. Ведь он был у него при разбое на Верхних Озерах. Это обстоятельство было достоверно установлено во время судебного следствия. Наконец, почему суд не принял во внимание, что один из бежавших за ним дружков Кукушки требовал, чтобы он отстал от него, и угрожал порешить его, а Кукушка кричал ему, чтобы он стрелял в Анатолия?

Эти мысли мгновенно промелькнули в мозгу Анатолия. На них уже начали нанизываться другие вопросы, так и оставшиеся без ответов в суде. Он не заметил, как в опустевшем зале судебного заседания остался наедине с конвоем. Старший наряда, предложивший ему следовать в машину, вернул его к действительности. И когда конвойная машина подходила к железным тюремным воротам, к нему вернулась уверенность в благополучном окончательном исходе дела.

Конечно, предстоит еще немало пережить. Но пока проигран лишь первый раунд. Сколько бы их ни предстояло провести еще, последний, решающий должен остаться за ним.

Единственный человек, кто по закону имел возможность повлиять в лучшую сторону на его судьбу, конечно, адвокат. Он производил впечатление серьезного, глубокого человека. Внушали уважение ряды орденских планок, свидетельствующие об его участии в войне. В беседах наедине он держался официально и, казалось, весьма равнодушно.

Это равнодушие насторожило Анатолия. Но, с другой стороны, он видел в этом всего лишь характер человека. Возможно, сформировавшийся под влиянием людских судеб, с которыми его постоянно сталкивала избранная им когда-то профессия. Не исключено, что он привык к этим искалеченным судьбам и подходил к порученным ему коллегией делам лишь как к источнику существования, не более.

А может быть, давали знать себя прожитые годы. Да и кто такой для него Анатолий? Очередной подзащитный, каких за многие годы он повидал тысячи. И наверняка немногим его защита

существенно помогла. Как правило, судьба их решалась независимо от содержания защитительной речи адвоката. Гораздо чаще судьбы прислушивались к тому, что говорил прокурор. Нередко срок наказания определялся исходя из того, находился ли подсудимый до суда под арестом. И если было так, то подзащитного наверняка ожидало лишение свободы. Иная мера наказания была редчайшим исключением.

К тому же теперь стало ясно, что прокуратура явно переусердствовала в его обвинении. Суд его лишь отклонил, как говорят юристы, переквалифицировал. Но не признал Анатолия невиновным и не оправдал его. Это плохо, но не настолько, чтобы считать положение безнадежным.

С этими мыслями Анатолий попытался заснуть. Сон не приходил. И в ясной голове под утро уже не было никаких мыслей. Сплошная пустота. Ночная тишина камеры, казалось, вот-вот разразится взрывом, в ушах стоял непроходящий, словно назойливый писк комара, звон. И если бы не нарушающие тишину камеры время от времени звуки падающих капель воды из подтекающего крана умывальника, можно было просто сойти с ума. Под утро наконец удалось забыться беспокойным, тревожным сном.

* * *

После завтрака, стремясь отвлечься от преследовавших его со вчерашнего дня мыслей, Анатолий взялся за книгу. Но, не успев открыть страницу, услышал лязг камерного замка и голос контролера:

– Борисов, на свидание!

Идя в сопровождении сержанта в комнату свиданий, Анатолий был уверен, что идет на свидание с женой. Во время следствия он несколько раз просил об этом Жилина. Но, ссылаясь на возможное нарушение тайны следствия, он отказывал. И только после очередного допроса, закончившегося явно не теми показаниями Анатолия, которые были нужны Жилину, с его уст сорвалось:

– При наличии, так сказать, чистосердечного признания вы могли бы рассчитывать на свидание с женой.

Анатолий так посмотрел на него, что под его взглядом тот сразу трусливо нажал кнопку вызова конвоя и, перестав замечать подследственного, сделал вид, что всецело поглощен содержанием только что записанных показаний.

И вот теперь свидание. Едва переступив порог комнаты, за стеклом он увидел лицо жены. Прошедшие три месяца мало изменили его. Перед ним сидела в то же время и другая Джамиля. Строгая, собранная, с необычно большими красивыми глазами, наполненными тревогой и болью.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, словно желая убедиться, что перед каждым из них именно тот, кого он хотел видеть. Первой нарушила молчание Джамиля:

– Дома все в порядке, дочь здорова. А как ты?

– Пока нормально. Держусь.

– Держись, держись, Толя. Все должно закончиться благополучно. Ты знаешь, я была в Министерстве внутренних дел, в Москве, у генерала Елисеева. Он сказал, что ему известно обо всем, что случилось с тобой. И он уверен, что все должно закончиться благополучно. Даже сказал, что твое дело на контроле у какого-то крупного начальника. Вот фамилию его я не запомнила, а переспросить постеснялась. Была и в Прокуратуре РСФСР. Там меня приняли довольно холодно. Но все равно сказали, что разберутся в соответствии с законом. А закон ведь на твоей стороне, да?

Анатолий утвердительно кивнул головой, а сам подумал: «Пока только чисто теоретически».

– Ну вот, все так говорят. А почему же ты до сих пор здесь?

– Пока считают, что я должен быть именно здесь.

– И как долго?

– Не знаю. Вот поступит приговор, придет адвокат, будем писать жалобу в областной суд. Когда она будет рассмотрена – я не знаю. Но чувствую, что этот приговор будет отменен. А что будет дальше – посмотрим. Все дело во времени. Скажи, как Наташка?

На глазах Джамили выступили и тотчас исчезли слезы. Готовая было расплакаться, она тут же взяла себя в руки, не желая, чтобы он заметил её слабость.

– Она ждет тебя из командировки. Каждый день спрашивает, когда же ты поймаешь того самого бандита и приедешь домой. Очень хочет, чтобы ты скорее был с нами и пошел с ней кататься на карусели. Почти все сообщает, много рассказывает о своих сельских делах.

– Как здоровье родителей?

– Как и раньше. Немного прибаливают, но самостоятельно управляют по дому. В целом – нормально. Они передают тебе

привет, желают здоровья и верят, что все твои и наши беды наконец пройдут. Да, накануне суда я побывала у начальника управления Кудрявцева. Он тоже верит в твою невиновность. Сказал, что в подтверждение этого до сих пор не подписал приказ о твоем увольнении. Приходил Косарев из райотдела, принес двести рублей. Что за деньги – прямо не объяснил. Но, как я поняла, как будто твоя неполученная зарплата.

Дежурный по комнате свиданий строго предупредил:

– Свидание окончено!

Поднимаясь со скамьи, Джамия едва не дала волю эмоциям. В который раз за время свидания, проглотив постоянно стоявший в горле комок, она, как ей показалось, лишь одними губами прошептала: «Мы ждем тебя, Толя».

Дойдя до ближайшего сквера, она тяжело упала на первую попавшуюся скамейку и здесь уже ничего не могла с собой поделывать. Ее душили слезы, и останавливать их она не пыталась. Положив голову на спинку скамейки, чтобы не было видно слез, она дала им волю. Прохожие видели лишь ее вздрагивающие плечи.

Вдруг она почувствовала, что кто-то остановился около нее. Джамия попыталась достать носовой платок, Повернувшись, к своему немалому удивлению, увидела, что перед ней, переминаясь с ноги на ногу, стоит Светка Фирсова. Она быстро заговорила:

– Ой, это я виновата, что ваш муж, Борисов, оказался в тюрьме. Меня запугали, били, я струсилась, побоялась. У следователя и в суде сказала неправду. Они договорились между собой, чтобы наврать и посадить Борисова за то, что он застрелил Кукушку. В самом деле было все так, как говорил в суде ваш муж. И я так сначала говорила. Но меня за это били. Если меня еще раз вызовут в суд, я обязательно расскажу правду. И Борисова выпустят.

Первое, что бросилось в глаза Джамии, – это огромный синяк под глазом у Светки.

– Часто тебя бьют за правду? У тебя и сейчас побитый вид.

– Били часто, но за то, что сказала правду, – всего два раза, – бесхитростно ответила Светка.

У Джамии в голове не укладывалось, что из-за этой девчонки, точнее, ее вранья, в тюрьме находится ее муж. Что за детский лепет? Почему она вообще к ней пристала? Что ей нужно?

На лице Светки читалось искреннее сопереживание. И это удержало Джамию от решения прогнать ее прочь.

– Теперь, если Черта не освободят в суде или он не сбежит, меня бить некому. И вообще, я уеду отсюда. Я уже уехала и устроилась на работу. Но меня вызвали в суд. Сейчас мне необходимо уехать назад. Я оставлю вам свой адрес и телефон. Если будет нужно, я приеду и расскажу, как всё было. Дайте мне ручку или карандаш.

И Светка, совсем по-детски шевеля губами, в записной книжке Джамили записала свой теперешний адрес и номер телефона.

Через полчаса она постучалась в дверь кабинета Жилина. Никто не ответил. Толкнув дверь рукой, Светка убедилась, что она закрыта. Заглянув в соседний кабинет, от секретаря прокуратуры она узнала, что Жилин в отпуске.

Подойдя к дверям кабинета, Шарапов услышал, как, разрываясь, звонил телефон. Сняв трубку, он услышал знакомый голос:

– Это Фирсова говорит. Можно спросить? Сегодня я случайно встретила жену Борисова. И рассказала ей, как всё было, и про то, как меня бил Черт и заставил врать у следователя и в суде. А теперь Черт сидит, мне бояться его нечего. Я уже побывала у Жилина, хотела, чтобы он еще раз меня допросил. Теперь я не стала бы врать, но он ушел в отпуск. И я не знаю, как быть. А мне надо уезжать. Посоветуйте, что делать?

– Прежде всего, Света, нужно говорить правду всегда. А у тебя семь пятниц на неделе. Сейчас тебе, конечно, нужно уезжать. Не ждешь же тебе, когда Жилин возвратится из отпуска. И если ты хочешь действительно сказать правду, напиши обо всем подробное письмо в суд. Объясни, почему ты говорила неправду на следствии и в суде. Имей в виду: тебя снова будут вызывать к следователю и в суд. Да учти на будущее – правда всегда должна быть правдой.

– Спасибо, я так и сделаю, – тихо прозвучал в трубке голос Светки.

* * *

Из полусонного состояния Джамилю окончательно вывел прозвучавший в динамике голос бортпроводницы:

– Наш самолет произвел посадку в московском аэропорту Быково...

С тех пор как был арестован ее муж, она не находила себе места. Ее постоянно преследовала мысль: чем можно ему помочь? Она не верила, что он, целиком отдавая себя работе, почти не бы-

вая дома, сам мог совершить преступление. Такое никак не укладывалось в голове. С этим она не могла примириться.

Сначала ее вывод основывался на женской интуиции, потом – на человеческой логике. Но как подобные случаи рассматривались по закону, она не знала. Для начала запаслась юридической литературой. Но и с ее помощью не могла окончательно разобраться с одним-единственным фактом. Прочитав все, что имелось в районной библиотеке, она так и не пришла к определенному выводу. Засиживаясь за книгами допоздна, в один вечер она приходила, казалось, к совершенно твердому убеждению в невиновности мужа. В такие вечера она засыпала с облегчением и надеждой. Но уже следующий вечер приносил ей разочарование, вселял сомнения. И в душе у нее прочно поселялась тревога. За судьбу Анатолия, ее собственную, двухлетней дочери, их семьи.

Чтобы как-то обрести душевный покой, Джамия со дня ареста Анатолия встречалась со многими его сослуживцами, ведущим следствие Жилиным, прокурором города, побывала в юридической консультации. Странными, противоречивыми были мнения по одному-единственному, как ей казалось, такому ясному делу.

Сослуживцы были единодушны: Борисов применил оружие правомерно. И, следовательно, невиновен.

Жилин, суетясь и потирая свои ручонки, не глядя ей в глаза, ссылаясь на охраняемую законом тайну следствия, бубнил:

– Следствие, так сказать, покажет.

Ни слова больше. Затянувшееся, по мнению Джамии, следствие так ничего и не показало.

Встреча с адвокатом также не принесла успокоения. Пролив кое-какой свет на положение Анатолия, он не внес Джамиле ясности в главном: виновен ли ее муж. Утверждение адвоката о том, что происшедшее с Анатолием носит оценочный характер, мало успокоило. Уточнив значение этого термина, она наконец поняла, что все будет зависеть от того, как оценит поступок ее мужа суд. В заключение адвокат так и сказал:

– Суд покажет.

И вот он закончился. Суд показал, что Анатолий совершил преступление и наказан. Но дни, проведенные Джамилей в суде, несмотря на вынесенный суровый приговор мужу, не убедили ее в том, что он виноват. Ей не приводилось раньше присутствовать на судебном заседании. Но все товарищи Анатолия утверждали,

что с подобным они никогда не встречались: с обвиняемым под стражей находилась и большая часть свидетелей. И все они слово в слово повторяли как будто хором выученные показания.

Потом, как сказал Михальков, неизвестно откуда оказавшийся в момент происшествия на балконе чужой палаты какой-то Воронов. Михальков лично беседовал с каждым, кто находился на лечении в тубдиспансере, на следующий день после случившегося. Среди них был и Воронов, заявивший, как и все остальные, что он ничего не видел. И вдруг он – свидетель в суде, полностью подтверждающий показания тех, кто противостоял Анатолию. В разговоре с Джамилей Михальков, сколько ни пытался, не мог найти объяснения появлению в числе свидетелей этого показавшегося ей крайне неприятным типа.

После суда Джамиля не без колебаний попросилась на прием к Кудрявцеву. Она не знала, как он отнесется к ее вмешательству в служебные дела мужа, теперь преступника, бывшего коммуниста и сотрудника милиции. Ведь совершенное ее мужем – для милиции конечно же не подарок. Наверняка, за такие дела не хвалят. И не только тех, кто их совершает. Но и их начальников. И все-таки, преодолев свои сомнения, она вошла в кабинет начальника управления.

Разговор проходил спокойно. Джамиля почувствовала, что генерал обо всем информирован в деталях. Значит, подумала она, отношение его к судьбе Анатолия не безразличное. Внимательно выслушав ее, Кудрявцев твердо заявил:

– Специально созданная комиссия управления провела служебное расследование в связи со случившимся с вашим мужем. По ее заключению, оружие он применил правомерно. Выводы комиссии разделяются руководством УВД. Мы и сейчас, после суда, не изменили своего мнения. Приказ о его увольнении из органов до сих пор не издан. Несмотря на то, что он фактически уже несколько месяцев не работает, формально считается работником милиции. К сожалению, руководству управления не удалось убедить прокуратуру города и области в правильности нашей позиции.

Джамиля внимательно выслушала его и задала последний вопрос:

– Как вы отнесетесь к моей поездке в Москву? Я хочу лично обратиться в прокуратуру республики и Министерство внутрен-

них дел СССР с просьбой прислать своих представителей для объективного, незаинтересованного разбирательства с делом моего мужа.

– Я не могу вам запретить это.

Выйдя из управления, Джамия направилась к кассам Аэрофлота. Через десять дней у нее начинался отпуск. Побывав у Кудрявцева, она еще больше утвердилась в решимости выехать в Москву. Как и в правильности того, что не сказала мужу о том, что по указанию райкома он исключен из членов партии. «Зачем лишняя щепотка соли на незаживающей ране», – подумалось ей перед свиданием.

Оказавшись в столице, Джамия не без труда устроилась наконец в гостинице и занялась хлопотами.

В МВД ей удалось попасть без особого труда. Прием вел очень худой и, судя по виду, до предела издерганный генерал. Однако он был весь внимание. Оказалось, что ему известна история Борисова. Но, как стало ясно Джамиле с его слов, министерство по своей инициативе не может вмешиваться в расследуемые прокуратурой дела. Генерал тут же позвонил в Нежинск, уточнил обстоятельства по делу Борисова. Затем по телефону долго разыскивал кого-то в прокуратуре республики, наконец с трудом договорился о приеме Джамии на следующей неделе и, пожелав успеха, простился.

Прием в прокуратуре отличался от встречи в МВД. Женщина предпенсионного возраста с выражением полнейшего безразличия, читаемого на ее лице, выслушала Джамилю, спросив:

– У вас есть заявление по этому поводу?

– Нет, – последовал растерянный ответ.

– Тогда напишите и передайте в соседний кабинет для регистрации. Ответ получите по почте. Обязательно укажите адрес.

Аудиенция длилась не более десяти минут.

Следуя в автобусе в аэропорт, Джамия подводила итоги своего пребывания в Москве. Они оказались неутешительными. Ничего нового. «Все-таки сделано то, что давно не давало покоя», – думалось ей. И очень хотелось верить, что эта поездка в конечном счете может как-то помочь Анатолию.

– Борисов, к адвокату! – крикнул контролер в открывшуюся со ставшим уже привычным шумом дверь камеры.

Встреча носила, как принято говорить, официальный харак-

тер. Сухо ответив на приветствие Анатолия, адвокат молча положил перед ним несколько отпечатанных на машинке листов. «Кассационная жалоба» – было напечатано крупным шрифтом.

Анатолий конечно же полностью доверял своему адвокату. И первой мыслью, когда он увидел жалобу, было отказаться от ее прочтения. Тем более, что в суде он внимательно выслушал речь адвоката, и вряд ли что-нибудь новое он сейчас узнает. Однако, прочитав первую страницу, настолько увлекся, что о первой своей мысли вспомнил, лишь когда увидел подпись адвоката на последнем листе жалобы. На семи листах защитник убедительно аргументировал невиновность Анатолия, ссылаясь на действующее законодательство, судебную практику Верховных судов РСФСР и СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР. В заключение блестяще характеризовал его. Только теперь Анатолий узнал, что имеет двенадцать поощрений, лично раскрыл ряд опасных преступлений, успешно пресекал другие антиобщественные действия правонарушителей. «Действительно, кто их считает? Разве что в отделе кадров. Да и там, пожалуй, редко подсчитают, у кого сколько поощрений. Если не запросит начальство. Или вот как в этом случае. Наверное, специально подсчитали по запросу адвоката», – подумал Анатолий.

Последняя фраза жалобы едва не бросила Анатолия в краску. Его защитник писал: «Анализ работы Борисова в милиции дает основание утверждать, что он беспредельно предан служебному долгу. И это исключает возможность превышения им служебных полномочий». Далее содержалась просьба к судебной коллегии по уголовным делам областного суда приговор Ленинского народного суда в отношении Борисова отменить и дело о неосторожном убийстве и превышении власти прекратить.

Еще не положив на стол последний лист, Анатолий подумал: «Как все складно и убедительно. И поощрения, и медаль «За безупречную службу», и анализ работы, и беспредельная преданность служебному долгу. Все очень красиво. А между тем – тюрьма. И пока с этим никто ничего поделать не может».

Адвокат словно прочитал его мысли. И, пожалуй, впервые за время их общения посмотрел на Анатолия с сочувствием:

- Верю, что дело будет прекращено. Нужно набраться терпения и верить в это. Вы подали жалобу?
- Да. Но написана она значительно слабее. В общем, как сумел.

Основные же моменты отражены.

– В таком случае – до следующей встречи. До свиданья.

Он резко встал, собрал свои бумаги на столе, аккуратно положил их в портфель и – сама официальность с орденскими планками на груди – покинул камеру для допросов.

Анатолий возвратился в свою камеру в приподнятом настроении. Этому способствовали необычная для адвоката разговорчивость и главное – пожалуй, впервые прозвучавшая из его уст уверенность в благополучном исходе дела..

Размышляя над этим, он подумал: «Странное дело. Каждый из них – адвокат, прокурор, судья, следователь – имеет одинаковое образование, но по одному, казалось бы, ясному делу нередко сталкиваются их противоречивые точки зрения. Почему? И служат ведь все, должны, по крайней мере, служить, букве и духу закона, справедливости. Ну, сели бы за один стол, разобрали бы все детали, как говорят, по косточкам и один раз навсегда решили бы судьбу человеческую. Так ведь нет. Через какие испытания проходит человек, чтобы наконец-то узнать, виновен он или нет. Когда-то следователь Белоусов, окончивший Ленинградский университет и кичившийся этим, то и дело получавший дела на доведение, нисколько этим не огорчаясь, заявлял:

– Ну что ж, у двух юристов всегда три мнения по одному делу.

В конце концов чаша начальнического терпения переполнилась, и от горе-следователя оно к обоюдному удовольствию избавилось. Тот подался в аспирантуру набираться новых острот, чтобы потом преподносить их студентам-несмышленишкам.

Так откуда же эта странная, противоречивая философия у образованных, мудрых людей? Не от Белоусова же?»

Но сколько ни размышлял Анатолий, так и не смог добраться до истины. От этих размышлений его оторвал звук открывающегося окошка для получения пищи и голос сержанта:

– Примите ужин.

Председатель областного суда Анатолий Михайлович Катаничев, изучив материалы дела Борисова, жалобы его и адвоката, отца потерпевшего, испытывал сложные чувства. И, абстрагируясь от фактических обстоятельств дела, имевшихся доказательств, вопреки годами выработанной методе дал волю чувствам. Обычно он брал чистый лист бумаги, делил его пополам, слева вверху ставил знак плюс, справа – минус. И, тщательно изучая показания

свидетелей, обвиняемых, потерпевших, заключения экспертиз и другие материалы, делал краткие, только ему понятные записи, со ссылками на номера томов и листы уголовного дела. В левой колонке он записывал доводы в пользу обвинения, в правой – в пользу защиты. Нет, он не определял судьбы тех, кто проходил по уголовным делам, рассмотренным под его председательством, путем механического сложения или вычитания плюсов и минусов. Просто, изучая дело таким образом, он как бы конспектировал его, и это значительно облегчало дальнейшую работу. Особенно при их рассмотрении в кассационном порядке.

Дела им всегда изучались основательно. Благодаря своей методе он легко ориентировался в любом из них, каким бы большим по объему оно ни было.

Молодые коллеги нередко удивлялись тому, как он глубоко знал дела, втайне завидовали необычной памяти, казалось бы, несвойственной его возрасту. А некоторые из них в своем кругу откровенно рассуждали о том, что ему давно пора быть на пенсии, а он что-то даже не поговаривает о ней.

Он, действительно, никогда не говорил об этом. Но про себя все чаще думал о том, что пора бы на заслуженный отдых. Хотя какой же это отдых? Что заслуженный – спорить трудно. Наверное, заслужил. С семнадцати лет в армии, за плечами почти вся война. Потом учеба. А после нее – судебная работа. Целых тридцать пять лет. Мало в ней было радостного. Все больше неприятных дел, показывающих самую-самую человеческую изнанку. И очерстветь бы ему давно пора, привыкнуть к ней. Превратиться в работа. Есть основания – сиди в тюрьме, нет – гуляй на свободе. Уж сколько раз давал себе слово, начиная с первого сердечного приступа, не давать волю эмоциям, не принимать эти дела близко к сердцу. Но не мог. Все чаще посасывал валидол. Не давали покоя и, казалось, давно зажившие раны. Особенно болела по ночам пробитая осколками нога.

И сейчас, ощущая резкий вкус валидола под языком он, как ни старался быть объективным, не мог справиться с нахлынувшими на него сложными чувствами. Пренебрегая анализом юридической стороны дела, он помимо своей воли занял позицию Борисова, его адвоката. У него возник было порыв прекратить дело за отсутствием состава преступления и освободить Борисова из-под ареста. Но он представил себе выражение лица прокурора обла-

сти Стадника. Для него любой факт освобождения из-под стражи и прекращения уголовного дела – весьма неприятное событие: по существу, суд признает акт беззакония со стороны прокуратуры, возбудившей дело и санкционировавшей арест Борисова. В отношении прокурора города и его заместителя, расследовавшего дело, последуют суровые выводы. Достанется и Стаднику. Да и милиция свой шанс не упустит. Основания к тому, чтобы серьезно возмутиться действиями прокуратуры, в данном случае есть.

Постепенно остыв от эмоций, Катаничев еще раз перелистал дело Борисова и, к своему удивлению, понял, что с доказательствами в нем далеко не все благополучно. Только теперь ему стало ясно, что первый порыв принять как можно быстрее решение об удовлетворении кассационной жалобы адвоката Борисова был продиктован отнюдь не эмоциями. Это была скорее всего интуиция, основанная на первом, еще не столь глубоком ознакомлении с материалами дела. Он еще не приступил к настоящему, по своей методе, его изучению.

Теперь, перечитывая дело, он совершенно четко представлял себе картину происшествия, ясно видел тех, кто свидетельствовал против Борисова. От его внимания не ускользнула и такая деталь. Показания этих свидетелей очень уж были похожи на близнецов. Складывалось впечатление, что они сначала чуть ли не хором отрепетировали их, а потом уже оказались у следователя и рассказывали ему давно выученное наизусть. Все это было похоже на хорошо поставленный спектакль под руководством опытного режиссера. Но кто он?

Давно зная Жилина и не питая к нему особых симпатий как к человеку, он не мог представить его в такой роли. И зачем ему это? Скорее всего им мог быть кто-то из матерых уголовников. Но разве это можно установить? Хотя милиция и может знать об этом. Но как это доказать? Кто захочет рассказать об этом?

«Нет. Это из области интуиции, а что же все-таки с доказательствами?» – решил он. И снова, не спеша перелистывая дело, он шаг за шагом проследил за происшедшим.

Уходя от симпатий и антипатий, отбросив в сторону все, кроме фактов, он пришел к неожиданным для себя выводам.

По утверждению Борисова, разыскиваемый бросил в него нож, призывал дружков стрелять в него, пытался достать что-то из кармана куртки, скорее всего – пистолет. Нож и пистолет не най-

дены. Но это не означает, что их не было вообще. Значит – сомнение. А ведь всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Так, по крайней мере, утверждает теория уголовного процесса. А сколько раз такое встречалось в практике? Их много, теоретических постулатов. И презумпция невиновности, и бремя доказывания. Но все они остаются там, в стенах институтов. В жизни все складывалось по-другому. И практика нередко идет своим путем, далеким от теоретических догм.

По пути на работу, утром следующего дня Анатолий Михайлович продолжал обдумывать обстоятельства дела Борисова. К обеду у него были готовы первые заметки, к вечеру превратившиеся в стройную, по его мнению, систему недоработок, влекущих безусловное дополнительное расследование дела.

Следствие считало, что Борисов открыл стрельбу в общественном месте при скоплении больных и других граждан, угрожал этим их жизни и здоровью. В то же время по делу никто из них не допрошен. Об угрозе жизни и здоровью не говорит никто из компании Энверова. На основании чего сделан такой вывод?

Небрежно составленная схема к осмотру места происшествия не позволяла сделать вывод, кто из находившихся в больнице, на ее территории мог наблюдать происходящее и дать объективные показания.

Важнейшее значение имело и то обстоятельство, первым или вторым выстрелом был убит Энверов. Этого в ходе следствия установлено не было.

К своему удивлению, Катаничев в деле не обнаружил никаких документов, подтверждающих, что убитый был вооружен во время его разбойного нападения на Верхних Озерах. Был вооружен. Но ведь об этом постоянно говорит в своих показаниях Борисов.

Следствием не установлено, кто из друзей Энверова угрожал Борисову, требуя прекратить преследование. Возникали и другие, быть может, менее важные вопросы.

Катаничев ясно видел промахи и необъективность следствия. Полной картины происшедшего не складывалось.

Оснований для удовлетворения протеста прокурора и утверждения приговора нижестоящего суда по делу Борисова не было. Все это обязывало вышестоящий суд приговор отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же районный суд в ином составе судей со стадии предварительного следствия.

Протест прокурора, жалобы представителя потерпевшего, адвоката и обвиняемого были оставлены без удовлетворения.

Получив такое определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда, Стадник немедля собрал всех причастных к расследованию дела работников. У него появились теперь серьезные сомнения в обоснованности привлечения Борисова к уголовной ответственности.

Воздав должное Колпашеву и Жилину, он потребовал срочно подготовить протест в президиум областного суда и доложить на подпись вечером следующего дня.

Жилин и Колпашев с немалыми муками сочиняли протест. Опровергать мотивы направления судом дела на дополнительное расследование было непросто. Но этого требовала сложившаяся ситуация. И они выкладывались из последних сил. К концу следующего дня Стадник, распекая их громовым басом за неубедительность протеста, правил его текст. От представленного городским прокурором машинописного проекта почти ничего не осталось. Но от бесконечных дополнений и изменений протест не становился убедительнее. Понимая это, он нервничал. Измотавшись вконец и исчерпав, казалось, все свои возможности, он необычно тихим для него голосом сказал Колпашеву:

– Не исключено, что дело Борисова может быть прекращено, если вам не удастся в ходе дополнительного расследования устранить пробелы, которые отмечены в определении коллегии по уголовным делам облсуда. Увольнение обвиняемого позволило бы прекратить дело в связи с изменением обстановки. Такое решение, как понимаете, для вас и Жилина было бы наилучшим. В противном случае – последствия для обоих чреваты неприятностями. Выясните в отделе кадров УВД, состоялось ли увольнение Борисова?

Колпашев прекрасно понимал, о чем говорит прокурор области. Мысль о возможном прекращении этого дела и освобождении Борисова из-под ареста прочно засела ему в голову сразу же после переквалификации действий обвиняемого народным судом. Не высказывая ее вслух даже себе, он уже навел справку и знал, что Кудрявцев категорически отказался подписать приказ об увольнении Борисова до рассмотрения дела в суде и вступления приговора в законную силу. Сейчас он раздумывал о том, сразу ли сообщить об этом Стаднику или отложить информацию

до лучших времен. Поколебавшись, он все-таки решил сейчас не говорить об этом.

«Авось все обойдется, и незачем раньше времени тревожить высокое начальство», – подумал он. А вслух произнес:

– Хорошо, выясню и доложу.

Однако президиум областного суда отклонил прокурорский протест по тем же причинам. Началось дополнительное расследование. Еще не приступив к нему, Жилин обнаружил в почте письмо-заявление, поступившее через суд от гражданки Фирсовой Светланы Ивановны, в котором она извещала прокурора о том, что на допросе в прокуратуре и в суде ею были даны ложные показания под давлением со стороны Чертуганова и других, угрожавших ей убийством. Далее Светка с присущей ей бесхитростностью утверждала, что на самом деле все происходило так, как изложено в ее первом объяснении в Советском райотделе милиции. И что теперь она готова дать такие показания следствию и суду, чего бы ей это ни стоило.

Жилин почувствовал, как разом похолодели все пальцы его не по-мужски маленьких рук. «Только этого письма-заявления не хватало для полного счастья», – подумал он. Первой его мыслью было разорвать его и выбросить, никому не показывая. Но жирный штамп прокуратуры с входящим номером и датой поступления уже красовался на вырванном из ученической тетради листке.

«Так не годится, письмо читали в народном суде, на сопроводительном документе имелась подпись судьи Клокова, рассматривавшего дело Борисова. И он наверняка помнил о нем. Дело-то не из обычных. Как быть?» – размышлял Жилин.

Несколько дней он не докладывал Колпашеву о Светкином письме. Затем, тихо ступая, вошел к нему в кабинет и, заикаясь и бледнея, поведал о нем, положив на стол.

Когда до Колпашева дошел смысл Светкиного послания, лицо его как будто окаменело. Молча он еще раз перечитал его и, обретя себя, также молча вывел на нем адресованную Жилину резолюцию: «Гр. Фирсову С. И. допросить по существу. Письмо – в наблюдательное производство» – и поставил размашистую подпись.

По высланной в Советский район повестке Светка к Жилину не явилась. Через местного прокурора выяснилось, что она выбы-

ла из Советского, не выписавшись, и ее местожительство матери неизвестно. У Жилина отлегло от сердца. И он, скорее для формы, чем для дела, тут же настроил отдельное поручение в отдел уголовного розыска, подумав про себя: «Едва ли они ее быстро разыщут, к тому времени дополнительное расследование будет закончено, и ее письмо-заявление так и осядет в наблюдательном производстве».

Между тем дополнительное расследование продвигалось туго. Точнее, оно никуда не продвигалось. Повторные допросы Черта, Тумы и остальных из этой компании ничего нового не дали. Каждый из них твердо стоял на своем. Жилин немало времени проводил в колониях, где они отбывали наказание, в бесплодных беседах с ними надеясь все-таки получить какие-то ответы на поставленные областным судом вопросы. Никто из них не мог сказать, где находится Светка.

Сроки дополнительного расследования подходили к концу. Колпашев и Жилин нервничали. Стадник был крайне недоволен результатами доследования и уже всерьез подумывал, не лучше ли прекратить дело?

И вдруг в почте обнаружил поступившее из следственного изолятора заявление арестованного за очередной грабеж Воронова. Из безграмотно написанной «яфки с лавинной» было ясно, что заявитель хочет «сопщить» нечто весьма важное по делу бывшего милиционера Борисова, «убившаго безвинаго чилавека в тубдиспансере в ноябре 1984 года». В препроводительном письме администрации указывалось, что «от более подробных объяснений арестованный Воронов отказался, заявив, что все подробно расскажет только прокурору».

Утром следующего дня в следственном изоляторе Жилин допрашивал Воронова. Из его показаний следовало, что в этот период он находился на лечении в тубдиспансере и с балкона своей палаты видел, как Борисов бежал за незнакомым ему человеком и кричал: «Стой, стрелять буду!» Затем прицелился и выстрелил в бегущего, а потом вверх. После этого к месту случившегося стали сбегаться люди, а он ушел к себе в палату. Что было дальше, он не видел. Но Борисова узнал сразу, так как раньше знал его как работника Советского райотдела милиции. Позже от медперсонала узнал, что раненный милиционером человек умер. Но его он не знал.

Это было как раз то, чего не доставало Жилину. Так необходимые ему показания давал человек, не заинтересованный в исходе дела. Наконец-то, по мнению Жилина, логическая цепь замкнулась. Правда, оставались показания, изложенные в письме-заявлении пока бесследно исчезнувшей Светки. Они не вписывались в столь желанную для Жилина картину. Но Светка не находилась. И, думалось ему, в суде достаточно будет огласить показания, которые она уже давала на следствии и на суде раньше.

* * *

Дверь камеры следственного изолятора с шумом распахнулась, и в проеме возник долговязый худой парень с прыщавым лицом. Оглядевшись, сбросил с себя куртку, уселся на край скамейки, важно достал пачку сигарет, небрежно сунул одну из них в рот, не предложив никому из присутствующих. Медленно обвел всех тяжелым, властным взглядом, требуя спичку. Вынырнувший из самого темного угла камеры Шпингалет услужливо чиркнул о коробок и дал ему прикурить. Выпустив дым от первой затяжки, слегка кашлянул, снял не спеша шарф, расстегнул ворот рубашки и, попыхивая сигаретой, продолжал сидеть, открыто разглядывая тех, кто находился в камере.

Черт, верховодивший в камере, как бы почувствовав в новичке соперника, исподтишка бросал на него изучающие взгляды, ища повод затеять разговор. Сокамерники, понимая происходящее, не ожидая ничего хорошего от этой встречи и предстоящего знакомства, старательно делали вид, что каждый занят своим делом. В камере стояла тишина.

Стремясь как-то вступить в разговор с пришельцем, Черт небрежно-повелительно спросил:

– Откуда?

Выдержав длительную паузу, новичок столь же небрежно бросил:

– С воли.

Что-то удерживало Черта от дальнейших расспросов. Скорее всего предчувствие, что новичок может взорваться, и тогда придется выяснять отношения и с первых минут вступать в борьбу за лидерство в камере. Пока лидером оставался Черт. Его никто не пытался лишить этого. И он решил отказаться от дальнейших попыток вступить в разговор.

Перед отходом ко сну, когда нары были отстегнуты от стен, новичок, так и не произнесший ни слова, молча бросил свою куртку на те из них, что были ближе к батарее парового отопления. Шпингалет также молча переселился на другое место, ближе к дверям. Никто из сокамерников не возразил против этого. Когда новичок лениво стягивал с себя рубашку, сокамерники успели заметить множество татуировок на его руках, предплечьях, груди и спине. Каждый из них про себя отметил это. Но никто так и не произнес ни слова.

Перед тем как заснуть, пришелец долго сухо покашливал. Остальные ворочались на своих местах. Никто не решался нарушить установившуюся с его приходом в камере тишину.

За завтраком следующую после Черта миску Шпингалет поставил перед ним. Молча стуча ложками, поели кашу, выпили чай.

Дверь камеры с шумом распахнулась:

– Воронов, к следователю!

Черт, услышав фамилию, насторожился. Она показалась ему знакомой. Но сразу он не смог вспомнить, когда и где ее слышал. То, что он никогда не встречал его раньше, для Черта было ясно. Но фамилия была знакомой. Это тоже не вызывало сомнения. Он лихорадочно вспоминал. Но ничего не получалось. И Черт начал терзаться, про себя понося показавшуюся ему теряющей прежнюю остроту память. Его буквально преследовала мысль: «Когда, где?» Тогда Черт решил пойти по другому пути. Он начал отсчет назад, в прошлое, со дня своего последнего ареста. Вспоминал, с кем встречался, бражничал, кому и через кого сбывал краденое, где ночевал. Но ничего подходящего ему в голову так и не приходило. И всякий раз ему оставалось лишь констатировать одно: «Слышать – слышал, видеть – не видел». От безделья в камере мысль «Когда, где?» обострялась все больше.

Воронов появился после обеда. Молчаливо-напряженная обстановка в камере сохранялась. Шпингалет поставил перед ним остывший обед. Он не стал есть первое, нехотя поковырял вилкой в тарелке со вторым, съев лишь давно остывший кусок рыбы.

Черту безудержно хотелось заговорить с Вороновым. Но он никак не мог найти повода. И вдруг его осенило: «Ворон – Кукушка – тубдиспансер». Да-да, это к нему они шли в тот день, который для Кукушки оказался последним. Но их встреча так и не состоялась. Со слов Кукушки Черт знал, что у Ворона богатое преступное

прошлое, что в блатном мире он авторитет. Теперь ему стала понятна и причина вчерашнего вечернего кашля Воронова. Подсев к Ворону, он тихо, чтобы не слышали остальные, спросил:

– Кукушку знал?

– Ну, – тут же нейтрально ответил Ворон.

До поздней ночи они шептались в дальнем углу камеры, никого не подпуская близко к себе.

На следующий день после завтрака Ворон громко застучал в дверь камеры. На вопрос контролера хрипло-пропитым голосом ответил:

– Передай куму – явку с повинной хочу дать.

Вечером в кабинете начальника оперативной части следственного изолятора Ворон на чистом листе бумаги, сосредоточенно наморщив лоб, написал первые слова: «Явка с павинной».

* * *

Очередной судья по делу Борисова – Валентина Михайловна знакомилась с последними листами уголовного дела. Перечитывая его повторно, она окончательно убедилась в том, что предписания областного суда следствием в полном объеме не выполнены. Допрошенные повторно Чертуганов, Туманов и остальные ничего нового в своих показаниях не сказали. Удивляло, что по делу повторно не допрошена Фирсова, появился неизвестный прежде очевидец – Воронов, свидетельствующий в пользу обвинения.

Разве что схема, приложенная к протоколу осмотра места происшествия, технически выполнена безукоризненно.

Хорошо бы увидеть Борисова, поговорить с ним по душам, заглянуть ему в глаза до суда. Но так не принято. Как же быть? Человек уже десять месяцев под арестом. С ним давно пора разобраться в соответствии с законом. Так что же мешает?

Она набрала номер телефона Жилина. К ее удивлению, он сразу же снял трубку.

– Иван Максимович, говорит судья Васильева, добрый день. Вот ознакомилась с делом Борисова, и есть вопрос.

– Готов ответить, – сухо прозвучало в трубке,

– Почему при дополнительном расследовании нет повторного допроса Фирсовой?

Жилин захмыкал, изображая нечто похожее на кашель:

– Она выехала в неизвестном направлении, так сказать. Дано задание на ее розыск, но найти пока не смогли. Да и вряд ли она дополнительно к сказанному раньше что-либо сообщит. Пожалуй, достаточно будет огласить данные ею раньше показания, подтвержденные на очной ставке.

Услышанное «так сказать» раздражало Васильеву. Ответ Жилина не избавил ее от ощущения незавершенности расследования. Но дальнейший разговор уже казался ей бессмысленным.

– Спасибо. До свидания, – произнесла она и положила трубку.

День слушания дела был назначен, повестки разосланы, запросы в отношении обвиняемого и свидетелей, находящихся под стражей, направлены. Оставалось ждать начала процесса и принимать решение. Подводя итог своим размышлениям, Валентина Михайловна решила обратиться в УВД с просьбой ознакомиться с личным делом Борисова, рассчитывая, может быть, в нем найти ответы на возникшие у нее вопросы.

Внимательно выслушав ее по телефону, Кудрявцев несколько неожиданно для нее тут же ответил:

– Приезжайте.

Когда Васильева вошла в кабинет генерала, первое, что она увидела на столе, было личное дело старшего лейтенанта Борисова.

Поочередно они перечитывали характеристики, представления и аттестации, находящиеся в личном деле. Все они были положительные. К удовлетворению Васильевой, ни в одной из них не промелькнуло записей о нескромности, хвастовстве или бахвальстве Борисова. С фотографии на нее смотрел аккуратно подстриженный, смуглолицый человек в погонах.

Джамиля не находила себе места. Казалось бы, все ясно. Завтра начнется повторное рассмотрение дела ее мужа. Для самоуспокоения она навела справки о судье. Отзывы были самые благоприятные. Накануне в аэропорту она встретила Светку Фирсову. Во избежание возможного давления на нее со стороны бывшей компании отвезла ее в село, откуда была родом, и поместила у дальних родственников, наказав ждать вызова в суд и никуда не отлучаться из дома. Джамиле казалось, что она сделала все от нее зависящее, чтобы на сей раз дело ее мужа было рассмотрено по справедливости. И все-таки чувство тревоги не покидало ее. Стремясь заглушить его, она после уборки квартиры до глубокой

ночи хозяйничала на кухне, готовила еду, перемыла и без того чистую посуду, тщательно протерла все тарелки, ложки и вилки. И вот теперь, лежа в постели, несмотря на усталость, никак не могла уснуть. Не успев забыться во сне, услышала звонок будильника.

У здания суда она оказалась минут за двадцать до начала работы. Прогуливаясь невдалеке, видела, как спешили на работу сотрудники, как в здание суда прошла Валентина Михайловна. Минут через десять во двор здания суда въехали два крытых грузовика для перевозки арестованных. Она увидела, как из первого вывели Анатолия. Когда из второго грузовика поочередно милиционеры начали выводить Черта, Креста и Туму, она поспешно вошла в здание суда.

Рассмотрение дела началось ровно в назначенное время. Судьи, прокурор и адвокат заняли отведенные им места. Ввели подсудимого, и все началось сначала. Чтение обвинительного заключения, вопрос к подсудимому, признает ли себя виновным, допросы его и свидетелей, заученно дававших показания. И вдруг неизвестно для Джамили откуда появившийся свидетель Воронов, введенный в зал в сопровождении двух милиционеров.

Валентина Михайловна, предупредив об ответственности за дачу ложных показаний, спокойным голосом предложила рассказать все, что ему известно по делу.

Хрипло-грубым голосом Воронов подтвердил показания, данные им на предварительном следствии.

У государственного обвинителя вопросов не было. На его лице читались удовлетворенность показаниями Воронова.

Вопрос адвоката прозвучал почти безразлично:

– Скажите, свидетель, с балкона какой палаты вы наблюдали события, о которых показываете в суде?

Воронов, явно выигрывая время, шумно раскашлялся. Еще не все осмыслив до конца, он почувствовал в заданном вопросе ловушку. Воцарившаяся в зале тишина как бы торопила его с ответом.

– С какой? Со своей палаты!

– Прошу занести ответ свидетеля в протокол судебного заседания.

Адвокат, знакомясь с материалами дела перед началом судебного заседания отметил, что в протоколе допроса Воронова го-

ворилось, что в момент случившегося он находился на балконе палаты, но какой именно – не было указано. Теперь он задал этот вопрос в суде. И интуитивно почувствовал, что Воронов лжет.

Обращаясь к секретарю, Валентина Михайловна попросила:

– Уточните, не прибыла ли свидетель Фирсова?

Светки среди находившихся в комнате свидетелей не оказалось. В процессе назревала заминка. Государственный обвинитель неплохо знал материалы, связанные с ее ролью в деле. Перед началом процесса он получил дополнительный инструктаж от Жилина. И, попросив слова, произнес:

– Обвинение не считает обязательным допрос Фирсовой в настоящем заседании. В деле достаточно материалов, свидетельствующих о том, что ее показания не противоречат тому, что показывают другие свидетели. Учитывая, что ее местонахождение в настоящее время неизвестно, полагаю возможным ограничиться оглашением показаний, данных ею на предварительном следствии.

Джамиля чуть было не закричала на весь зал, что Фирсова находится в Нежинске и может предстать перед судом. Она даже прикрыла рот кончиками пальцев. И в этот момент услышала слова адвоката:

– Защита считает допрос Фирсовой обязательным и настаивает на ее вызове в суд.

В заседании был объявлен перерыв до следующего утра.

В дверь кабинета судьи осторожно постучали. На пороге стояла Джамиля:

– Если это возможно, поручите выписать повестку на имя Фирсовой. Я знаю, где она сейчас находится, и смогу ей вручить.

Через пять минут из телефона-автомата Джамиля звонила бывшему командиру Анатолия:

– Сергей, кого из ребят можно попросить съездить со мной завтра утром в пригород и привезти Фирсову Светлану для допроса в суде? Хорошо бы из тех, кто имеет собственную машину.

– Я подумаю. Завтра к тебе подъедут, жди.

* * *

Утром следующего дня в дверь квартиры Борисовых позвонили. Уже готовая к выходу Джамиля увидела в дверях высокого, худощавого Воропаева. Когда-то Анатолий был его шефом-на-

ставником. И тот несколько раз бывал у них в доме. Скромный и твердый в своих убеждениях, парень выделялся среди других товарищей Анатолия какой-то особой основательностью, надежностью. И она про себя порадовалась, что приехал именно он.

Моросил густой осенний дождь. Из-за этого на улице было темнее обычного. Видимость на дороге заметно ухудшилась, а сама дорога из-за грязи превратилась в тягучее месиво.

В начале десятого дежурный Советского райотдела внутренних дел докладывал дежурному областного управления:

– На дороге Советский – Нежинск милиционер роты патрульно-постовой службы УВД сержант Воропаев Михаил Федорович, 1960 года рождения, член КПСС, в органах внутренних дел с 1981 года, не справившись с управлением автомобиля, допустил его опрокидывание. В результате дорожно-транспортного происшествия пострадала Борисова Джамиле Магомедовна (остальные данные устанавливаются). С диагнозом «ушиб четвертого позвонка» в тяжелом состоянии госпитализирована. На место аварии выезжала оперативно-следственная группа во главе с начальником ГАИ.

Сознание с трудом возвращалось к Джамиле. Когда ее веки слегка задрожали, врачи реанимационного отделения с надеждой переглянулись. С трудом открыв глаза, она ничего не могла понять. В отяжелевшей, сильно болевшей голове стоял сплошной гул. Силясь, она никак не могла сообразить, что с ней произошло и где она находится. От окружающих ее предметов, стен, потолка веяло снежной белизной. Сделав попытку повернуться в кровати, она, вскрикнув, снова потеряла сознание.

У кровати Джамиле слаженно работали реаниматологи. Заведующий отделением, дав необходимые указания, поднялся к себе в кабинет. От размышлений по поводу тяжелого случая с молодой женщиной его отвлек телефонный звонок. Звонил дежурный по ГАИ.

– Как самочувствие Борисовой? Можно ли с ней беседовать?

– Очень тяжелое. Больная неконтактна.

– Ясно. Вынужден буду побеспокоить еще.

На третий день усилиями врачей к Джамиле вернулось сознание. И теперь она как-то представляла причину своего состояния. Дежурившая у постели сестра, смачивая влажным тампоном ей губы, тихим, но твердым голосом произнесла:

– Полный покой. Не пытайтесь поворачиваться.

У нее не возникало ни малейшего желания не только поворачиваться, но и шевелиться. Тело казалось чужим, неуправляемым, закованным во что-то тяжелое. Первыми мыслями были: «Что с Анатолием? Как дочь? Попала ли Светка в суд? Что с Михаилом?» Сколько ни старалась, все, что сохранилось в ее памяти, обрывалось на том, как встречный грузовик разом заляпал все лобовое стекло потрепанного «Москвича» Михаила. Он резко повернул руль вправо. Машину повело. С перекошенным, побелевшим лицом, Михаил так же резко крутанул руль влево. И в этот момент она услышала скрежет металла, почувствовала, как что-то сильно ударило ее в спину и голову. Что было дальше – вспомнить никак не удавалось. Но было ясно, что поездка за Светкой окончилась аварией.

Скованную болью Джамилю, едва она пришла в сознание, стали одолевать разные мысли. «Вызвали или нет Светку? Какие показания дала она на сей раз? Как ведут себя свидетели обвинения? Каково состояние Анатолия? Что с дочерью и родителями? Как все они?»

Между этими медленно проворачивающимися в отяжелевшей, больной голове мыслями лишь один раз подумалось о себе: «Раз пришла в себя – значит, все будет в порядке». Не почувствовав, что заплакала, лишь ощутила, как сидевшая возле нее сестра акуратнo вытерла скатывающиеся по ее щекам слезы.

– Тебе нельзя волноваться, постарайся заснуть.

Через несколько минут Джамиля ощутила холод иглы, уколoвшей предплечье, и забылась во сне.

Проснулась она оттого, что почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. С трудом приоткрыв ставшие невыносимо тяжелыми веки, она увидела склонившееся над ней лицо Анатолия и одновременно почувствовала прикосновение его губ на щеке. Сначала ей показалось, что все это происходит во сне. С большим усилием открыв наконец глаза и убедившись, что над ней действительно склонился Анатолий, она, как ей показалось, закричала на всю больницу:

– Толенька, милый, родной, все кончилось, да? Тебя отпустили?

Едва расслышав ее шепот, Анатолий, с трудом сдерживая комок в горле, лишь молча кивнул головой. Встал на колени, взял ее

руку в свои и, не успев прикоснуться к ней губами, почувствовал, что кто-то властно взял его за плечо. Достаточно было увидеть выражение лица врача, чтобы понять, что отведенные ему минуты для свидания с женой, показавшиеся не более чем мгновением, истекли. С тяжелым сердцем он покинул палату.

И стало невыносимо тяжело, когда услышал привычный лязг замка захлопнувшейся за ним двери тюремной камеры. До следующего утра он так и не сомкнул глаз.

В конце рабочего дня Валентина Михайловна входила в кабинет заместителя главного врача противотуберкулезного диспансера Борзова. Он оказался достаточно информированным по интересующему ее событию. Принял ее весьма любезно, подробно рассказал обо всем, что здесь произошло около года назад. И теперь сопровождал по отделению. Разговаривая о разном, не имеющем отношения к делу, они вошли в палату, в которой в свое время лежал Воронов. Увидев вместе с Борзовым незнакомую женщину в белом халате, находившиеся в палате больные сначала вразнобой ответили на ее приветствие, а поняв, что не они интересуют пришедших, по одному вышли в коридор.

– Душновато в палатё-то, – сказала Валентина Михайловна, направляясь к балконной двери. На минуту вышла на балкон и, тут же возвратившись обратно, как показалось Борзову, взволнованно продолжила: – А на улице зябко!

Поспешно поблагодарив Борзова, она тут же вышла из диспансера. От волнения у нее перехватило дыхание. И, стараясь дышать полной грудью, она медленно двигалась к автобусной остановке, ошеломленная тем, что ее предположения подтвердились.

* * *

Утром следующего дня, объявив судебное заседание- продолженным, Васильева вместо допроса очередного свидетеля объявила:

– Суд прерывает заседание для проверки показаний свидетеля Воронова с выездом на место. Прошу состав суда, представителей обвинения и защиты пройти к микроавтобусу, стоящему во дворе здания!

Всем прибывшим через полчаса в диспансер стало ясно: с балкона палаты, в которой лечился Воронов, увидеть происходившие события было невозможно.

В микроавтобусе участники выезда на место вели себя подчеркнуто сдержанно. На невозмутимом прежде лице адвоката необычно светились много повывавшие глаза. Моложавый прокурор, стараясь сохранять серьезность, выглядел растерянно.

Валентина Михайловна, все пережив накануне, почти окончательно утвердившись в собственном мнении по делу, казалось, безразлично смотрела в окно микроавтобуса.

В вестибюле суда ее внимание привлекла фигурка одиноко стоявшей у окна Светки Фирсовой.

Когда с формальностями, касавшимися выезда суда на место, было покончено, секретарь судебного заседания в открытую дверь зала громко произнесла:

– Свидетель Фирсова, пройдите!

У сидевшего в зале суда Шарапова от удивления едва не отвалилась челюсть, настолько неузнаваемо изменилась внешность, одежда, походка, даже манера поведения Светки Фирсовой. Перед судом стояла привлекательная молодая женщина, с тонкими чертами лица, в меру покрытого косметическими премудростями, открыто смотревшая на окружающий ее мир большими, казавшимися бездонными глазницами. Нет, Светка явно преобразилась. И Шарапову очень захотелось, чтобы это преобразование коснулось не только ее внешности.

Открыто глядя на состав суда, Светка с чувством столь необычного для нее ранее собственного достоинства выслушала Валентину Михайловну, предупреждавшую ее об ответственности за отказ от дачи показаний, равно как и за ложные показания. И первые произнесенные ею слова заставили всех сидящих в зале затаить дыхание.

– Я должна прежде всего сказать о себе и принести свои извинения прежнему составу суда за то, что под давлением людей, с которыми я теперь порвала всякие отношения, из-за страха за жизнь и под воздействием прокурора Жилина, угрожавшего мне лишением свободы, если мои показания будут противоречить тому, что говорили другие, я дала на следствии ложные показания по делу Борисова, подтвердила их затем в суде. Мне до сих пор стыдно. Это из-за меня на скамье подсудимых человек, который этого не заслуживает. В действительности на его месте должен быть я. И если я заслужила это, прошу суд наказать меня по всей строгости закона.

Внезапно прорезавшееся красноречие Светки буквально ошеломило всех, кто, находясь в зале суда, услышал ее слова. Они произвели эффект и на состав суда, адвоката, государственного обвинителя. Удивление открыто читалось на лице подсудимого Борисова.

Затем Светка почти слово в слово пересказала все, что было записано в ее первом объяснении, которое вскоре после случившегося она дала в Советском райотделе майору Дудаеву. И обезоруживающе, несколько театрально закончила:

– Все, что я сказала сегодня, есть правда и только правда! Я готова подтвердить это где угодно и сколько угодно раз!

На фоне прозвучавших несколькими днями раньше заученно-вымученных показаний Туманова, Чертуганова, Креста, Сарафановой и других то, что произнесла сейчас Светка Фирсова, было сродни разорвавшейся бомбе.

Первой из состояния оцепенения вышла Валентина Михайловна:

– Есть ли вопросы у народных заседателей к свидетелю Фирсовой?

Еще не пришедшие в себя от произнесенной Светкой речи заседатели одновременно выпалили:

– Нет!

Васильева не успела обратить глаза к столу государственного обвинителя, как сидевший за ним прокурор уже задал первый вопрос:

– Скажите, Фирсова, почему вы изменили свои показания, данные на предварительном следствии? Объясните суду!

– Обо всем этом я сказала сегодня, – и, обращаясь к судье с присущей ей непосредственностью, Светка спросила: – Еще раз повторить?

– Не следует, – ответила Валентина Михайловна.

Прокурор явно нервничал. Казавшееся ему бесспорно доказанным по делу преступление Борисова начинало зримо пошатываться. Это никак не входило в планы обвинения. Досудебные заготовки-вопросы к свидетелям казались ему уже несущественными, обвинение – не столь убедительным, как перед началом процесса. Совершенно неожиданно ему показалось, что дело безнадежно проиграно.

Перед глазами на мгновение возникло рассвирепевшее лицо

прокурора города Колпашева, раздраженная, по-лисьи хищная, со спрятанными за толстыми стеклами очков глазами физиономия его заместителя Жилина, расследовавшего дело и знавшего его во всех деталях. Он смог окончательно взять себя в руки только после того, как перед его мысленным взором промелькнуло нервно подрагивающее скулами лицо прокурора области Стадника.

Стараясь внешне казаться спокойным, государственный обвинитель тут же выстроил серию нейтральных вопросов к Фирсовой. Расчет был прост: усыпить бдительность свидетельницы ничего не значащими вопросами, а затем неожиданно задать ей сокрушительный, сбивающий ее с толку последний вопрос. По его мнению, такая тактика могла возвратить Светку к прежним, ох как нужным сейчас обвинению показаниям.

– Где вы сейчас проживаете, кем работаете, каково ваше семейное положение?

– Об этом я говорила на допросе, – как будто предчувствуя подвох со стороны прокурора, ответила не совсем уверенная в своей правоте Светка.

– Скажите, свидетель, давно ли вы знакомы с подсудимым Борисовым и какие у вас отношения с ним?

– Я знаю его как сотрудника райотдела милиции, никаких отношений у меня с ним не было и нет.

– Когда вы его видели в последний раз?

– На предыдущем суде.

– А до или после этого вы с ним не встречались?

– Нет.

– А кого из сотрудников областного уголовного розыска вы знаете?

– Шарапова, Михалькова, Ершова. Больше никого.

– С кем из них и когда вы виделись в последнее время?

– Ни с кем.

– Вы отвечаете суду неправду.

– Нет, я говорю только правду.

– Кто из названных работников милиции научил вас изменить в суде показания, данные вами на предварительном следствии? Отвечайте правду, нам все известно.

Светка удивленно вздернула брови, не понимая, чего от нее хотят. И неуверенно протянула:

– Ни-и-кто-о-о.

Дремавший на передней скамье отец Энверова, как бы демонстрировавший до этого свое безразличие ко всему происходящему в суде, неожиданно для всех заорал:

– Су-у-ка-а ты милицейская! Кто тебя купил? Сколь тебе запла-тили?

Валентина Михайловна строго посмотрела на него, постучав ручкой по графину, призвала к порядку представителя потерпевшего и присутствующих в зале. И когда тишина установилась, официальным тоном предупредила Энверова:

– При повторении подобного суд будет вынужден оштрафовать вас.

Предупрежденный тут же сделал вид, что происходящее в суде ему глубоко безразлично, и, казалось, вновь погрузился в дремоту.

Анатолий с трудом заставлял себя следить за происходящим в суде. Едва выйдя из оцепенения, он вновь впадал в него. Мысли его были далеки от того, о чем говорили свидетели, прокурор, адвокат. Лежавший на скамье подсудимых рядом с ним лист бумаги так и остался чистым. Он не сделал в эти дни ни одной записи. У него не было никакого желания бороться за себя. Вся предшествующая этим дням борьба за свою честь и доброе имя казалась ему сейчас потерявшей смысл. Перед глазами – забинтованная голова Джамили, глубоко ввалившиеся и от этого ставшие еще большими ее глаза, наполненные безысходной тоской и тревогой. Его же непрерывно одолевала одна мысль: «Что с ней?» И все случившееся с ним год назад, как и происходящее в эти дни, предстало перед ним таким малозначимым, даже вовсе не имеющим значения в сравнении с тем, что случилось с Джамилей. Как он хотел, чтобы этого не было!

И впервые за все это время мелькнула мысль: «А может быть, не стоило связываться тогда с Кукушкой? Не произойди всего этого – не моталась бы Джамилиа по прокурорам и судам, не было бы необходимости летать ей в Москву и обивать пороги всякого начальства, жила бы, как жила, Фирсова Светка, не понадобившаяся ни суду, ни следствию. Да и сам бы жил по-человечески, не скитался по тюрьмам, не причинил бы столько страданий и боли любимому человеку».

Сознавая, что время необратимо и поправить ничего нельзя,

Анатолий начинал раскладывать все происшедшее с ним на части... И приходил к твердому выводу: Кукушку надо было задерживать. Это оставалось вне всякого сомнения. Но, может быть, не следовало стрелять? А как еще можно было его задержать? Уговорить? Напрасная затея. Такие на уговоры не поддаются. Догнать? Может быть. Если бы хватило сил. Но почему-то у убегающих в подобных случаях сил оказывается больше. Гонимые страхом, они обретают не второе, а третье дыхание. И, как правило, уходят. А догони он Кукушку, сколько бы еще могло возникнуть непредвиденных ситуаций, пока дело дошло бы до рукопашной, до прямой схватки. В этом случае – Анатолий был уверен – он бы выиграл. Если бы у Кукушки не оказалось еще одного ножа или пистолета. Если бы не было у Анатолия в руках папки с документами. Если бы... И сколько их, «если». Даже теперь, в относительно спокойной обстановке, предусмотреть их невозможно.

А вот в тиши прокурорского кабинета все можно предусмотреть, разложить на загодя приготовленные чистенькие полки, распределить каждое слово, каждый шаг по букве закона. Проанализировать, оценить и сделать необходимые выводы. И такие, чтобы они обязательно обвиняли, а не оправдывали.

Нет, надо было стрелять по Кукушке. Его задержание с применением оружия было единственно правильным решением в тех условиях. И если бы не его роковой прыжок, отделался бы он ранением в ногу и давно бы отбывал наказание в местах не столь отдаленных. И вновь «если бы». Пожалуй, последний год его жизни был соткан из одних «если бы», превратившихся для него и семьи в замкнутый круг, выйти за пределы которого пока не удавалось. А теперь вот и получившая серьезнейшую травму Джамиля... Чем чревато повреждение позвоночника, Анатолий хорошо знал. И, понимая всю серьезность положения, почти физически отталкивал от себя плохие мысли. Не зная подробностей дорожного происшествия, он интуитивно чувствовал, что в случившемся может быть обвинен Воропаев, когда-то его подопечный, добросовестный и отзывчивый парень, как теперь складывалось, тоже попавший в круг неприятностей, постигших семью Борисовых.

От этих мыслей становилось страшно, леденела душа, замирало сердце. И все происходящее с ним лично казалось ничтожно малым, лишь повлекшим весьма крупные последствия для других.

Эти размышления, казалось, унесли Анатолия далеко из зала судебного заседания. Он не замечал сидевших рядом со скамьей подсудимых конвоиров, огромного стола, за которым восседали судьи, защищавшего его адвоката и обвинявшего прокурора, не слышал показаний свидетелей, речей прокурора и адвоката. Он ощущал себя вне времени и пространства, стремящимся туда, где сейчас находилась Джамиля, с единственной и такой естественной целью: узнать, как она себя чувствует, в чем нуждается.

* * *

Присутствовавшие в суде Ершов и Шарапов докладывали на следующий день начальнику управления о ходе процесса над Борисовым. От их проницательного ума не ускользнули многие детали происшедшего на нем. И Кудрявцеву уже было известно о подставном свидетеле Воронове, о произнесенной в суде речи Фирсовой, о том, сколь неуютно почувствовал себя прокурор после разоблачения Воронова и так называемого отказа от прежних показаний Светки, и как провалилась его попытка вернуть ее на прежние позиции. Как дико орал представитель потерпевшего. В заключение Ершов доложил:

– Не понравилась мне, товарищ генерал, какая-то безучастность со стороны Борисова ко всему происходящему в суде. Я бы сказал даже, отрешенность. В последние дни он не задал никаких вопросов свидетелям, не делал никаких записей. Просто сидел с отсутствующим взглядом. Образно говоря, при сем присутствовал.

– Ему неизвестно о жене?

– Не думаю. Но все может быть.

– Да... Происшедшее с ней значительно добавило к выпавшим на его долю испытаниям. Да-да. Иначе как испытанием на крепость это не назовешь. И очень хотелось бы, чтобы этот офицер выдержал его с честью.

* * *

– Борисов, на прогулку!

Пасмурная, промозглая погода и мрачные мысли не располагали к прогулке. Бессонная ночь, обострившая до предела неизвестность по поводу состояния Джамили, привела его в состояние непрерывной дрожи. И хотя в камере было довольно тепло,

это состояние не покидало Анатолия, несмотря на интенсивную утреннюю зарядку. И первой его мыслью было отказаться от прогулки. Но желание хоть как-то развеяться, временно избавиться от гнетущего одиночества и тяжелых мыслей взяло верх. Натянув на себя когда-то подаренный тещей свитер самодельной вязки и теплую куртку, Анатолий оказался в прогулочном дворе.

Стремясь избавиться от все еще одолевавшей его дрожи, он быстрым шагом ходил в своем секторе, надеясь таким образом разогреться, снять нервную дрожь и хоть немного прийти в себя. Почувствовав, что дрожь немного унялась, он обратил внимание на соседний сектор, в котором, отбившись от кучки нарочито медленно прогуливавшихся арестантов, в стороне от них, легко одетый долговязый Ворон исходил громким кашлем. Его угловатые плечи разом резко поднимались вверх и заметно медленнее опускались вниз одновременно с громкими, лающими звуками кашля.

* * *

Очевидно, давала о себе знать вторая подряд бессонная ночь. Непривычно тяжелая голова, ноги и руки, гудящее тело как будто свидетельствовали о приближающемся заболевании. Обычно так начинался у Анатолия грипп. С другой стороны, он понимал, что проведенные в тревоге за жизнь Джамили две бессонные ночи не могли пройти бесследно. Настроение было подавленным. А отношение к окончанию судебного процесса – необычно для него – безразличным.

По пути в суд в крытой конвойной машине у него лишь однажды промелькнула мысль, касающаяся сегодняшнего рассмотрения его дела. В одном из учебников по уголовному праву говорилось о том, что задержание вооруженного преступника приравнивается к необходимой обороне. I» связи с этим суд может перейти на другую статью уголовного кодекса и определить ему меру ответственности за превышение пределов необходимой обороны. В этом случае статья об умышленном убийстве будет заменена другой, более мягкой. Остальное – без изменений. Ведь почти годичное его пребывание под арестом должно как-то быть оправдано. А коль так, значит, сидеть ему в колонии столько, сколько определит суд.

С этими мыслями он и зашел за барьер. Не успев сесть на отве-

денное ему место, услышал:

– Встать! Суд идет!

– Оглашается определение суда!

«Почему не приговор?» – подумал Анатолий, и на него вновь накатило полнейшее безразличие, как будто речь шла вовсе не о нем.

До сознания Борисова, словно разрывая его мысли о жене, докатывались лишь обрывки отдельных фраз, произносимых судьей. Она говорила о поверхностно проведенном расследовании, в подтверждение этого приводила целый ряд факторов, казавшихся Анатолию столь незначительными теперь, и только конец одной фразы заставил его вздрогнуть,, когда до его слуха донеслось:

– Суд считает, что следствие пошло на поводу у друзей потерпевшего, не доверяя показаниям Борисова...

Анатолий бросил встревоженный взгляд на адвоката, и тот, как бы в подтверждение услышанного, ободряюще кивнул ему головой. Пожалуй, за все время их общения Анатолий впервые увидел на лице адвоката нечто напоминающее улыбку.

Едва почувствовав вновь интерес к делу, Анатолий тут же ушел мыслями в другие свои дела, связанные с тем, что происходило там, в больнице, где лежала Джамиля.

И вдруг до его сознания четко дошла фраза, произнесенная судьей несколько громче других:

– Суд считает, что следствие обязано еще раз обстоятельно разобратся и дать ответ на ранее и ныне поставленные вопросы. Проведение дополнительного расследования при этом должно быть поручено другим лицам.

Первой реакцией Варисова на это было: «Ну вот, снова исследование... Пожалуй, плохой конец лучше всякой неопределенности». Но судья продолжала:

– Учитывая крайне тяжелые семейные обстоятельства Борисова, связанные с внезапной смертью его жены и нахождением на его иждивении малолетнего ребенка, а так- же исключительно положительную характеристику подсудимого с места работы, суд определил: уголовное дело в отношении Борисова направить на дополнительное расследование прокурору города Нежинска, а меру пресечения – содержание под стражей – изменить на подписку о невыезде.

О чем говорилось дальше в определении суда, Анатолий - уже

не слышал. После дошедшей до его сознания фразы о внезапной смерти его жены он лишь почувствовал, как судебный зал вместе с находившимися в нем людьми резко качнулся сначала в одну, затем в другую сторону.

На полу рядом со скамьей подсудимых он пришел в себя от резкого запаха не то эфира, не то нашатырного спирта и легкого похлопывания по щекам. Увидел наклонившееся над ним лицо незнакомой женщины в белом халате, беспокойство в глазах милиционеров-конвоиров, смотревших на него через барьер скамьи подсудимых. В медленно возвращавшемся к нему сознании на какое-то время он ощутил полнейший беспорядок.

«Что со мной, где я, почему рядом эти незнакомые люди? Как я здесь оказался? И что, наконец, вообще произошло?»

В постепенно прояснявшемся сознании пока еще туманно возникла предшествующая случившемуся картина. И вот острой болью отдалось в голове: «Джамили больше 3 нет...»

Сопутствующие подобным ситуациям формальности в суде и следственном изоляторе заняли не так много времени.

Освобождение, обернувшееся для Борисова столь тяжелой утратой, не принесло ему ни радости, ни облегчения. С тяжелыми мыслями он трясся в рейсовом автобусе, едущем в Советский. Очень хотелось увидеть Наташку, наверняка выросшую и изменившуюся за последний год. И в то же время он не чувствовал себя готовым к встрече с ней. О себе, помня то, как Джамиля объясняла дочери его долгое отсутствие, он может сказать, что бандит, которого он искал, пойман, теперь ее отец будет с ней.

А что ответить на вопрос, где мать, он никак не мог придумать. И мысли его всю дорогу были заняты предстоящим объяснением с дочерью. Она наверняка сейчас в доме родителей Джамили. Отношения с ними тоже были не из простых. Еще до женитьбы Анатолий не пришелся им по душе. И не по каким-нибудь личным или душевным, качествам. Главную роль сыграла его работа. Как и многим другим родителям, им казалось, что их дочь заслуживает другой участи, нежели быть женой милиционера. И преодолеть их предвзятость в отношении к себе стоило немалых усилий.

После скромной свадьбы отношение родителей к Анатолию несколько улучшилось. Может быть, потому, что на следующий день они уехали в Нежинск и в доме родителей бывали довольно редко. Так продолжалось до появления на свет Наташки. Позже,

когда Анатолий, поступив в заочную школу милиции, уезжал на сессии, Джамиля с дочерью приезжала к родителям каждую субботу. Старики привязались к внучке и настаивали на переводе Борисова в Советский. В конце концов по их просьбам они и оказались там.

Чтобы их отношения не ухудшились, до получения собственного жилья по настоянию Анатолия жили отдельно, на частной квартире. В доме родителей бывали довольно часто. Их там всегда ждали и, казалось, искренне радовались каждому приходу. И все-таки, памятуя о прошлом, в доме родителей жены Анатолий чувствовал себя всегда скованно, следил за каждым своим словом, взглядом и жестом, чтобы ненароком не обидеть кого-то из них. Теперь он трудно представлял себе свое появление в их доме. Что оно вызовет? Упреки, ругань в присутствии Наташки? А может быть, скрытое или явное огорчение по поводу того, что он стоит перед ними живой и невредимый, а из-за него погибла их дочь?

Сложные мысли теснились в голове Анатолия, появляясь и исчезая, вытесняя друг друга. Размышляя на ходу о событиях последних дней, он не заметил, как оказался у кладбищенских ворот в Советском. Короткий зимний день близился к концу. И, поняв это, Анатолий подумал было, что в наступающей темноте будет трудно отыскать могилу жены. Однако, выйдя на территорию заснеженного кладбища, он по следам людей довольно быстро нашел два расположенных рядом холмика свежевырытой земли. На одном из них, покрытом хвойными и из неживых цветов венками, стоял временный памятник с фотографией Джамили. До боли родное лицо, тронутое улыбкой... так шедшая ей светлая кофточка. С фотографии на него смотрели ее широко открытые, большие, самые родные глаза...

Потеряв счет времени, он долго стоял у могилы, пока не почувствовал, что почти окаменел от холода и тяжелых, отупляющих мыслей, в конечном счете сходящихся к одному: как быть дальше?

С тяжелым сердцем он подходил к дому родителей Джамили, так и не придумав для Наташки никакого объяснения.

Едва раздался его звонок, дверь тут же открыл отец Джамили. На заметно осунувшемся и постаревшем лице, сплошь покрытом седой щетиной, наряду с выражением глубокой скорби, появи-

лось нескрываемое удивление.

– Откуда ты, Толя?

– Вот... отпустили...

Услышав их разговор, из дальней комнаты, уже не коверкая, как прежде, слова, звенел колокольчиком Наташкин голосок:

– Дедушка, а кто к нам пришел? – И тут же послышался топот ножек.

– Ой, папочка, миленький, ты приехал? – с этими словами она бросилась на шею нагнувшемуся к ней отцу, с силой прижала его к себе ручонками и заворковала: – А мамочка уехала в институт надолго, сдавать экзамены, и не сказала, когда приедет. А ты теперь будешь дома долго-долго? И мы пойдем с тобой в парк кататься на каруселях? И будем ходить каждый-каждый день, пока не надоест? А куклу Машеньку мы возьмем с собой? А, папочка? А где мы с тобой будем жить? Дома или у бабушки с дедушкой?

Крепко прижимая ее к себе, Анатолий изо всех сил старался, чтобы дочь не увидела его лица и глаз. Не раздеваясь, он еще какое-то время удерживал ее на руках. Но она, уже вырываясь, кричала своим по-детски восторженным голосом в глубь дома:

– Бабушка-бабуленька, папа приехал! Как хорошо-то!

– Ладно, беги к бабушке, – тихо вымолвил Анатолий и выпустил ее из своих объятий.

Когда Наташа исчезла в глубине дома, тесть с глазами, полными слез, еле сдерживая себя и запинаясь от этого, попросил:

– Поживи пока у нас, Толя. Мать-то наша совсем плохо себя чувствует. Со дня похорон почти не поднимается..

Давление сильно подскочило. Видно, дают себя знать прожитые годы. Не уходи, а?

Не ответив, едва раздевшись, Анатолий прошел в комнату, где на широкой кровати в окружении множества подушек лежала мать Джамилы. Первое, что заметил Анатолий, были глаза, полные невыразимой тоски и слез, которых она, кажется, не замечала, и они бесшумно скатывались по ее отекившим щекам. Возле нее, примостившись на краешке кровати, сидела теперь уже притихшая Наташка и ласково поглаживала лежавшую поверх одеяла бабушкину руку.

– Не плачь, бабуленька! Ты скоро поправишься, и мы с папой возьмем тебя кататься с нами на каруселях. А когда приедет мама, мы будем кататься на них каждый-каждый день!

Сказав это, Наташка вопросительно посмотрела на отца, словно прося у него подтверждения своим словам.

Присев около кровати на стул, Анатолий взял к себе на руки неожиданно притихшую дочь, и, не проронив ни слова, они еще долго сидели рядом с матерью Джамили.

Утром Анатолий отправился в райотдел. Увидевшие его сотрудники удивились. Но никто из них не проронил ни слова. Ограничившись общим «Здравствуйте», он прошел наверх и постучал в дверь кабинета начальника. Услышав знакомое: «Войдите», переступил порог кабинета, в который не заходил почти год. С того времени в нем ничего не изменилось. Увидев вопросительный взгляд начальника, понял, что тот ждет от него доклада о причине своего появления. И... замешкался.

Ни в одном из прочитанных им за свою жизнь воинских и милицейских уставов не было сказано, как докладывать своему начальству офицеру, прибывшему из тюрьмы... Тем не менее в положении «смирно» тихо отрапортовал:

– Старший лейтенант Борисов. Здравия желаю. Разрешите обратиться?

– Здравствуй, Борисов. Садись и обращайся!

– Какова моя дальнейшая судьба? Вы не могли бы сказать мне – уволен я или нет? Приступать к работе или получать обходной лист? Словом, что делать? Но прежде я хотел бы поблагодарить вас и всех товарищей, которые не оставили в беде родителей моей жены и дочь, когда нашу семью постигло несчастье.

– Благодарность принимается. Ты еще состоишь в кадрах райотдела. Приказа о твоём увольнении, насколько мне известно, нет. Ты должен приступать к работе. А вот где и в качестве кого – давай справимся в отделе кадров управления.

С этими словами Дудаев снял трубку телефона и через минуту разговаривал с заместителем начальника управления по кадрам:

– Докладывает начальник Советского райотдела майор Дудаев. Ко мне прибыл Борисов. Да-да, тот самый, спрашивает разрешения приступить к работе. Как быть с ним?

На противоположном конце провода ответили:

– Пусть приступает к работе на месте. Дальше – посмотрим.

– Ясно. Спасибо. Ну вот, Борисов, говорят, что ты должен приступать к работе здесь. Твоя должность вакантна. Временно твои дела вел капитан Егоров. Иди к нему, знакомься с тем, что нако-

пилось за твое отсутствие, и помогай расчищать завалы. А дальше будет видно.

Об освобождении Борисова из-под стражи и направлении дела на следующее, второе по счету, следствие Кудрявцеву было доложено сразу же по окончании процесса. Об одном лишь умолчал Шарапов: как стало плохо Анатолию после того, как узнал в суде о внезапной смерти жены.

– Пока в отделе кадров найдут место для него, пусть служит в Советском. А потом его оттуда необходимо перевести. И чем быстрее, тем лучше. Не дадут ему там спокойно работать.

– Да, – подтвердил Шарапов, – один папаша чего стоит, да если еще братья появятся после отбытия наказания... По большому счету они вряд ли на что-то решатся, а по мелочам, вроде анонимок, будут пакостить да трепать нервы.

– Может быть, и так, – согласился генерал и тут же отдал распоряжение о переводе Борисова в другой райотдел.

Тем временем в областной прокуратуре распекали помощника прокурора города за допущенные им ошибки при поддержании обвинения против Борисова. Первым вступил в дело прокурор области Стадник:

– Я вас предупреждал, товарищ Колпашев, об особом внимании к делу Борисова. Последний разговор у нас был накануне процесса. Вы обещали сделать все возможное для того, чтобы суд вынес обвинительный приговор. А что получилось на самом деле? Обвинителем направили малоопытного человека, плохо знающего дело. И вот вам – пожалуйста! Почему как следует не проинструктировали его? А кто из вас разговаривал с судьей перед процессом? Кто предварительно интересовался позицией суда по делу? Почему не привлекли тех, кто мог повлиять на судью, в конце концов, убедить его принять решение, по крайней мере, оправдывающее почти годичное пребывание арестованного под стражей? Наконец, кто будет отвечать за это беззаконие? Теперь об этом говорю я без всяких сомнений. Да-да, беззаконие!

Прокурор еще некоторое время распекал собравшихся своим раскатистым басом. Затем, показалось, иссяк и потребовал отчета у присутствующих.

Первым поднялся Колпашев. Старый хитрец, он задолго до этого почувствовал, что дело может принять такой оборот. И после первого направления его на следствие под любым пред-

логом уклонялся от участия в расследовании, заранее готовя себе позиции для собственного оправдания и сваливания вины на подчиненных. Умалчивая и сейчас о письме-заявлении Светки Фирсовой, он тихо мямлил:

– Вот, передоверялся Жилину, все-таки опытный работник, длительное время расследовал сложные дела. Текучка захлестывает. Полагал, что он справится самостоятельно. И, как показал процесс, ошибся. Но все-таки считаю, что необходимо срочно готовить протест на определение народного суда в областной суд.

– Знаем ваши протесты, этими тропами уже ходили. И пришли к тому, от чего ушли. Кстати, я просил вас и Жилина выяснить и доложить мне, уволен ли Борисов? В этом случае мы могли бы прекратить дело против него за изменением обстановки, но с составом преступления.

– Навели справки неофициально, так сказать, – вступил в разговор Жилин. – Начальник управления категорически отказывается подписывать такой приказ, заявляя, что он будет издан только после вступления приговора в законную силу, так сказать.

– Вот именно, после вступления в законную силу, а пока – только беззаконие. И будет ли эта сила – неизвестно, – рокотал Стадник.

Указав срок подготовки очередного протеста на определение суда, Стадник отпустил подчиненных и набрал номер телефона Кудрявцева:

– Как живет милиция, которая всех нас бережет?

– В заботах и тревогах о тех, чей покой она охраняет, – подыграл ему генерал.

– Василий Алексеевич, а как ты отнесешься к прекращению дела против вашего Борисова?

Кудрявцев чувствовал, куда клонит облпрокурор, но, продолжая игру, ответил:

– Конечно же положительно.

– Мы вот сейчас только обсуждали дальнейшую перспективу по этому делу. Задал я грандиозную трепку своим за то, что прощляпили. Теперь вот всех разогнал и решил поговорить с тобой без свидетелей, откровенно. Беда же у парня стряслась еще одна. Да она ведь, беда-то, в одиночку и не ходит. Так, может быть, прекратим дело по статье шестой?

Теперь Кудрявцев твердо знал, что последует за этим вопро-

сом. Но решил сыграть простачка до конца:

– А в чем, собственно, изменилась обстановка, и почему действия офицера перестали быть общественно опасными?

– Так он же уволен.

– Нет, не уволен. И делать этого мы не собираемся до окончательного вывода суда.

– Разве?

– Да, именно так.

– Жаль, а я было уже собрался готовить указание в город о прекращении дела...

Обескураженный Стадник, не попрощавшись, положил трубку.

Кудрявцев расценил его звонок как разведку. Прокурору хотелось, оказавшись в непростой ситуации, иметь маневр, а точнее, варианты выбора: при удовлетворении протеста на определение суда попытаться еще раз направить дело в суд, а в случае отказа – прекратить его по той самой статье, о которой упоминал прокурор. В этом случае промахнувшимся следователям ничто не грозило бы. Но для этого им нужен был уволенный Борисов. Кудрявцев не видел необходимости в этом и раньше. Теперь же, после повторного направления дела Борисова на доследование, он все больше уверовал в правильность принятого им год назад решения – не увольнять офицера.

Сейчас, размышляя над событиями сегодняшнего дня, он еще раз убедился в том, что опыт, даже если он оказался горьким, всегда остается опытом, из которого должен быть извлечен урок. И он был им извлечен в далекой молодости. Тогда поступило представление прокуратуры о нарушении законности оперуполномоченным Гришиным. Доброжелатели из этого ведомства намекнули, что в случае увольнения его из органов уголовное преследование против него будет прекращено. Принесший эту весть не в меру усердный кадровик, вынося заключение, явно натянул на увольнение. Начальство утвердило заключение, и копия его была направлена прокурору. В дальнейшем дело обернулось таким образом. Гришина осудили на пять лет лишения свободы, и в основу его обвинения было положено то самое натянутое содержание заключения милиции. Не будь его, возможно, не было бы и уголовного дела. Защитить Гришина не удалось. А наиболее рьяные защитники, в том числе и Кудрявцев, были очень строго наказаны.

Сейчас возникла близкая к той ситуация. Время сделало свое дело. Кудрявцев стал мудрее. И, вспомнив тот случай теперь, он окончательно убедился в своей правоте. Увольнять Борисова не следовало до вступления обвинительного приговора в законную силу. В этом он твердо еще раз убедился сегодня.

* * *

Заменявший Анатолия Егоров по делам службы ранним утром выехал в какое-то село. В ожидании его Борисов слонялся по отделу. Не желая отвлекать от дел немногочисленных сотрудников, находившихся в райотделе, он зашел в Ленинскую комнату. Прочитал все заметки в стенгазете, выпуск которой был приурочен к ноябрьским праздникам и Дню милиции. Скользнул взглядом по стенам. И, к своему удивлению, заметил, что его фотография по-прежнему находится на Доске отличников. «Интересно, чем это вызвано? Скорее всего, неразворотливостью замполита. Не мог же я, сидя в тюрьме, оказаться навечно зачисленным в списки сотрудников РОВД. Разумеется, это не тот подвиг», – с горечью подумал он.

Незадолго до обеда, когда он в очередной раз потянул ручку по-прежнему запертой двери кабинета Егорова, его окликнул замполит Косарев:

– Зайди, Анатолий. – И, распахнув дверь своего кабинета, пропустил его вперед, предложил сесть.

– Спасибо за помощь в похоронах, – едва сев на стул, произнес Анатолий.

– К начальнику заходил? Что он сказал по поводу службы?

– «Иди помогай Егорову расчищать завалы». А Егорова с утра нет, выехал куда-то. Вот и брожу по коридорам в ожидании его. Можно сказать, бездельничаю.

– После обеда он должен быть на месте. А как дочь, старики?

– Дочь чувствует себя нормально. Считает, что мама уехала сдавать экзамены. А вот старики значительно хуже.

– Ты сам-то держись, Анатолий...

Какое-то время они сидели молча. Каждый из них думал о постигших Борисова и его семью несчастьях на свой лад. Почувствовав затянувшуюся паузу, Анатолий поднялся и со словами «Разрешите идти» вышел из кабинета.

Егоров не появился до конца работы. И, наверное, впервые

за всю свою службу в розыске Анатолий ушел с работы ровно в шесть. Его весь день неудержимо тянуло домой. И хотя знал, что там его никто не ждет, все-таки захотелось переступить родной порог, вдохнуть в себя привычные запахи, просто посмотреть, что делается в опустевшей вдруг квартире, потрогать вещи, которых еще недавно касались руки Джамили...

Анатолий долго стоял у дверей, затем медленно повернул ключ в замочной скважине. Внимание привлекла лежавшая на письменном столе папка, которой раньше у них в доме не было.

Открыв ее, он увидел листы бумаги, исписанные рукой Джамили. Здесь были по несколько раз переписанные заявления в прокуратуру Нежинска и области. В каждом из них жена наивно, на уровне эмоций, доказывала, что ее муж не может быть преступником. Расписывала его добродетели: работоспособность, человечность, преданность работе и разные другие положительные качества. Среди обнаруженных бумаг оказались также черновики ее писем в МВД СССР и прокуратуру республики.

Любопытными показались Анатолию и некоторые ответы. В одном из них, адресованном Джамиле, сообщалось: «Ваша жалоба в прокуратуре республики рассмотрена. Проверка изложенных в ней доводов поручена и. о. прокурора области Куликову Б. Х., при этом даны соответствующие указания, а также предложено о результатах Вас известить. Исполнение контролируется». Далее следовала подпись: «Прокурор отдела советник юстиции В. И. Гончаренко».

Судя по датам, десятью днями позже Джамили получила ответ облпрокуратуры, подписанный Б. Х. Куликовым: «Ваше заявление рассмотрено прокуратурой области. В удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечения отказано с учетом тяжести совершенного Борисовым преступления, о чем Вам сообщалось ранее».

«Наивная душа, она рассчитывала, что по первому ее зову прилетят суперследователи и объективно расследуют дело, а меня тут же освободят. Вместо этого получила через десять дней отписку, о чем ей уже «сообщалось ранее». Это ведомство блюдет честь мундира. И бьются за это насмерть. Испытано», – думал он с горькой иронией.

Почувствовав противную горечь во рту, заметил гору окурков в пепельнице и только после этого сообразил, что комната полна

табачного дыма. Спохватившись, распахнул настежь форточку и, к своему удивлению, отметил, что стрелки часов показывают три часа ночи.

VI

Борисов А. Б. ...обвиняется в том, что, работая старшим оперуполномоченным уголовного розыска, 24 ноября 1984 года, около 15 часов, в Нежинске, на территории противотуберкулезного диспансера, при задержании Энверова М. З., находящегося в розыске за совершенное преступление, в нарушение оснований и порядка применения оружия, в общественном месте, с целью умышленного убийства Энверова из-за неисполнения им законного требования остановиться, прицельным выстрелом из табельного оружия причинил ему сквозное огнестрельное ранение с повреждением внутренних органов, в результате чего Энверов скончался, т. е. Борисов А. Б. совершил умышленное убийство, превышение власти и служебных полномочий, причинив существенный вред охраняемым законом правам и интересам гражданина...

Следователь прокуратуры Пронского района Рязанской области юрист 2 класса

С. В. Вертелев Прокурор-криминалист облпрокуратуры старший советник юстиции

Н. Л. Самохвалов

(Из обвинительного заключения)

Рязанцы появились в Нежинске ранней весной. Следователь райпрокуратуры Семен Вертелев, не так давно вступивший на стезю правоохранительной деятельности, и многоопытный прокурор-криминалист областной прокуратуры Никита Леонтьевич Самохвалов. Друг от друга их отличал не только возраст. Различными были их судьбы, характер, отношение к делу и людям, опыт.

Еще недавний студент юрфака, Вертелев отличался присущей молодости категоричностью суждений, нередко горячился, забегал вперед, часто не по делу вступал в споры со своим коллегой, был склонен к скоропалительным выводам. Однако он отличался большой работоспособностью и, что называется, вьедливостью, докапываясь по порученным ему делам до самого-самого.

Никита Леонтьевич, окончив юридический институт вскоре

после войны, за свою жизнь немало повидал, не раз оказывался в сложных служебных ситуациях, испытал взлеты и падения. Сумел поработать в милиции и прокуратуре. Заработав прокурорскую пенсию, продолжал работать прокурором-криминалистом областной прокуратуры. Его немалый опыт прокурорско-следственной работы в полной мере использовался молодыми. О работе в милиции вспоминал изредка и вскользь. По слухам, ходившим в прокуратуре, ушел оттуда не по своей воле. И то ли по этой, то ли какой другой причине с особым усердием расследовал дела, по которым проходили милиционеры.

Особенности каждого из них и учитывал прокурор Рязанской области, включая их в одну следственную группу по делу Борисова, порученному к расследованию прокуратурой республики.

Наставляя их накануне отъезда в Нежинск, он не преминул напомнить им об особом значении дела и доверии прокуратуры республики. Туманно намекнул на оказываемое кем-то давление по этому делу. В результате оба поняли, что итогом их расследования должен быть обвинительный приговор. В конце разговора прокурор, как бы между прочим, заключил:

– Есть мнение, что объективному расследованию этого дела мешают. **И** не только сам обвиняемый. Но и некоторые его товарищи по службе. Поэтому работа предстоит сложная. Детали уточните на месте.

Сейчас, находясь в кабинете Стадника, они докладывали ему о своем прибытии в Нежинск, обсуждали вопрос о том, где лучше расположиться для работы, как бы мимоходом поинтересовались, где лучше кормят.

Ожидавший их в приемной прокурора области Жилин уже побеспокоился о местах в гостинице, и сейчас, нетерпеливо поглядывая на висевшие на стене часы, по обыкновению потирал руки, стараясь скрыть свое волнение. Основания для этого у него имелись. Он прекрасно понимал, что теперь его судьба в значительной мере зависит от этих людей, и, в силу присущего ему стремления услужить начальству, достаточно посуетился, чтобы номера в гостинице были одноместные, светлые, с телефонами и иными удобствами. Настоял, чтобы в каждом номере было по холодильнику. Перед тем как выехать для встречи гостей в аэропорт, заехал в гостиницу, проверил, все ли сделано так, как он считал нужным. Посмотрев на пристроенный в углу, номера, предназна-

ченного для Самохвалова, холодильник «Морозко», подумал, что неплохо бы его заполнить чем-нибудь съестным, а может быть, и бутылочку- другую легкого винца поставить. Но тут же отбросил эту мысль. Борьба с пьянством и алкоголизмом как раз набирала силу. И теперь уже в силу внутренне присущей ему перестраховки во всем, что он делал в своей жизни, напрочь отказался от этой мысли, показавшейся ему сейчас крайне крамольной.

По прибытии московского рейса Жилин сквозь толстые стекла очков внимательно вглядывался в лица прилетевших в Нежинск, пытаясь в потоке пассажиров узнать тех, кого он встречал. Из этого у него ничего не получилось. И он переживал, что сегодня не счел возможным надеть свой засаленный прокурорский мундир. Вертелева и Самохвалова он заметил, когда они уже стояли у сиявшей на солнце черной машины прокурора области. Испытывая неудобство от нескладно сидевшего на нем нового костюма и туго накрахмаленного ворота сорочки, Иван Максимович засеменил к ним:

– Здравствуйте! Вот встречал вас, а оказалось, что вы уже здесь. С приездом, так сказать.

И, сунув каждому из них в руку поочередно свою ладонь лодочкой, услужливо распахнул дверцы автомобиля. Через двадцать минут они вошли в приемную Нежинского облпрокурора. И теперь около двух часов Жилин томился в ней, ожидая приглашения в кабинет или выхода гостей.

Наконец двери кабинета Стадника распахнулись, и Жилин вопросительно уставился на выходящих.

Приставленный к ним не столько в качестве гида для разъездов по городу, а скорее для выполнения разных поручений по делу, которое он знал досконально, Жилин, суется, предложил:

– Может, для начала отобедаем, а уж потом к делу, так сказать?

Возражений не последовало. И вскоре они втроем входили в зал одного из лучших ресторанов Нежинска. Жилин, считанные разы в своей жизни бывавший в подобных заведениях, чувствовал себя не в своей тарелке. Сидя за столом, он не знал, куда деть руки. Наконец спрятал их под стол и, озираясь по сторонам, пальцами нервно теребил край скатерти.

Официант положил перед ними меню в красочно оформленной обложке. Жилин, совсем разнервничавшись, с трудом прочитал перечень указанных в нем блюд. Не определившись в выборе,

передал его Самохвалову, тот – Вертелеву.

Жилин, посмотрев на гостей, запинаясь, произнес:

– Может, за знакомство, так сказать?

Вертелев, казалось, был готов принять его предложение, но Самохвалов категорически заявил:

– Не стоит!

После обеда, сидя в освобожденном специально для них самом просторном кабинете городской прокуратуры, рязанцы как бы нехотя перелистывали разбухшее уголовное дело Борисова. Время от времени каждый из них делал пометки на чистых листах бумаги. Через несколько дней, когда уголовное дело было основательно изучено, они приступили к составлению плана дополнительного расследования. На эту работу ушло немало времени. И теперь, находясь в кабинете Стадника, они докладывали ему свои соображения, изложенные на бумаге. Стадник, внимательно слушая их, не пытался комментировать то, о чем они поочередно говорили. Время от времени согласно кивая головой, он словно проверял свои версии по делу. И получалось так, что вроде бы он проверял самого себя. Во всяком случае резких расхождений своей точки зрения с рязанцами он не обнаружил.

Подводя итоги встрече, он миролюбиво заключил:

– Думаю, что избранный вами путь расследования в целом правильный. И заслуживает одобрения. Со своей стороны обещаю всяческую помощь и поддержку. Ну, а надзор – за прокурором Рязанской области. Тут я вам не помощник. Возникнет необходимость в дополнительных людях – Жилин всегда к вашим услугам. Материалы дела он знает прекрасно. Так что консультант вполне подходящий. Если нет вопросов, как говаривали в старину, за сим до свидания.

И он, крепко тряхнув каждому руку, распрощался с ними.

* * *

Дополнительное расследование началось.

Прежде чем передопросить всех людей, проходящих по делу, назначить необходимые экспертизы, провести повторные очные ставки, Самохвалов и Вертелев попросили встречи с Кудрявцевым.

Не видя в этом никакой необходимости, тот тем не менее ожидал их прихода в назначенное время.

После традиционных рукопожатий и приветствий генерал попросил принести чая. Разговор пошел о вещах, казалось бы, далеких от оснований, послуживших поводом для их встречи. При этом Вертелев в основном помалкивал, вел беседу Самохвалов. Начав с погоды и восторженных впечатлений от укрытого зеленью и благоухающего цветами Нежинска, он, как ему казалось, постепенно перешел к тому, чем была вызвана необходимость визита к начальнику УВД. Одной из целей визита следственной бригады было, если удастся, выяснить отношение генерала к случившемуся с Борисовым, узнать, не изменилась ли его точка зрения.

Слушая их, Кудрявцев внутренне готовил себя к вопросам, понимая, что визит следователей обусловлен отнюдь не их желанием поделиться своими впечатлениями о погоде, городе и условиях жизни.

И теперь Самохвалов, приближаясь к главному, уже вел разговор о состоянии общественного порядка в области. Из его слов было ясно, что он достаточно информирован по этим вопросам. Генералу оставалось в чем-то с ним согласиться или нет. Но он лишь изредка вставлял в непрерывным потоком льющуюся речь криминалиста свои краткие реплики.

Вероятно, стремясь как можно лучше расположить к себе начальника управления, Никита Леонтьевич не преминул как бы мимоходом упомянуть, что в свое время он работал в милиции и, воспользовавшись очередным сокращением штатов, ушел без особого сожаления в прокуратуру. Посчитав, что этой информацией он окончательно завоевал не только его расположение, но и доверие, открыто спросил:

– Как руководство УВД оценивает случившееся с Борисовым?

Немного помолчав, обдумывая ответ, Кудрявцев сказал:

– Оценка этому случаю дана в выводах служебного расследования. Эти материалы нами были переданы в прокуратуру для общения к уголовному делу. Оснований для ее пересмотра нет.

– Да-да, мы знакомы с материалами и выводами служебного расследования, хотя не полностью их разделяем и будем проверять в ходе дополнительного расследования.

– Это – право, пожалуй, даже обязанность следствия.

– Разумеется. А что бы вы могли сказать об отношении сотрудников к делу Борисова, его ближайшего окружения?

– Ближайшее окружение Борисова мне неизвестно. Но политотдел докладывал, что после его ареста среди работников уголовного розыска возникли нездоровые настроения: люди не хотели получать оружие из-за опасения в случае его законного применения оказаться за тюремной решеткой. Пришлось серьезно поработать, чтобы преодолеть эти настроения.

– Кстати, где сейчас находится пистолет, из которого стрелял тогда Борисов?

– Об этом можно получить справки в службе вооружения. Уверен, что он в наличии. И по требованию следствия будет предоставлен.

– И последний вопрос: почему Борисов до сих пор не уволен?

– К этому нет достаточных оснований.

Размышляя над мотивами визита следователей, Кудрявцев решил, что их последний вопрос ему был задан наверняка по просьбе Стадника. «Значит, прокуратура не очень-то уверена в благоприятном для них исходе расследования. Ну что ж, время покажет».

Тем временем Самохвалов и Вертелев подводили итоги состоявшейся встречи. Начатый ими в прокуратуре разговор продолжался и в гостинице, в номере Самохвалова. Когда он с присущей ему рассудительностью заканчивал обмен мнениями, стрелки часов показывали полночь.

– Вот что, Сергей! Генерал, конечно, не из простаков. И тверд в своем решении в части выводов служебного расследования. Они, конечно, нас не очень связывают в принятии собственного решения по делу. Но их необходимо опровергнуть. Иначе – это пища для адвоката. С этим нельзя не считаться. Над этим нужно крепко думать. И, пожалуй, в первую очередь. Ну да утро вечера мудренее. До завтра!

* * *

Приказ о переводе Анатолия в Заречный райотдел Нежинска поступил неожиданно быстро.

После почти годичного пребывания в следственном изоляторе и вынужденного безделья, он медленно втягивался в работу. Тяжесть незавершенного расследования в отношении его давила на психику. На улице в Советском его сопровождали недвусмысленные взгляды не только постоянной клиентуры милиции, но и

других, порядочных людей, недоумевающих, почему еще недавно сидевший в тюрьме бывший милиционер (а там зазря никого не держат), вдруг оказался не только на свободе, но и при своем, милицейском, деле. Ползли нелепые слухи. Другие, наслышанные о гибели Джамили, втайне или открыто сопереживали ему. И он это остро ощущал, порой чувствовал, что называется, спиной. Особенно когда, забрав из детсада Наташку и держа ее за ручонку, в поисках продуктов вместе с ней совершал ставший традиционным вечерний обход магазинов. Теперь у него почти не было возможности вечерами дольше положенного времени задерживаться на работе.

На работе Анатолия встретили с сочувствием. Его арест и прекращенное еще расследование дела считали не просто недоумением, а вопиющей несправедливостью, и не только в отношении одного человека, а всего уголовного розыска. Некоторым из сотрудников удалось урывками послушать в суде показания свидетелей, и, когда они при обсуждении складывались в единое целое, вина Анатолия, его арест и проходящий судебный процесс над ним казались не более чем абсурдными. И теперь большинство его сослуживцев, понимая, что обвинение трещит, тихо радовались этому и переживали гибель Джамили.

Анатолию поручили обслуживать другой участок, расположенный в центре поселка, ближе к дому. Те, кто работал на соседних участках, всячески старались ему помогать. Особенно немногословный участковый Сидоров. Происшествий на участке, к счастью, почти не было. Когда был раскурочен телефон-автомат на здании райпочты, Сидоров через пару часов привел за руку зарезанного мальчишку, размазывающего грязными руками по лицу еще непросохшие слезы, с полными карманами двухкопеечных монет, и, передав дежурному, как бы невзначай заглянул в кабинет Анатолия:

– Ты... это, как его... держись! А пацан уже в дежурной части, с ним разберутся.

* * *

Дополнительное расследование набирало обороты. Повторные назначения экспертиз, допросы, очные ставки следовали друг за другом. Рязанцы знали дело и умели работать с напряжением, допоздна. Крутившийся постоянно около них Жилин под-

черкнуто старательно выполнял любое их поручение, оставаясь в тени. И хотя по закону он не должен был принимать участие в этом деле, все» включая Стадника, относились к его подчеркнутой старательности с молчаливым одобрением и даже заметным для других поощрением.

Иван Максимыч только успевал обеспечивать явку свидетелей, отыскивать их показания в прежних томах, на клочках бумаги делать пометки о якобы допущенных им прежде упущениях, дабы восполнить их при этом расследовании, постоянно куда-то звонил, уточнял адреса, добывал портативный магнитофон, заботился, чтобы вовремя подали машину, сопровождал своих, как ему казалось, спасителей в поездках по городу и колониям, в которых отбывали наказание основные свидетели по борисовскому делу. Когда дело Борисова вторично было направлено на доследование и в связи с этим Стадник проводил совещание, он еще в его кабинете тогда понял, что все причастные к расследованию вышестоящие прокуроры остаются в стороне, а ответ в случае очередного провала дела в суде придется держать ему. Теперь он старался изо всех сил, предпринимая огромные, порой, казалось, совсем не по его плечу, усилия, чтобы вытащить дело.

И сейчас, когда обсуждались детали предстоящих допросов сотрудников УВД, проводивших служебное расследование, он, исчерпав иные аргументы, убеждал рязанцев в необходимости их резкого, с нажимом допроса.

– Как следует с ними, как следует, так сказать! Без излишних церемоний! Эти-то, из розыска, покрепче орешки, так сказать. А вот Тараканов этот, хоть работал в розыске, но давно уже из этой команды выбыл, так сказать., Да и характер у него помягче. Его бы первым по- допрашивать. Если он признает, что оружие применено неправомерно, то и с остальными будет легче. А потом есть еще один эпизодик.

– Какой, интересно узнать? – не удержался горячий по молодости лет Вертелев.

– Ну, это уже несколько из другой оперы, так сказать,– пытался уклониться Жилин.

– Выкладывай, Максимыч, – полубезразлично произнес Самохвалов.

– Да вот у меня есть одно объясненьице, случайно в столе на днях обнаружил. Ершов Руслан, один из начальников областно-

го угрозыска, его выдавил у одного из друзей убитого. Фамилия его Хомяков, так сказать. Не нашел я его, чтобы допросить. Да и хваленый розыск не сумел его найти, так сказать. А потом забылось-завалялось. Дело-то было железно доказано, а так документик занятый, так сказать. Особенно с позиций оказываемого влияния на добросовестных свидетелей обвинения, так сказать.

С этими словами Жилин услужливо протянул Самохвалову листок бумаги, исписанный корявым почерком и адресованный начальнику угрозыска УВД. В нем Хомяков собственноручно утверждал, что, находясь в тубдиспансере, был очевидцем происшедшего с Энверовым. Видел, как он, убегая, бросил в Борисова нож, а затем подобрал его и передал друзьям убитого. Ниже текста Хомяков по памяти, как умел, своей рукой нарисовал нож, проставил примерные размеры его лезвия и рукоятки. А затем написал: «Ручька каричневатого цвета, лезвие блистящее».

Первой реакцией Самохвалова были слова:

– Выходит, если Хомяков подтвердит свое объяснение на допросе, то Борисов почти правомерно применил оружие. Тогда в лучшем случае можно говорить только о превышении им пределов необходимой обороны. И никакого убийства и превышения власти не было. А с учетом того, что объяснение следствием долго утаивалось, есть над чем задуматься, Максимыч. И раздумья эти будут не в твою пользу.

Жилин почувствовал, как у него похолодели руки. Потирая их, он заговорил:

– Если все так, как вы, Никита Леонтьевич, говорите, то да, так сказать. Но есть, есть маленький нюансик. Если позволите. Позавчера я навел справки о Хомякове в колонии. Вор он закоренелый. И там ведет себя соответствующим образом. Сейчас за отказ от работы наказан десятью сутками штрафного изолятора. Не исключено, что Ершов заставил написать его это объяснение силой, так сказать. И он может дать такие показания. Это же не что иное, как оказание давления. Может быть, физического. А потом будут основания и для допроса Ершова. Содержание объяснения Хомякова известно адвокату Борисова. И надо полагать, от Ершова. А это не что иное, как разглашение данных предварительного следствия, если не фальсификация материалов. По крайней мере, попытка сделать это. Уже уголовщина. Докажем или нет – сейчас сказать трудно, но на этой основе Ершов может заговорить от-

кровенно, под страхом ответственности, так сказать... И все может встать на свое место.

Выслушав это, Самохвалов и Вертелев поначалу долго молчали, каждый обдумывал услышанное по-своему. Затем Самохвалов, взглянув на старомодные настольные часы, неожиданно для себя обнаружил, что рабочий день давно закончился. И со словами «Это требует обдумывания, а не сиюминутного решения» начал собирать со стола разложенные после обеда тома уголовного дела.

Решение по полученной от Жилина информации у Самохвалова созревало медленно. Пока он пытался осмыслить, что стояло за этим? Жилинское усердие или нечто другое? Нет, если бы он хотел? Хотя почему «хотел», он был просто обязан дать официальный ход этому объяснению, добиться, чтобы Хомяков был найден и допрошен по существу немедленно. Было ли задание милиции на его розыск? Если не было, то почему? Как Хомяков попал в руки Ершова, на каком основании он получил от него объяснение?

В то же время Самохвалов понимал, что, приобщив одно лишь объяснение Хомякова к делу и не допросив его, Жилин имел сто процентную гарантию получить дело на доследование еще раньше, чем это случилось. Значит, объяснение не просто «завалось-забылось». Оно было припрятано им умышленно.

И у Самохвалова возникло чувство неприязни к Жилину за столь грязную работу. С другой стороны, как утверждал Жилин, Хомякова могли принудить дать такое объяснение. И направление на доследование дела было бы в конечном счете неправильным. А это грозило бы Жилину определенными неприятностями.

Решение, как часто бывает, пришло внезапно.

* * *

К обеду Самохвалов и Вертелев уже допрашивали Хомякова в колонии. Они беседовали с ним битый час. И за это время глаза их ни разу не встретились. И хотя Хомяков был осужден уже в третий раз за кражу из квартиры через форточку, он упорно доказывал, что каждый раз его «ни за што» отправляли за решетку:

– И кто мне это ремесло придумал – «форточник»? Сроду этим делом не занимался. А вот мама уродила маленьким, и с тех пор пошло-поехало. Сколь помню себя – то «Хомяк», то «Форточник».

– Ну а где работал-то до этого? – полюбопытствовал Вертелев.
– Дак когда работать-то? – тяжело вздохнул он. – Не успел выйти, по новой замели. Отдохнуть-то путем даже не дали.

По материалам личного дела осужденного Хомякова значилось, что в очередной раз он был с поличным задержан проснувшимися хозяевами квартиры, когда часть наиболее ценных вещей уже успел выбросить через форточку на улицу. Однако комментировать это сейчас рязанцы не собирались, опасаясь утратить, как им казалось, установившийся с Хомяком психологический контакт. И когда Самохвалов, обратившись к нему по имени, сказал: «Ладно, Федор, давай поговорим о другом», он даже не понял, что обращение адресовано ему. И обоим следователям на миг показалось, что он действительно забыл свое имя.

Однако, услышав его, Хомяк насторожился. И, продолжая бегать глазками, казалось, ожидал, когда его имя повторят еще раз.

Словно уловив это, Вертелев повторил:

– Да, Федор, давай говорить о другом.

Когда он наконец, понял, чего от него хотят, заговорил:

– Заловил меня Шифоньер у входа в парк и притащил к себе, стал колотить. А на что мне колотиться? Я не при делах. Он мне свое, я ему свое. Потом стал мне намекать... Я ему и сказал, что Кукушкин нож подобрал, да нарисовал его. И отпустил он меня...

– Сейчас мы тебя допросим по этому делу. Что ты на это скажешь?

– Ничего не скажу. Сто лет мне ваши допросы не нужны. Остопыстили они мне.

– А по закону ты не можешь отказаться от показаний, не имеешь права, – настаивал Вертелев.

– Мое право в тюрьме сидеть. Если допросишь, мне срок никто не скостит. А вдруг скостишь? Тогда давай, пиши. А если нет, то не надо.

– А кого ты Шифоньером называешь?

– Дак есть мент такой. Русланом зовут. Здоровый, как шифоньер. Кликуха у него такая.

– А фамилия у него есть? .

– Дак я же говорю – Шифоньер, – уже явно разыгрывая их, продолжал Хомяк.

– Не бывает таких фамилий.

– Как хочешь, других не знаю.

Поломавшись, Хомяков показал, что соврал Ершову, опасаясь, что тот может зацепить его на каком-нибудь старом деле и посадить.

Вертелев задал последний, уточняющий вопрос:

– В чем конкретно выразалось проявленное по отношению к вам давление со стороны сотрудника угрозыска по имени Руслан?

– Да он грозился посадить меня, если не напишу про нож. А я не при делах... Кому за так сидеть охота?..

Когда рязанцы вышли из колонии, Вертелев, как бы подводя черту под разговором с Хомяковым, сказал:

– Хорошо, что не воспользовался магнитофоном, а то в суде переводчик потребовался бы. Так и шпарит по-блатному. Нормальным людям не понять.

* * *

Чертуганов, Туманов, Сарафанова, Алехина и Крестинский были допрошены рязанцами с применением магнитофона. Их показания-близнецы не очень-то нравились следователям. Тем не менее они готовились проводить с каждым из них очные ставки Борису. Их проведение задерживалось из-за того, что непозволительно долго затягивалось проведение судебно-баллистической экспертизы.

Повторно допрошенный Воронов пытался было вновь закрутить, что видел происшествие с балкона тубдиспансера. Пришлось его, изобличить во вранье и принять предварительное решение не включать в список лиц, подлежащих вызову в суд.

После этого были тщательно допрошены судебно-медицинский эксперт, следователь прокуратуры Арбузов, вслух обсуждалась возможность допроса Жилина. Затем Самохвалов и Вертелев рассчитывали передопросить всех, кто участвовал в проведении служебного расследования по линии Управления внутренних дел.

И только затем планировалось проведение допроса Борисова и очередных очных ставок ему с другими проходящими по делу лицами.

А пока было решено нанести главный удар дополнительного расследования по Ершову. Тщательно спланированный его допрос шел третий час.

Перед рязанцами сидел молодой, высокорослый, рано начавший полнеть Руслан. Увидев его переступившим порог кабинета,

Самохвалов и Вертелев только обменялись взглядами, означавшими их полное согласие с Хомяковым, столь точно прилепившим ему прозвище. Было ясно, что придумали его уголовники не от большой любви к человеку, доставлявшему преступному миру немало неприятностей. Коллеги же в противоположность уголовникам звали его Малыш. Вес его превышал сто килограммов. Был он немногословен, деловит и, как большинство великанов, добродушен, не лишен чувства юмора, трудолюбив и настойчив. Он мог часами допрашивать преступников, не повышая голоса, припирая их железной логикой своих рассуждений и имеющихся доказательств.

Но сегодня, оказавшись сам в роли допрашиваемого, он никак не мог понять смысл учиненного ему допроса, не видя в нем никакой логики, и это обстоятельство, казалось, вот-вот может вывести его из себя.

Непонятные вопросы вокруг да около почти целый час, затем запись ответов на них, занявшая почти такое же время, и только теперь разговор по существу.

Дополнительно к написанному в протоколе допроса Самохвалов, глядя на листы бумаги, формулировал вопросы, Вертелев старательно их записывал, затем зачитывал и, вопросительно глядя на Ершова, ждал его ответов.

– Итак, на основании чего вы получили объяснение от Хомякова по обстоятельствам убийства Энверова?

– На основании отдельного поручения городской прокуратуры о проведении оперативно-розыскных мер по розыску ножа и пистолета, которые якобы имелись у разыскиваемого Энверова.

Самохвалов и Вертелев, обменявшись вопросительными взглядами, продолжали:

– Каким образом в поле зрения угрозыска оказался Хомяков?

– По розыскным материалам, он находился в дружеских отношениях с Энверовым. Как мне помнится, в своем объяснении он подтвердил, что погибший имел при себе нож и бросал его в Борисова. Он даже нарисовал нож и указал его приблизительные размеры.

– Каким образом вам удалось добиться от Хомякова именно таких показаний?

Руслан начинал понимать, куда клонят рязанцы. Их вопросы вызывали у него смешанное чувство раздражения и недоумения.

– Обычным. Путем убеждения.

Демонстративно разглядывая его огромные ручки, рязанцы как будто бросились в атаку на Руслана:

– Какие методы насилия вы применяли по отношению*к Хомякову?

Перехватив их взгляды на своих руках, Руслан почти точно угадал вопрос. И, начиная злиться, решил ответить своим вопросом:

– И вы всерьез это говорите?

– Разумеется, не в шутку.

– Тогда позвольте еще один вопрос: вы видели Хомякова?

– Допустим.

– В таком случае прошу дословно записать мой ответ. Если бы я применил к нему насилие, – он многозначительно показал на сжатую в кулак руку, – вряд ли вам удалось бы теперь его увидеть. Кроме того, прошу отметить, что с детства ни разу не обидел никого слабее себя.

Руслан следил за рукой быстро записывающего его показания Вертелева, который дословно внес их в протокол и теперь ожидал, когда Самохвалов сформулирует очередной вопрос.

– Объясните, каким образом копия объяснения, полученного от Хомякова, оказалась в руках адвоката Борисова?

– Не знаю.

– Вам это обстоятельство не кажется разглашением тайны предварительного следствия?

– Может быть. Но без моего участия.

– А с чьим, позвольте спросить?

– Это должно установить следствие.

Руслан уже разозлился всерьез. И, подписав каждый свой ответ на поставленные ему вопросы, ушел из прокуратуры, с трудом выдавив из себя: «До свиданья».

* * *

Узнавший о результатах допроса Ершова Жилин клял, себя на чем свет стоит за то, что подsunул рязанцам объяснение Хомякова. Преподнесенная им идея припугнуть Руслана и получить от него показания относительно применения им запрещенных методов ведения следствия и разглашения его тайны явно провалилась. Рискуя окончательно утратить доверие коллег, он мучительно отыскивал вы ход из создавшегося положения. Главное,

чего он теперь опасался, состояло в том, что он вытащил на свет божий не известное никому раньше объяснение Хомякова. Да, была его копия у адвоката. И что из этого? Все вопросы и были бы адресованы ему. А как быть теперь? Он уже видел сердитое лицо играющего желваками Стадника, спрашивающего: «А скажите-ка, любезный, каким образом копия объяснения Хомякова оказалась в руках адвоката?» И сколько он ни пытался, не мог предсказать себе реакции облпрокурора на любой свой ответ.

С утра городская прокуратура напоминала корабельную палубу во время аврала. Вертелев с Самохваловым по третьему разу перелистывали многотомное дело Борисова, отыскивая поручение прокуратуры угрозыску УВД о проведении розыскных мероприятий с целью установления лиц, подтверждающих наличие ножа или пистолета у Кукушки или места их хранения. Странное дело: поручения и ответа на него в уголовном деле Борисова не было.

Колпашев, сбившись со счета, в который раз перелистывал изрядно разбухшее наблюдательное производство. И в нем не было никаких следов отдельного поручения.

Девочки из канцелярии, потеряв всякую надежду, старательно перелистывали переписку с райотделами и Управлением внутренних дел, и в этом многотомье отдельного поручения отыскать тоже не могли.

Перерыв все бумаги в своем сейфе, Жилин доложил Самохвалову, что копии поручения у него нет. Где оно находится, он сказать не может. Хотя помнит, что готовил его и направлял в УВД.

Дальнейшие поиски документа продолжались без него. Провал его идеи получить показания Хомякова о том, что Ершов применил к нему недозволенные методы ведения следствия и таким образом получил от него злополучное объяснение, не давал Жилину покоя. Он уже сомневался, что рязанцы все сделали как надо. Ему вообще казалось, что они слишком ровно, без нажима, как будто нехотя ведут расследование и в результате нередко утрачивают возможности доказывания. И, не сказав никому ни слова, он отправился в колонию, где содержался Хомяков, надеясь все-таки получить от него показания, необходимые, чтобы спасти от прекращения борисовское дело.

– Здравствуйте, Хомяков, – заискивающе миролюбиво приветствовал его Жилин.

– Здравсьте, гражданин начальник, – настороженно отвечал осужденный. И, сняв шапку, переминаясь с ноги на ногу, не решился пройти дальше порога.

– Проходите, садитесь.

Хомяк присел на краешек табуретки, исподлобья поглядывая на Жилина и широкоплечего оперуполномоченного Трошкина.

– Оставьте нас вдвоем, так сказать, – обратился к Трошкину Жилин.

Как только закрылась дверь, Жилин, приняв вид заговорщика, достал из кармана пачку дорогих сигарет и, подсовывая ее Хомякову, подчеркнуто вежливо спросил:

– Курите? Прошу закурить, так сказать.

Хомяк впервые встретился с Жилиным. Но, едва увидев его, почувствовал в нем начальника и не сразу отважился закурить, хотя никак не мог оторвать взгляда от пачки сигарет.

– Закуривайте, закуривайте, так сказать, – уже почти лебезил перед ним Жилин.

«Ох и лиса, и что ему от меня понадобилось?» – думал Хомяк, протягивая руку за сигаретой и шаря глазами по столу в поисках спичек.

Дав ему прикурить, Жилин счел возможным приступить к разговору, полагая, что психологический мост между ними переброшен.

По обыкновению своему потирая руки, Жилин начал издали.

– Некоторое время тому назад с вами беседовал майор Ершов в угрозыске УВД. Вы помните содержание того разговора, так сказать?

– Ну, было. А что?

– Да нет, ничего особенного. Просто не могли бы вы сейчас вспомнить, о чем и как он вас допрашивал, так сказать?

– Как надо, так и допрашивал.

Такого поворота беседы Жилин не ожидал. И, понимая, что разговора может не получиться, мучительно искал выход из создавшегося положения, лихорадочно соображая, как ухватиться за эту нить, которая может привести его к цели. И он решил покопаться в душе Хомяка, надеясь в глубине ее все-таки отыскать ключ к контакту.

Странные, противоречивые мысли в его голове сменяли одна другую. «И что это за челбвек? Так, мразь. Ищ смотреть на него,

ни разговаривать не хочется. А надо. В' его руках сейчас, без преувеличения, твоя, жилинская судьба. И хочешь не хочешь – ищи, за что можно ухватиться»

Из личного опыта Жилин хорошо знал, что любимый| конек осужденных – рассуждения о том, что сидят оний понапрасну. Один – по злой воле следователя, не захотевшего разобраться в деталях порученного ему дела, другой утверждал, что ему попался не в меру ретивый судья, проявивший безразличие к его судьбе, третьему не повезло с прокурором. Кто-то утверждал, что отсиживает срок из благородных побуждений, взяв на себя вину за преступление, совершенное сотоварищами. Встречались и такие, кто «брал» на себя чужие преступления из «уважения» к следователю, который никак не мог раскрыть то или иное преступление.

Попадались и рассказывающие, что взяли на себя чужие преступления потому, что их избивали на допросах. К таким Жилин относился с особым вниманием, их заявления, какими бы абсурдными они ни казались, проверял с особой тщательностью, скрупулезно сопоставляя детали и факты. Не оглядываясь, допускал натяжки в пользу жалобщиков, писал и подписывал представления о наказании милицейских следователей и оперативников. С особым удовольствием получал ответы об их наказаниях, щедро раздаваемых быстрым на расправу начальством. Иногда возбуждал уголовные дела против них.

Когда незадачливые, по его мнению, следователи появлялись в его кабинете с истребованием санкции на арест, наспех пробежав глазами по представленным материалам, он задавал свой главный вопрос:

– Он признался, так сказать?

Когда следовал утвердительный ответ, тут же просил завести подозреваемого в кабинет и прямо с порога ошарашивал его вопросом:

– А вас не били, так сказать?

Кое-кто из бывалых изредка хватался за брошенную прокурором соломинку, словно утопающий. Жилин тут же откладывал все дела в сторону и принимался за проверку очередной жалобы. Его уже не интересовало преступление, которое совершил жалобщик. В центре внимания Жилина, в ту пору заместителя районного прокурора, оказывались те, кто только что занимался раскрытием и расследованием преступления. Отказ в санкции на

арест следовал автоматически. Многие из таких жалобщиков тут же скрывались. А милиция потом длительное время, иногда годами, их разыскивала. Но это уже не касалось Жилина.

Так продолжалось несколько лет, пока сам Жилин не попал в весьма щекотливую ситуацию. Дело, которое он расследовал, в суде вдруг начало расползаться. Обвиняемый в изнасиловании заявил суду, что он дал показания по делу под влиянием физического воздействия со стороны Жилина и угроз «загнать его за Можай». И в заключение, поглядывая на судей с ухмылкой, добавил:

– Где этот Можай, я не знаю. Но думаю, что очень далеко отсюда.

На вопрос председательствующего, в чем выразилось физическое воздействие следователя, подсудимый, все больше наглежа, понес явную несурязицу:

– В чем? Каждый раз, когда ему не нравился мой ответ, бил длинной линейкой по рукам, таскал за волосы, один раз даже пнул по ногам.

Суд направил это дело на дополнительное расследование. Кто-то из коллег Жилина подсунул ему идею о том, что таким показаниям насильника подучили сыщики. Безоглядно поверив в это, с тех пор в каждом из оперативников он видел личного врага. Жилин очень долго оправдывался перед начальством, включая облпрокурора. И это ему удалось. Жилина не наказали. Насильник в конце концов получил свое.

Но прокурором района Жилина так и не назначили. Сочли непригодным для самостоятельной работы. А много лет спустя выдвинули сразу на должность заместителя прокурора областного центра.

Из случившегося с ним Жилин сделал главный вывод: перестал задавать едва не ставший для него роковым вопрос тем, в отношении кого решался вопрос об аресте.

И все-таки Жилин решился.

– А за что вас осудили в первый раз, Хомяков?

– Как за что? Форточник – кличка моя. Вот так и иду по этим делам.

– Ну и что нравится вам в такой жизни?

– Жить красиво.

– М-да, – промямлил Жилин, – за красивую жизнь надо платить.

– А то нет, – поддакнул Хомяк.

Жилин почувствовал, что оборвавшаяся было нить общения с Хомяком как будто восстанавливается. И решил сыграть открыто.

– А не расскажете ли вы, как из вас Ершов выколачивал объяснение о наличии у Энверова ножа?

– Не надо, гражданин начальник. Или вы малец какой? Вы Ершова-то видели? Да если бы он хоть левой своей кувалдой один раз меня долбанул, я бы рассыпался. Это... как говорят? А... весовые категории у нас разные. Нет, Шифоньер – он обходительный. Куревом потчевал.

И Хомяк выразительно уставился на лежавшую на столе жилинскую пачку сигарет. Жилий, как бы угощая его, кивнул головой. Хомяк задымил и продолжил:

– Да не старайтесь вы, гражданин начальник. На днях были у меня двое. Про то же спрашивали. Да не сказал я им ничего, а вам скажу...

Жилин не знал, куда спрятать свои внезапно засветившиеся глаза, и деланно равнодушно произнес:

– Скажите, скажите, так сказать.

– Слушайте, гражданин начальник. Нож и пистолет у Кукушки при себе были. И нож он в мента кидал, а «дуру», завернутую в тряпку, я у него из кармана забрал. Вместе с ножом там, у диспансера, его корешкам передал, а кому – клянусь, не помню. Отшибло память. Уж больно страшно Кукушка корчился перед смертью. Меня самого потом сутки трясло и рвало. От страха, наверное, а?

– Должно быть, от страха, – сочувственно, в тон Хомяку, подтвердил Жилин, пряча от него глаза.

– Так вот. Сказать-то я сказал. Но больше ничего не скажу. Писать и подписывать тоже ничего не буду. Сроку мне никто не скотит. Да и за отказ никто не добавит. И делов больше нет. Зовите конвой, гражданин начальник.

И теперь уже без разрешения Жилина взяв очередную сигарету, заложил ее за ухо и выжидательно посмотрел на дверь кабинета.

* * *

Поиски отдельного поручения прокуратуры УВД о розыске оружия, имевшегося у Энверова, продолжались и на следующий день, к исходу которого стало ясно, что в городской прокуратуре

его нет. После краткого совещания в кабинете Колпашева было решено еще раз вызвать для допроса Руслана Ершова, чтобы уточнить у него, было ли на самом деле такое поручение, и попытаться отыскать его следы.

Утром рязанцы, не спешившие с оформлением разговора с Ершовым в форме протокола, пытались вести с ним разговор в полудружелюбной форме.

– Так вы утверждаете, что такое поручение в отделе уголовного розыска имелось?

– Абсолютно точно.

– А как нам его отыскать?

– Считаю, что в прокуратуре есть его копия и ответ УВД на него с приложением объяснения Хомякова. Я лично подписывал у генерала препроводительное письмо и сдал эти документы в секретариат управления для отправки. Думаю, что копия сопроводительного письма УВД со ссылкой на исходящий номер поручения прокуратуры сохранилась.

Услышав это, Самохвалов на листе бумаги написал: «Его повторный допрос не нужен» – и подвинул этот листок ближе к Вертелеву. Прочитав, тот согласно кивнул головой и произнес:

– У нас к вам просьба. Сколько времени нужно, чтобы вы отыскали копию этого документа и сообщили нам его исходящий номер?

– Думаю, что завтра к концу дня мне удастся это сделать.

На следующий день Руслан продиктовал по телефону текст ответа УВД на отдельное поручение прокуратуры:

«Прокурору области государственному советнику юстиции 3 класса т. Стаднику В. Ф.

На ваш №... направляется объяснение гражданина Хомякова Ф. Д. Прошу при необходимости его допрос по делу Борисова произвести с участием начальника отделения угрозыска УВД майора Ершова Р. Ш. Приложение: на 1 листе.

Начальник УВД генерал-майор милиции В. А. Кудрявцев».

Когда Вертелев ознакомил Самохвалова с текстом этого документа, стало ясно, что оно должно находиться в областной прокуратуре. К концу дня ответ УВД был найден в переписке облпрокуратуры. Ниже подписи начальника УВД рукой Жилина было написано: «Объяснение гр-на Хомякова на 1 листе получил». Затем следовала подпись Ивана Максимовича и дата.

Изывав отдельное поручение городской прокуратуры и ответ на него в делах прокуратуры области, рязанцы не могли понять, почему так случилось. И сейчас пытались разобраться, чем это было вызвано. А пока задавали друг другу вопросы и сообща пытались найти на них ответы.

Главным был вопрос: почему ответ на поручение городской прокуратуры, адресованный начальнику угрозыска, подписывал начальник УВД не городскому прокурору, а областному?

Жилина и Колпашева на месте не оказалось, и Самохвалов с Вертеlevым задали этот вопрос оказавшемуся на месте Стаднику.

– Как же, помню. Я еще звонил Кудрявцеву, выяснял, чем это вызвано. И помню, что он мне сказал.

Самохвалов с Вертеlevым молча ожидали ответа.

– Да, он высказал недоверие Жилину, усомнился в объективности расследования им дела и просил, чтобы допрос Хомякова был проведен с участием майора Ершова. Я в принципе не возражал и, кажется, сказал об этом Жилину. А потом, естественно, забыл проверить.

Рязанцам сразу все стало ясно. Борисов к тому времени был арестован. Подтверди Хомяков на допросе, что у Энверова было оружие, – Борисова надо было немедленно освобождать из-под стражи, дело прекращать, а с Жилина строго взыскивать. Еще тогда, получив письмо начальника УВД с приложением к нему объяснения уголовного, Стадник про себя подумал: «Смотри-ка, чего захотели. Чтобы с их участием допросили. Не многовато ли?»

В разговоре с рязанцами Жилин, как ни делал вид, что старается, не мог вспомнить, чтобы у него состоялся разговор со Стадником о совместном с милицией допросе Хомякова. А Самохвалов с Вертеlevым, не сговариваясь, решили: не хочет. И во второй раз недобро подумали о Жилине.

Уже в гостинице, обмениваясь мнениями обо всем, что было связано с поисками этих документов, Самохвалов говорил Вертеlevу:

– Дурно пахнет это дело, Сергей. Не будь по нему ареста с годичной отсидкой – прекратил бы я его сейчас, не задумываясь. Но человек-то около года отсидел. Прекрати мы дело – Жилин погорит. И не просто с работы могут попросить. Да и напутствие нашего прокурора ты, надеюсь, помнишь?

– А может, действительно прекратить, Леонтьевич?

– Нет, Сергей. Не будем мы Жилина топить. Сами в худшем случае по выговорешнику получим за незаконное привлечение. Арестовывать-то мы Борисова не будем, срок содержания его под стражей закончился. За отсрочкой с таким делом не полезешь. Никто не поддержит. Давай попытаемся, да нет, сделаем все, чтобы дело направить в суд.

– Попытаемся, – без особого энтузиазма поддержал его Вертелев.

В небольшой почте, адресованной Колпашевым рязанцам, наконец-то оказалось долгожданное заключение Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз. В нем утверждалось, что повреждение на куртке Энверова М. З. причинено не первым выстрелом.

Показания-близнецы Кукушкиных дружков оказывались под сомнением. А это уже не вписывалось в схему расследования. И следственной группой было решено до проведения очных ставок между Борисовым и теми, что были с Кукушкой в тот день, допросить Тараканова и Шарапова.

Перед Самохваловым лежала копия их заключения подготовленного больше года назад по результатам служебного расследования о применении Борисовым оружия. Судя по тому, как она была разрисована красным фломастером, Тараканов понял, что над документом основательно потрудились в поисках уязвимых мест в выводах.

Разговор не клеился. И уже порядком надоел Тараканову. Но Самохвалов продолжал давить, пожалуй, в четвертый раз задавая один и тот же вопрос:

– Каковы, по-вашему, основания применения оружия Борисовым?

И Тараканов ровно столько раз отвечал:

– Преступник метнул в него нож. Это уже угрожало жизни Борисова. Пытался на бегу достать еще какой-то предмет из кармана. Борисов знал о том, что он имел пистолет. И обоснованно предположил, что Энверов может открыть стрельбу по нему. Именно на этом были основаны выводы служебного расследования, признавшего применение оружия правомерным. Иного я не могу сказать, сколько бы этот вопрос мне не задавался.

Самохвалов явно давил.

– Не пришлось бы пожалеть о таких выводах.

– А вот страшать меня не надо.

В соседнем кабинете явно горячился Вертелев, уличая в необоснованности выводов расследования Шарапова.

– Это надо додуматься – открыть стрельбу в больнице! Уже само по себе это – чистое хулиганство, третья часть статьи двести шестой, если отбросить в сторону труп. А вы доказываете и убеждаете свое начальство в правомерности применения Борисовым оружия.

Почти одногодки, они резко отличались друг от друга ‘ характерами. И молчаливо-сдержанный, до этого не произнесший и нескольких слов Шарапов, воспользовавшись паузой, вдруг заговорил:

– Послушай, Вертелев. Начальство наше тоже имеет | голову. И нашим выводам слепо не следует. Так что оставь его в стороне. Я юрист и Уголовный кодекс знаю. И что такое хулиганство – тоже! Не надо меня припугивать. И оружие милиционеру дано не для того, чтобы, лишнюю тяжесть таскать. Вот только благодаря таким, как ты, при- менять его не хотят, даже когда этого требует обстановка. Это как раз тот случай! И не надо меня убеждать в обратном. Да и суд вам в два захода убедить не удалось.. Утверждаю: в сложившейся ситуации Борисов применил оружие правомерно! Оформляй протокол. Другого мнения у меня нет и никогда не будет.

Выходя из кабинета Самохвалова, Тараканов едва не столкнулся с Михальковым. «Это – чтобы не сговорились, одного за другим тащат, деятели», – подумал он.

Самохвалов умышленно оттягивал конкретный разговор. Начав с погоды, поинтересовался оперативной обстановкой, поохал по поводу обилия краж, посочувствовал. Затем почти безразличным тоном стал задавать вопросы по существу, словно расслабляя Михалькова и для этого демонстрируя свою незаинтересованность в исходе порученного ему для расследования дела. Не спеша записывая показания допрашиваемого, как бы между прочим, закинул вопрос:

– А что за человек ваш Тараканов?

– Человек как человек. Бывший оперативник. Труженик, честняга. – И с иронией добавил: – Не пьет. В порочащих связях не замечен.

Михальков был твердо уверен, что вопрос о Тараканове – ло-

вушка, не более. Пока Самохвалов продолжал записывать, пытался продумать, чем он вызван. Когда мысленно просчитал все варианты, был уверен, что с виду безразличный следователь прокуратуры задаст именно этот вопрос. Оставалось лишь проверить, занесет он его или нет в протокол.

– Ваше мнение о правомерности применения оружия Борисовым несколько не совпадает с тем, что высказал Тараканов. Он считает, что Борисов имел возможность задержать преступника, не применяя оружия. Как вы думаете?

– Тараканов проводил служебное расследование в составе комиссии. Я от него такого мнения ни разу не слышал. И не могу себе представить, что он может так думать и говорить.

Самохвалов, как будто задумавшись, отсутствующим взглядом уставился в распахнутое настежь окно. Михальков ждал, что последует за этим.

Этот вопрос и ответ на него Самохвалов в протокол не занес.

«Дешевый прием, топорная работа», – с этими мыслями Михальков покинул прокурорский кабинет.

Самохвалов и Вертелев, оценив показания сыщиков, убедились, что к имеющимся у них доказательствам они ничего не добавили. Началась интенсивная подготовка к

допросу Борисова, требующая дополнительного анализа материалов. Оставалась и Светка: ее показания теперь подтверждались заключением судебно-баллистической экспертизы. И это придавало им заметную весомость. После их допросов планировалось проведение очных ставок между ними, Тумановым, Крестинским, Чертугановым, Сарафановой, Алехиной и другими. Очная ставка с Хомяковым оставалась пока под вопросом. Жилин, знавший о намерениях рязанцев, всячески старался отговорить их от ее проведения.

– Полагаю, не надо этого делать, так сказать... Вдруг Хомяков подтвердит то, что из него выбили в угрозыске. Тогда делу конец. Да и объяснение его к делу приобщать нецелесообразно, так сказать...

Иван Максимович явно спасал свою шкуру. Это уже давно было ясно рязанцам. И вызывало у них бесконечные вопросы и противоречивые мысли. Зачем нужно было, возбуждая дело, арестовывать Борисова? Почему не остановились, не задумались после первого направления дела на следствие? Для чего вноси-

ли бесконечные протесты в областной суд? Зарвались? Пожалуй. Но скорее всего, включились ведомственные амбиции, сработало чувство самосохранения.

Конечно, дело было не из простых. Оно и сейчас представляло собой клубок противоречий, вызвало массу сомнений. Стоп! Но ведь всякое сомнение – в пользу обвиняемого. А, это в теории, для печати, телевидения. На деле оставалось одно: отбросив прочь сомнения, доводить дело до конца, спасти его, а вместе с ним и своего незадачливого коллегу. О том, чтобы не приобщать к делу объяснение Хомякова, не могло быть и речи. Такое решение выглядело бы не только натяжкой по делу, но и сильно попахивало фальсификацией. Тем более, что у адвоката Борисова имелась копия хомяковского объяснения, он уже оглашал его содержание в одном из судебных заседаний.

Эти и подобные мысли то и дело возникали у Самохвалова и Вертелева. Они делились ими между собой, иногда допоздна спорили, доказывая друг другу то, в чем был уверен каждый из них. И теперь, когда Жилин, спасая себя, хотел затащить их в образованный им омут, оба внутренне решительно этому воспротивились. Первым сорвался Вертелев.

– Нет уж, уволь, Максимыч, от таких рекомендаций. По этому делу мы с тобой вместе не пойдем. Объяснение Хомякова уже находится в материалах дела. Там ему и быть!

– Только там, – подтвердил Самохвалов. – А вот как его ксерокопия оказалась у адвоката, попытайся разузнать. Да новых дров не наломай. Это не столько для дела нужно, сколько для фона, свидетельствующего о том, что сослуживцы Борисова, снабдив этим документом адвоката, мешали проведению расследования. Сейчас все в строку ляжет. Кстати чем закончилось следствие по делу Воропаева? Это ведь тоже хороший штрих. Он, развозя жену Борисова на автомобиле, тоже вносил свою лепту в запутывание дела.

– Непременно, непременно разузнаю, так сказать, – промямлил Жилин, чувствуя, как холодеют его руки.

* * *

Анатолий не заметил, как промелькнула первая неделя службы в новом коллективе.

Едва оформившись в общежитии, он помчался в райотдел, где

знал многих сотрудников розыска. Начальник райотдела принял его второпях, убегая на очередное из многочисленных заседаний, на ходу завершал разговор:

– Обстановка сложная. Участок тебе определит Аксенов. Знакомиться с ним будешь по ходу дела. Желаю успехов.

На раскачку времени не оказалось. Жизнь полностью укладывалась в работу. Борисовская койка в общежитии нередко по ночам пустовала. Пришлось обзавестись электрокипятильником, купить электробритву. Один из ящиков рабочего стола был тут же отведен для съестных припасов: печенья, пряников, сахара и чая. Из этого ассортимента нередко состояли его завтрак и ужин. Участок лихорадило. Происшествия сыпались одно за другим. Анатолию едва хватало времени поспевать за событиями. Сутки для него заметно сократились. Давили мысли о Наташке. И он бывал счастлив, когда в этой суматохе ему удавалось дозвониться до родителей Джамили и поговорить с еще не уснувшей дочерью. Это неунывающее дитя всякий раз задавало единственный вопрос:

– Папочка, ну когда же ты приедешь? – И только изредка добавляла: – А мама все еще не приехала, она, наверное, сразу весь институт закончит? Да?

– Наверное, – глухо отвечал отец и со словами «Целую, до свиданья» спешил положить трубку.

Времени постоянно не хватало. Он еле-еле выкроил его, чтобы через горсправку дать объявление об обмене квартиры в Советском на Нежинск, указав свой служебный телефон. Но предложение пока не было. А может быть, и звонил кто-то. Да попробуй застать его на месте в этой беспрерывной беготне по городу.

Но он не сетовал на судьбу. В таком ритме жизни легче переживалось личное. Здесь, идя по улице, он не встречал сочувственно провожающих его глаз, не было времени и на сочувственные разговоры с сослуживцами. Словом, его образ жизни заметно изменился, и это, казалось, шло на пользу делу и ему. Только очень-очень не хватало Наташки. И хотя он слабо представлял себе, как он при такой работе будет с ней управляться, в редкие теперь минуты раздумий ему неудержимо хотелось, чтобы она была рядом.

В одну из суббот он все-таки набрался решимости и перед обедом спросил у начальника отделения разрешения выехать в Советский. Дочь встретила его по-детски восторженно, весь вечер щебетала, рассказывая о своих немудреных приключениях и со-

бытиях из детсадовской жизни.

Воскресенье прошло в заботах по хозяйству. Анатолий все время делал что-то для того, чтобы занять Наташку, отвлечь ее от мыслей о матери. Сначала он мыл посуду, а Наташка ставила ее на место. Потом потрошил привезенную с собой курицу и, сунув ее в кастрюлю, надеялся приготовить из нее бульон и второе в один прием. Наташка в это время увлеченно смотрела мультики. После обеда отправились на прогулку, катались на санках с горки. Дочь весело смеялась и рассказывала, рассказывала о своих делах...

После прогулки направились к деду и бабушке. Там все оставалось без изменений. Обрадованный их приходом, дед быстро включил электросамовар. Время поджигало. И Анатолий, наскоро, выпив чашку чая, попрощался с дочерью. Последний на сегодня автобус уходил в Нежинск...

* * *

Позвонив в районную прокуратуру, расследовавшую дорожно-транспортное происшествие с Джамилей, Жилин, к своему немалому удивлению, узнал, что уголовное дело против Воропаева прекращено за отсутствием состава преступления. Оказалось, что допрошенная за день до смерти Джамиля показала, что, испугавшись встречной машины, сама схватилась за руль «Москвича», в результате чего и произошло опрокидывание машины. Побывавший после своего освобождения у следователя Анатолий написал заявление, что никаких претензий к Воропаеву в связи с гибелью жены не имеет.

Узнав об этом, Жилин тут же побежал к Колпашеву, убеждая его истребовать дело из районной прокуратуры. Затем доложил об этом рязанцам. Было решено постановление о прекращении этого дела отменить и дополнительное расследование поручить Жилину.

На следующий день он возобновил расследование и допрашивал Воропаева. Выше среднего роста, показавшийся довольно скромным, в тщательно подогнанном и отутюженном обмундировании, он удивил Жилина тем, что на лацкане его мундира блестел значок депутата горсовета. Опешивший Жилин не мог и представить себе, что сержант милиции и депутат горсовета – одно и то же лицо. И для уверенности, заполняя протокол, потре-

бовал сначала удостоверение личности.

Оказалось, что в деле протокола допроса Воропаева нет, и теперь Жилин допытывался у него, почему так случилось.

– Не знаю. Я написал объяснение, больше меня в прокуратуру не приглашали, никто меня не допрашивал.

Бравый сержант сейчас выглядел растерянным. И это обнадеживало Жилина: «Еще чуть-чуть нажать – и он все расскажет».

– Ну, как это произошло, так сказать? – нажимал Жилин, приняв строгий вид.

– Довольно неожиданно. Дорога была скользкой. Встречная машина обдала грязью лобовое стекло, от неожиданности резко взял вправо, почувствовал, что заносит, а затем перевернуло. Борисову на попутной машине отправил в больницу, а сам остался ждать прокуратуру и ГАИ.

– А куда вы ехали с Борисовой?

– За какой-то свидетельницей по делу ее мужа, точно ее фамилии не помню. Кажется, Федорова или Федотова...

– Когда вы в последний раз видели Борисову?

– В день аварии.

– Неправда. Вы были у нее в больнице! О чем вы ее просили? Отвечайте, я обо всем знаю! Ложь вам дорого обойдется! – срывался на крик Жилин.

– Да, я был в больнице. Передал ей три цветка и килограмм яблок. Но меня к ней не пустили, сказали, что она в тяжелом состоянии. Да и вряд ли я зашел бы к ней, если бы и разрешили. Палата-то женская... Неловко как-то.

Записав эти показания, Жилин выдворил Воропаева из кабинета, велел ждать. А сам с папкой в руках вскочил в машину и куда-то умчался.

Спустя полчаса он уже допрашивал прямо-таки разочаровавшую его нянечку областной травматологии.

– Да-да, помню! Как же! Она такая молоденькая, красивая женщина. Очень тяжелая была. К ней в тот же день и молоденький милиционер приехал. Ладный такой, красивый парень. Я его было за мужа приняла. Но не пустила. Доктор не разрешил. А через неделю, в мое дежурство как раз, двое военных привезли на грузовой машине ее мужа. Как потом я узнала, из тюрьмы. Там он сидел. Заведующий отделением разрешил, так я уж их пустила. Но недолго он у нее пробыл, минут пять, не больше. Плохо ей

тогда было. А еще через неделю она умерла. Горе-то какое! – искренне сетовала нянечка.

Заведующий отделением подтвердил показания нянечки.

Неудовлетворенный результатами своей поездки в областную больницу, озлобившийся Жилин танком давил Воропаева, уже просто срывался на крик:

– Так виноват ты или нет в случившемся?

– Конечно же виноват, – сокрушенно отвечал Воропаев.

– Кто из начальства тебя отправил на этот подвиг?

– Никто. Джамия позвонила и просила съездить с ней.

– Нет, не Джамия! Я-то знаю, кто! Но ты на что рассчитываешь, укрывая его? Думаешь, твое депутатство тебя спасет? Ошибаешься! Ох как глубоко ошибаешься! И отвечать, и сидеть в тюрьме будешь!

Ничего не понимавший Воропаев пожал плечами и замкнулся. Просто решил не отвечать.

Это еще больше бесило Жилина. Но ничего другого выдать из Воропаева он не смог и, получив от него все необходимые в таких случаях подписи на протоколе, напутствовал:

– Пока иди! И подумай как следует! Стоит ли твое начальство того, чтобы за него садиться в тюрьму? Как следует думай! – Неожиданно прервав крик, показал глазами на дверь: – Свободен!

Жилину нечем было порадовать рязанцев. Подписав письмо о лишении Воропаева депутатских полномочий, он обескураженно докладывал Самохвалову:

– На начальство никаких выходов не дает, утверждает, что поехал по просьбе жены Борисова. Есть одна слабенькая надежда, так сказать. Сам-то Борисов был у него в наставниках. Вот здесь, может, что-то получится, так сказать.

О том, что его попытка выяснить, как адвокат заполучил копию объяснения Хомякова, не увенчалась успехом, Жилин скромно умолчал.

* * *

Очные ставки, проведенные Светке Фирсовой с каждым из ее бывшей компании, не сдвинули ее с места. Она не подтверждала их показаний, твердо стояла на своем. Вдруг проснувшееся в ней человеческое достоинство неприятно поразило Черта, который клялся Вертелеву, что она от одного его, Чертова, вида заговорит.

И сейчас он изо всех сил старался, как бывало прежде, запугать Светку. Но попытки его были тщетны.

– Ненавижу! – с хрипом выдохнула Светка, когда Черт под конвоем отправился в зону.

Продленный срок расследования истекал, рязанцы нервничали. Так уж повелось: чаще всего не хватает еще одних суток студентам перед экзаменом и, пожалуй, следователям перед окончанием дела.

Едва переступившему порог их кабинета Борисову тут же было предъявлено обвинение по двум статьям: за убийство и превышение власти. На вопрос, признает ли он себя виновным, Анатолий, как и раньше, ответил отрицательно. Рязанцы не ожидали другого. Вертелев привычно записывал, Самохвалов – спрашивал, Борисов – отвечал.

И вдруг он почувствовал абсолютное безразличие к происшедшему разговору. Словно случившееся с ним почти два года назад отодвинулось далеко-далеко и касалось кого-то другого, мало знакомого ему. Поймав себя на этом и пытаясь понять, что же произошло, он как-то разом осознал, что все эти прокурорские потуги с его арестом и очередным привлечением к уголовной ответственности – ничто в сравнении с тем, что не стало Джамили, что его самостоятельный ребенок – Наташка, оставшись без матери, практически не видит и своего отца.

Самохвалов спрашивал откуда-то издали, Вертелев записывал где-то в стороне, а он, Борисов, автоматически отвечал, казалось, тоже из ниоткуда.

Наспех пробежав глазами по строкам протокола допроса, Анатолий подписал каждую страницу и направился было из кабинета.

Властный голос Вертелева остановил его:

– Минуту! Не все кончено!

Обеда их взглядом, Анатолий внимательно осмотрел стол: постановления о его аресте не было видно. И только после этого сообразил: сроки содержания под стражей истекли и вернуть его в следственный изолятор теперь сможет только грядущий суд.

Разглядевший в его глазах немой вопрос Вертелев, изображая из себя человека, делающего огромное одолжение, произнес:

– Сейчас мы тебя ознакомим с материалами дела, чтобы лишний раз не вызывать в прокуратуру.

И с этими словами он начал наспех распихивать в папки разбросанные по столу протоколы.

Удивленный таким оборотом дела, Борисов внимательно следил за этим и вдруг внезапно почувствовал, что в нем закипает злость.

– Вы бы хоть сейчас соблюли приличие! Ведь дело должно быть подшито, а листы пронумерованы! Я в таком виде знакомиться не буду!

На его крик в кабинет влетели, толкая друг друга, словно стоявшие за дверью и ждавшие сигнала Жилин и Колпашев.

Поблудневший Анатолий стоял посреди кабинета, казалось, готовый броситься в драку. По другую сторону стола с удивленными лицами застыли Самохвалов и Вертелев.

Увидев влетевших в кабинет местных прокуроров, Анатолий почувствовал, что накопившаяся в нем злость еще больше усиливается. Застучало в висках, по телу прошла нервная дрожь, пронзившая колени. Всем своим существом он интуитивно чувствовал, что должен дать ей выход.

– Почти два года вы делаете из меня дурака! Хватит! Приведите дело в порядок! И тогда извольте вызывать для ознакомления!

Выпалив это, он решительно раздвинул руками ошеломленных Жилина и Колпашева и, пройдя между ними, громко хлопнул дверью.

Через пять дней после этого инцидента, про себя искренне сожалея, что не сумел сдержаться, он поставил свою подпись в протоколе об ознакомлении с материалами теперь уже прошитого и пронумерованного дела и тихо сказал: «До свиданья».

Навалившаяся в Нежинске на Анатолия работа безжалостно поглощала все время.

Дела сыпались одно за другим. Их надо было раскрывать. Работа начала спориться. Только вчера заявили ему последнюю квартирную кражу. А сегодня полупьяная Хрипуша, бог весть как оказавшаяся с утра в дежурке райотдела, сидя на скамейке, незло, будто рассуждая вслух, распекала молодого сержанта, не замечая стоявшего позади нее Анатолия.

– И все-то вы, милиция, только пьяных старух задерживать горазды. Што рам с них проку? Вот вчерась Соловей с Корытом два здоровых чемодана приволокли к Миколаевне. Дак хто из вас там побывал-повидал? Нихто... А надоть бы. Так-то. А вы бабок тащи-

те. И за што только зарплату плотют⁷

С Миколаевной Борисов уже успел познакомиться. Находясь на пенсии, она крепко попивала. Была не прочь принять краденое. И нередко ей удавалось вовремя его сбыть. От этого имела к пенсии неплохую прибавку, которая большей частью уходила на угощение таких, как сама, старух и тех, что тзщили к ней ворованое. Пытались было отправить бабку лечиться от пьянства. Но задолго до этого ею же расшатанное здоровье оказалось непреодолимым препятствием. Так и мучился с ней участковый, безуспешно агитируя пробив пьянства.

Услышав: «Заходи!», он слегка толкнул рукой незапертую, с давно выбитым замком, обшарпанную дверь и оказался в помещении, некогда называвшемся однокомнатной квартирой. Подняв на него изрядно посоловевшие глаза, Миколаевна, приняв Анатолия за своего, потянулась к стоявшей на столе бутылке.

– Испей, касатик, кагор – вино церковное. Душу просветляет, друзей собирает. И вкус, скажу тебе, отменный, как чай с сахаром. Не то, што эта водка: пить противно да с ног валит,– перемежала свою речь пьяной икотой Миколаевна.

Анатолий понимал, что, сразу отказавшись от угощения, может насторожить Миколаевну. Однако, оценив ее состояние, сам пошел на нее в атаку, прикинувшись своим.

– Погоди, старая, с угощением! Корыто позарез нужен. Сказал, что у тебя встретимся. Неужели опоздал?

– Не был твой Корыто. Но быть должен! – еле выговорила Миколаевна, спьяну погрозив ему пальцем и заговорщицки подмигнув.

Анатолий успел заметить сползающие со стен, оборванные, грязные обои, неизвестно из каких времен появившийся в этом жилище стол на трех ножках, плотно придвинутый к стене, чтобы не падал, два полусломанных

стула послевоенных лет, диван с валиками и неубранной грязной постелью.

Было ясно, что в комнате чемоданов нет. «Неужели успели?» – подумал он и направился на кухню. Пьяная Миколаевна, явно не узнав Анатолия, дернулась было на стуле, но встать ей не удалось. С порога кухни за плитой был виден угол чемодана, прикрытого грязным тряпьем. Открыл водопроводный кран, вода шумно хлестала в раковину. Как будто в поисках стакана, выглянул в ком-

нату. Хозяйка квартиры, пытаясь принять очередную порцию, никак не могла попасть горлышком бутылки в стакан. Быстро сбросив тряпье, он увидел и второй чемодан.

С трудом преодолев желание немедленно изъять их, он набросил на них то же тряпье. Закрыв кран и, демонстративно вытирая рукой рот, будто только что напившись, обратился к Миколаевне:

– Когда Кори́то будет?

– А х-кто-о знает? К вечеру, должно...

– Зайду к вечеру. Пока.

Отыскав участкового Шепилова, Анатолий заставил его переодеться в штатское. Ближе к вечеру на кухне в доме напротив, воспользовавшись гостеприимством хозяев-пенсионеров, они пили ароматный чай и не сводили глаз с подъезда дома, где жила Миколаевна.

Соловей и Кори́то подкатили на такси прямо к подъезду. Одновременно вышли через задние дверцы машины, огляделись, перекинулись несколькими словами. Кори́то тут же нырнул в подъезд, а Соловей, забравшись в машину, не сводил глаз с дверей подъезда, где только что скрылся Кори́то.

Анатолий с Шепиловым подходили к такси, когда Кори́то вышел из подъезда, сгибаясь под тяжестью чемоданов.

Соловей, выскочив из машины, открыл багажник и, помогая Кори́ту, взялся за чемодан. Направлявшиеся к подъезду Анатолий и Шепилов, резко обернувшись назад, почти одновременно схватили каждого за руку и за чемодан.

– Ни с места, кладите чемоданы в багажник и тихотихо в машину!

Явно подрастерявшись, придерживаемые за руки сотрудниками, они по команде поставили чемоданы в открытый багажник. И тут до их сознания дошло, что с ними происходит неладное. Соловей пытался дергаться, но его руку еще крепче стиснул Шепилов, а когда стал заводить ее за спину, он закричал:

– Хорош-хорош, не ломай руку-то!

Кори́то уже сидел на заднем сиденье, когда Шепилов усадил рядом с ним Соловья и, втиснувшись следом, сказал начавшему понимать происходящее таксисту:

– Угрозыск. Поехали в Заречный райотдел!

Для приличия недолго покорчив из себя невинность, первым у следователя заговорил Соловей. За ним, с гораздо большим не-

желанием, – Корыто.

На следующий день полутрезвая Николаевна рассказывала следователю:

– Пьяная была я. Не знаю, кто приходил, кто уходил. Какие мои годы? стакан выпью, как самое звать – не помню. И этих не смогу узнать. Нет. Што ни говори, не смогу... А што колечко нашли, дак они его обронули, наверное. Мне никто его не давал. А давали бы – ни за што не взяла. Стара уже при кольцах-то ходить. Да знаю, чем это заканчивается, – пела она свою песню, выкручиваясь из очередного дела.

Иной позиции от нее Анатолий не ожидал.

По квартирам у Соловья и Корыта было изъято немало краденого. Потерпевшие опознавали свои вещи. С каждым днем по делу увеличивался объем следственной работы и пропорционально этому сокращалась оперативная работа. На сыщика Борисова навалились другие заботы.

* * *

Шло время, рязанцы молчали, никто не вызывал Анатолия в прокуратуру. Казалось, что все его беды остались позади, возврата к происходившему с ним недавно не будет.

Когда Анатолий, собравшись домой, уже сложил все свои дела в сейф и повернул ключ, раздался телефонный звонок дежурного райотдела:

– Борисов, на выезд!

Через несколько минут ему стало известно, что полчаса назад двое в масках, вооруженные пистолетом и ножом, ворвались в дом цветочницы Грешновой. Угрожая оружием, забрали около полутора тысяч денег и скрылись.

Уже в узике Анатолий почувствовал, что его подташнивает. Машину заметно трянуло на очередной рытвине, он ощутил резкую боль в боку. И едва не вскрикнул. Его бросило в пот. Не желая показать другим сотрудникам, что ему стало плохо, он, стиснув зубы, пытался превозмочь боль. Это ему почти удалось, когда машина подошла к месту происшествия.

Тут же стало ясно, что после очередной распродажи цветов Грешнова, зайдя в дом, не успела запереть дверь, как на пороге ее дома появились двое и потребовали деньги. Закричав не своим голосом, она оказала им яростное сопротивление. Пытаясь со-

рвать маску, одному из них изрядно поцарапала лицо. И все-таки другой успел проскочить в, комнату, схватить открыто лежавшие на столе деньги. Возившийся с Грешновой верзила сумел нанести ей рукояткой пистолета сильный удар по голове. И она потеряла сознание. Когда пришла в себя, преступников уже не было. В милицию о случившемся сообщили сбежавшиеся на ее крики соседи.

В разговоре с ними Анатолий уточнил приметы и решил пройти по близлежащим домам в надежде собрать более полные данные о преступниках.

Зайдя в очередной двор, он снова почувствовал резкую боль в боку. Вскрикнул. В глазах потемнело. Боль усиливалась, нарастала. Теперь она уже распространилась по всему животу. Внезапно возникла сильная слабость, подкашивались ноги, и, чувствуя, что вот-вот упадет, он оперся о стену дома руками. Не ощутив в них привычной силы, лишь заметил, что неудержимо ползет по стене на землю...

Придя в сознание, осмотрелся и понял, что он в больнице. В боку теперь ощущалась уже тупая боль. Она, казалось, прошла не только живот, но и все тело, ставшее непривычно слабым.

Кто-то постанывал на соседней кровати, поодаль спал третий человек. С трудом поднявшись с постели, попытался встать на ноги. Боль не усиливалась. Только заметнее почувствовал слабость.

Тихо ступая, вышел в коридор. И только тут сообразил, что находится в госпитале УВД. Раньше ему здесь лечиться не приходилось, но несколько лет назад навещал заболевшего товарища.

В процедурном кабинете с открытой настежь дверью, за столом с горевшей настольной лампой, положив голову на руки, дремала дежурная медсестра.

Анатолий не успел остановиться в дверях, как она, проснувшись, спросила:

- Что с вами, больной, вам плохо?
 - Да нет, как будто получше. А что со мной произошло?
 - Почечная колика. Врачи подозревают камни. Но окончательный диагноз будет поставлен после обследования.
- «Откуда это еще?» – подумал Анатолий.
- Сколько я здесь нахожусь?
 - Привезли вчера вечером.

– Понятно. Спасибо.

Не зная, о чем еще спросить, он почувствовал, что слабость нарастает, началась предательская дрожь в коленях. С трудом дойдя до палаты, тихо улегся на кровать.

Проведенные в последующие дни анализы, рентгеновские снимки подтвердили предположение врачей, началось лечение.

На вопрос, сколько оно продлится, следовали уклончивые ответы лечащего врача и заведующей отделением. Оказавшийся, к счастью, единственным, камень вел себя коварно: то замирал не двигаясь, то начинал шевелиться, а затем – двигаться. Когда он не давал о себе знать, Анатолий чувствовал себя более или менее сносно. Но как только начинался очередной приступ, самочувствие резко, ухудшалось, портилось настроение.

Время от времени забегали провести сослуживцы. Участковый Шепилов принес несколько бутылок пива, утверждая, что при этой болезни оно не повредит и даже врачи рекомендуют употреблять его. Прикроватная тумбочка была завалена газетами и книгами. Анатолий читал много и жадно. Пытался делать это даже во время приступов. Но из этого ничего не получалось. Буквы то расползались в стороны, то наплывали друг на друга, не улавливался смысл прочитанного. Но как только камень замирал на время, он тут же хватался за книги.

В один из таких дней на пороге палаты он увидел Наташку с дедом. Дочь держала в руках полиэтиленовый пакет с яблоками и бутылкой сока, разглядывая находившихся в палате людей. И как только увидела среди них отца, выпустив из своей ручонки пакет, бросилась к нему и почти запричитала:

– Папа, папочка, зачем же ты заболел? Это, наверное, потому, что зимой без шапки ходил? Да-да, я знаю... А когда ты поправишься? Скоро? Да?

Соседи, знаящие со слов других почти все о Борисове, поспешно покинули палату, оставив его наедине с родными.

Дед пытался перехватить у Наташки инициативу. Но это у него плохо получалось. Внучка захватила ее, казалось, завладела ею полностью. Наконец-то и ему удалось вступить в разговор.

– Ну, как самочувствие? Что говорят врачи?

– По-разному, бывает нормально, бывает похуже. Врачи говорят, что будут лечить, пока не вылечат.

Наташка, слушая отца с дедом, с аппетитом уплетала яблоко.

Проводив их и поднимаясь по лестнице, Анатолий вновь почувствовал резкую боль и прилег на кровать, пытаясь, лежа на боку, хоть немного унять ее.

Заглянувший в палату Тараканов в нерешительности остановился в дверях. Посчитав, что Борисов спит, хотел было повернуть назад.

– Проходи, проходи, чего стоишь, – заметил его, открыв глаза, Анатолий.

– Слушай, поступило письмо из Красноволжского городского суда, вызывают нас на очередное рассмотрение твоего дела. Как твое состояние?

– В разное время по-разному. Но раз вызывают, надо ехать. Завтра поговорю с врачами. Уже пора на этом деле ставить точку. Неопределенность страшно надоела. Пусть любой конец, но конец. А почему дело рассматривается в Красноволжске?

– Верховный суд Федерации так решил в целях объективного рассмотрения.

– Понятно.

Утром следующего дня начальник медслужбы докладывал Кудрявцеву:

– Старший лейтенант Борисов, находящийся на лечении в стационаре с диагнозом «мочекаменная болезнь», настаивает на выписке, объясняя это вызовом в суд в другой город, где будет рассматриваться его дело. Состояние здоровья не позволяет его досрочно выписать. Как быть?

– Представьте документ о состоянии здоровья офицера. Отделу кадров будет поручено дать в суд соответствующий ответ.

* * *

Борисову наконец-то удалось освободиться от злосчастного камня. Вместе с болями исчезла и противная слабость. Улучшились аппетит, сон и настроение. И хотя врачи еще не рекомендовали выписку, у него иссякло терпение и он настоял на своем.

Доложив райотделовскому начальству о выписке, Борисов одновременно просил разрешения на выезд в Красноволжск для явки в суд. Сейчас он испытывал нечто близкое к безразличию. Теперь уже новое доследование вряд ли возможно. Скорее всего это – финал. И каким он будет, таким и останется. Если суд займет принципиальную позицию, он может быть благоприятным. В

противоположном случае исход может быть разным. Осуждение в полном объеме предъявленного ему обвинения или, с оправданием его десятимесячного пребывания под арестом, – к незначительному наказанию. В любом из этих вариантов последует обвинительный приговор. Значит, прощай, работа. Что станет с Наташкой, если он снова окажется в тюрьме? И эти мысли, засев в голове, больше всего беспокоили Анатолия, тесня другие.

...Он помедлил перед дверью кабинета с табличкой «Председатель Красноволжского народного суда Апухтин Н. А.».

Как ни старался Борисов держать себя в руках, сердце его забилось учащенно. Решительно постучав в дверь, он услышал:

– Войдите!

– Борисов Анатолий Борисович из Нежинска. В производстве суда имеется дело против меня. Находясь на лечении в стационаре, не мог своевременно приехать...

– Садитесь, – перебил его председатель и, не обращая внимания на посетителя, углубился в чтение лежавшего перед ним дела. «Не мое, тощенькое какое-то», – подумал Анатолий.

Перед ним сидел худощавый, аккуратно подстриженный человек, возрастом ближе к шестидесяти, в очках со скромной оправой.

Прочитав последнюю страницу, Апухтин отложил дело в сторону и, рассматривая Анатолия в упор, как бы продолжил:

– Итак, не смог своевременно приехать? В суд, молодой человек, надлежит являться в строго указанное время. Иначе суд может расценить подобное как неуважение к правосудию.

Эти слова Апухтин произнес без оттенка злости или назидания, как будто рассуждая вслух. Тем не менее они насторожили Анатолия, и он счел необходимым еще раз подчеркнуть:

– Я был болен. Вам должны были сообщить из отдела кадров. И больничный лист у меня есть.

– Дайте, пожалуйста!

Просматривая его, председатель задержал взгляд на строке, в которой был указан диагноз. Оставив больничный лист на столе, сочувственно вздохнул.

– Такая болезнь – причина уважительная. По себе это знаю. Погуляйте час-другой и заходите. Тем временем я определюсь с датой слушания дела и дам указание подготовить письмо о вызове в суд всех свидетелей, проживающих в Нежинске и области.

Через вас и передам его милицейскому начальству, чтобы обеспечили их явку в назначенное время. Надеюсь, ясно?

Ровно через час Анатолий зашел в кабинет Апухтина. Поставив свою подпись на отпечатанном письме, тот, вложив его в конверт и передавая Борисову, уже готовому выйти, произнес:

– Минуту!

Только сейчас Анатолий заметил, что на большом столе перед председателем лежит его многотомное дело. Раскрыв один из томов, Апухтин предложил ему поставить свою подпись на бланке расписки о вручении копии обвинительного заключения и протянул довольно толстую пачку бумаг, отпечатанных на машинке.

– Теперь вы свободны. В указанное время прошу быть здесь всех перечисленных в письме. Это прежде всего в ваших интересах. До свиданья!

В битком набитом вагоне, едва успев занять место у окна, Анатолий, положив отпечатанные листы в газету вместо обложки, начал знакомиться с содержанием обвинительного заключения по своему делу.

Первое, что бросилось в глаза: «Настоящее уголовное дело возбуждено 28 ноября 1984 года». Сейчас март 1987 года. Немало времени понадобилось, чтобы по третьему разу направить дело в суд. Сколько сил потрачено следователями прокуратуры...

Содержание этого обвинительного заключения мало чем отличалось от предыдущих. Те же фамилии свидетелей, почти идентичные прежним выдержки из их показаний, обличающие Анатолия, перечисление проведенных по делу экспертиз...

Интересным показалось лишь стремление следователей поставить под сомнение показания Фирсовой. Так, цитируя ее показания в пользу Борисова, рязанцы прямо записали, что «они полностью опровергаются показаниями свидетелей Чертуганова, Крестинского, Туманова, Сарафановой и Алехиной, которые подтвердили их на очной ставке с Фирсовой».

Те же выдержки из Указа Президиума Верховного Совета «Об основных обязанностях и правах советской милиции» об условиях применения оружия. И вопреки Указу – вывод следствия о том, что «Борисов А. Б. применил оружие в отношении Энверова М. З. при явном отсутствии права на это. Доводы Борисова о том, что Энверов бросал в него нож, угрожал убийством, намеревался вытащить пистолет, а двое бежавших за ним угрожали ему, голос-

ловны и противоречат материалам дела».

Дойдя до пятнадцатой страницы обвинительного заключения, Борисов наконец столкнулся с неизвестными ему раньше выводами следствия. Так, утверждалось, что «работники милиции пытались склонить к даче ложных показаний не только Фирсову, но и ряд других лиц». Однако в этом ряду оказались лишь Хомяков да Чертуганов, который на допросе у рязанцев всего-то заявил, что на него в милиции «давили», заставляя дать показания о наличии ножа и пистолета у Энверова. Но ответа на вопрос, в чем выражалось давление, в протоколе допроса не было.

«Является необъективным и заключение служебного расследования по факту применения табельного оружия старшим оперуполномоченным Борисовым, составленное должностными лицами УВД. В основу его выводов положены только объяснения Борисова и Фирсовой без учета показаний других очевидцев. Необъективность этого заключения частично подтверждается показаниями авторов этого документа: Шарাপовым, Таракановым и Михальковым».

«Интересно, в чем они это усмотрели?» – подумал Борисов.

Однако запись на следующей странице обвинительного заключения буквально потрясла его. Ретивые следователи, доказывая, что работники милиции склоняли Фирсову и других к даче ложных показаний, писали: «Так, создавая ложные доказательства с целью избежать ответственности Борисова, работник милиции Воропаев и жена обвиняемого Борисова определяли на жительство свидетеля Фирсову, развозили ее на частной автомашине по городу. При очередной такой поездке, связанной с делом Борисова, сержант Воропаев совершил дорожно-транспортное происшествие, в котором получила тяжкие телесные повреждения жена обвиняемого – Борисова Д. М., впоследствии скончавшаяся в больнице. Воропаев уволен из органов милиции и привлечен к уголовной ответственности».

«Это же надо дойти до такого!» – подумал Анатолий. И в его воображении возникло увиденное им в последний раз в больнице лицо жены, с туго перевязанной бинтами головой и глазами, полными слез и тревоги.

«Все связали воедино. Сплели так, чтобы обвинить меня. Не пощадили даже памяти ушедшей из жизни Джамилы. Откуда только берутся такие следователи?»

У него возникло почти непреодолимое отвращение к этому документу и едва сдерживаемое желание уничтожить его, сжечь, изорвать на мелкие клочки, выбросить. С трудом выйдя из этого состояния, он долго сидел, невидяще глядя в вагонное окно, не замечая сутолоки гудевшего голосами вагона...

Уже утром, в общежитии, собрав в кулак волю, он заставил себя взять в руки обвинительное заключение, чтобы наконец дочитать его.

Любопытной показалась Анатолию и характеристика, данная следствием Энверову. Как нечто рядовое, обычное, утверждалось, что во время отбытия наказания в воспитательно-трудовой колонии он совершал мелкие проступки, наказывался в дисциплинарном порядке. Далее, как совсем рядовое событие, отмечалось, что до привлечения к уголовной ответственности работал в лесхозе, по работе характеризуется положительно. В июне 1982 года в группе лиц совершил разбойное нападение в отношении Ульянова и Козлова, находился в розыске. И здесь же продолжалось: «На каких-либо учетах в РОВД не состоял. Комиссией по делам несовершеннолетних не обсуждался».

«Прямо-таки ангел во плоти», – подумал Анатолий.

Но когда дошел до собственной характеристики, то вдруг узнал, что, являясь безупречным работником, «учинял ссоры с женой». Единственная в их жизни настоящая ссора с Джамилей, ставшая по показаниям престарелой соседки достоянием следствия, была тут же положена в основу его отрицательной характеристики в быту.

Поводом для той ссоры послужила необоснованная ревность со стороны Джамили. На следующий день, раз> и навсегда выяснив свои отношения, они помирились. И даже в разговорах между собой никогда к этому не возвращались. «А теперь вот напомнили о самом горьком событии семейной жизни, о котором сами муж и жена давно позабыли. Да... Если с такой бы скрупулезностью копались эти следователи в биографиях настоящих преступников!»

В списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, к своему немалому удивлению, Борисов не обнаружил фамилий Хомякова и Воронова.

«Да, они могут существенно поколебать у суда веру в объективность расследования. Поэтому их допрос в суде для следствия не нужен. А вдруг Хомяк заговорит по-настоящему? Как тогда быть с

неприобщенным своевременно к уголовному делу хомяковским объяснением? Нет, их вызов в суд никак не входил в планы следователей. Так хоть до суда на душе спокойнее. А там уже что суд покажет. И на что рассчитывают? Ведь обвиняемый и его адвокат обязательно заявят ходатайство о их допросе в суде».

Так размышлял Анатолий по пути на службу, подбегая к стоявшему на остановке автобусу.

* * *

Заехав в управление, Борисов передал Ершову запрос суда о вызове свидетелей в Красноволжский суд и направился в райотдел.

– Анатолий, привет! – окликнул его заместитель начальника розыска, никогда не унывающий Василевский. – Приступил?

– Так точно!

– Тогда пошли ко мне. – И уже в кабинете продолжил: – У тебя на участке пока относительно спокойно. Как Соловья с Корытом подобрали, вроде ни одной кражи. Была пара хулиганств да одно мошенничество. С хулиганами Шепилов разобрался, а «фармазона» пока не нашли. Да задержим. У соседей уже три таких. Скоро залетит. А тебе такое поручение. Разбой на Грешнову, цветочницу, помнишь?

– Конечно.

– Так вот. Совершил его Градин, второй пока неизвестен. Информация точная. А задержать его никак не можем. Все ускользает. Бери себе в помощь Ефимова. Изучите все материалы и к вечеру доложи, что намерены делать. А задержать его надо побыстрее. Уже Михальков ругается.

– Ясно.

Прямо в коридоре Анатолий столкнулся с вечно бегущим куда-то Ефимовым. Едва увидев его, тот на ходу бросил:

– Поехали! Градина братъ будем!

Не очень поверив в то, что Ефимов говорит правду, Анатолий все-таки поспешил за ним. Уже на улице попросил:

– Ты хоть толком объясни: куда поехали? Где братъ надо? Сколько их?

– Да только что Грек звонил. Градин в Нежинске объявился, сейчас его видел во втором номере троллейбуса. На физиономии видимые следы царапин. От ногтей цветочницы, наверное. Так

что давай на троллейбусах второго маршрута покатаемся. Может быть, и задержим.

– Попробуем. А где он в Нежинске обитать может?

– Не знаю. Если не задержим, вечером Грек позвонит, у него уточним. Он должен знать.

К концу дня стало ясно, что Градин, проехав куда-то по своим делам на «двойке», исчез. Поиски его оказались бесплодными. Анатолий с самого начала не склонен был верить в успех такой операции. И в который раз за свою службу убедился в том, что кажущийся сиюминутным успех чаще всего оборачивается долгим поиском. Время доклада начальству приближалось, а он едва усадил Ефимова за стол, и теперь они перечитывали оперативные материалы по розыску Градина.

Заслуживающих внимания среди них оказалось немного. Все больше предположения. Может быть, а может не быть там-то. Связей у него выявилось больше чем достаточно. И сейчас из прочитанного документа выписывались эти связи, при наличии – указывались адреса. Фамилий оказалось немного, чаще это были клички или только имена.

Зайдя к Василевскому, они доложили ему план действий и принялись теперь оформлять его письменно. Когда план был почти готов, раздался звонок Грека:

– Ефимыч? Взяли?

– Нет. В троллейбусах его уже не оказалось. Где он может быть наверняка?

– Точно не знаю. Но перед последней сидкой чаще всего к Фекле забегал. На улице Легендарной. Надо чаще этот адрес проверить... Он обязательно туда нагрянет.

– Понятно. Если что-то узнаешь о нем, звони немедленно.

Началась нудная работа по проверке связей.

До этого зашли к Фекле. Обычный притон с голыми стенами, полуоблезлыми обоями, грязными оконными стеклами и неопределенного возраста неопрятной хозяйкой. Разговаривать с ней на тему, где обитает Градин, было бесполезно. Убедившись, что сейчас его здесь нет, пошли по соседям.

Один из них, отставной офицер, семье которого изрядно поднадоели не только хозяйка, но и ее гости, внимательно рассматривал фотографию Градина и в конце концов записал номера телефонов Ефимова и Анатолия, пообещав позвонить, как только

тот появится у Феклы.

Примерно такая же работа была проведена и вокруг других градинских друзей-товарищей. Но никакой информации не поступило. Время шло, начальство беспокоилось, сыщики чувствовали себя не лучшим образом. Докладывать было не о чем.

Около девяти, когда Ефимов еще только открывал дверь кабинета, раздался телефонный звонок.

– Ефимов? Василевский говорит. Срочно на Мира, 16! Только что в квартиру Грека вошел Градин. Поспешайте!

Анатолий и Ефимов не успели войти во двор, как в лоб столкнулись с Градиным. Не ясно, по каким признакам, но он первым определил в них оперативников и, крутнувшись на месте, бросился бежать. Градин бежал тяжело, задыхаясь, и когда Ефимов схватил его в свои объятия, он уже почти падал. Ярый курильщик, в последнее время пристрастившийся к наркотикам, он уже давно не надеялся на свои ноги. От короткой пробежки его лицо еще больше побледнело, а на левой щеке четко выступили розоватые следы ногтей, оставленные Грешновой.

На третьи сутки, опознанный потерпевшей, он с большой неохотой давал показания, категорически отказываясь называть соучастника. По голосу Грешнова безошибочно опознала Грека, как второго соучастника совершенного на нее нападения. В квартире Грека были обнаружены две самодельные маски.

* * *

Команда свидетелей из УВД области по делу Борисова выехала из Нежинска в одном вагоне с обвиняемым. Настроение у всех было не из лучших. Но хуже других было оно у Анатолия. Он испытывал к тому же и чувство неловкости из-за того, что по его вине отвлечены от работы большие начальники областного управления. Немного утешало лишь то, что утром они должны быть в Красноволжске, а там до послезавтрашнего утра могут и не увидеться. Разговор не клеился. Да и говорить-то было не о чем. Сказывались необычность поездки по судебным делам, да еще в другую область, и, очевидно, разношерстный состав ее участников.

Анатолий всю ночь ворочался на полке, просыпаясь на каждой остановке. Утром поднялся раньше других в вагоне и теперь, гладко выбритый, стоя в коридоре, ожидал, когда поднимутся его

попутчики.

Все вместе они засвидетельствовали в суде свое прибытие в Красноволжск и определились в гостиницу.

На следующий день начался третий по счету процесс.

Заняв место на скамье подсудимых, Анатолий внимательно всматривался в зал. На отведенном месте, ободряюще глядя на подсудимого, усаживался адвокат. За столом напротив, основательно обложившись бумагами, восседала довольно миловидная женщина в прокурорском мундире. «Так вот кто будет поддерживать обвинение...» Сначала это показалось ему необычным. Женщина – государственный обвинитель... И сразу вспомнилось, что первым человеком, взявшим на себя мужество положить начало объективному рассмотрению его дела, тоже была женщина... В этом ему очень захотелось увидеть доброе предзнаменование...

– Прошу встать! Суд идет!

Теперь перед глазами Анатолия сидели судьи, в чьих руках была не только его судьба, но и судьба Наташки. Прощаясь с ней перед отъездом в Красноволжск, он, не будучи твердо уверен в благополучном исходе процесса, все же сказал:

– До встречи, доченька!

На традиционный вопрос председательствующего о своей виновности ответил:

– Виновным себя не признаю.

Пошли допросы подсудимого, потерпевшего, свидетелей, экспертов... На сей раз никаких расхождений в их показаниях на предварительном следствии и в суде не было.

Женщина-прокурор Сметанина без особого энтузиазма задавала одни и те же вопросы свидетелям обвинения: Чертуганову, Крестинскому, Туманову, Сарафановой, Алехиной.

– Вы утверждаете, что подсудимый Борисов смертельно ранил Энверова первым выстрелом?

На этот вопрос тут же следовал утвердительный ответ каждого из компании.

Затем Сметанина каждого из них просила ответить, почему их показания противоречат заключению судебно-баллистической экспертизы, научно утверждающей, что Энверов погиб не от первого выстрела. Черт нагло заявлял:

– Как было, так и показываю. Че мне ваша испиртиза...

Сарафанова и Алехина, словно сговорившись, недоуменно

пожимали плечами, поочередно переводя свои встревоженные взгляды с конвойных на своих недавних друзей-товарищей.

Понимая, к чему клонит прокурор, Крест отбивался, как мог:
– Экспертиза тоже ошибается!

Анатолию на какое-то время показалось, что прокурор-умница своими вопросами постепенно загоняла эту компанию в угол. Опасаясь преждевременного ликования по этому поводу, он напряженно вслушивался в задаваемые ею вопросы. Еще не совсем понимая позицию государственного обвинителя в этом процессе, Борисов подумал, что ее вопросы в какой-то мере перекликаются с теми, что на предыдущих задавались адвокатом. И он, пока безуспешно, пытался найти объяснение этому.

Свидетельствовала Светка Фирсова. Слушая ее непохожую на предыдущую речь, Анатолий все больше удивлялся происшедшим в ней добрым переменам. И, переведя взгляд с нее на прокурора, к удивлению, заметил, что и представитель обвинения с интересом и вниманием слушает Светку.

Почувствовав на себе внимательные взгляды официальных лиц и плохо скрываемую ненависть своих бывших приятелей, Светка, подобно профессиональному оратору, заканчивала:

– Считаю, что Борисов не должен находиться на скамье подсудимых! На ней место этих подонков! – И, гневно сверкнув глазами в их сторону, замерла, завершив этими словами свои показания.

В зале судебного заседания на какой-то миг воцарилась тишина. Первым из состояния оцепенения, в которое Светка привела всех присутствующих, вышел председатель Апухтин.

– Есть вопросы у прокурора?

– Нет.

– У защиты?

– Нет.

Следующими в процессе допрашивались те, кто проводил служебное расследование.

Аргументированные ответы сослуживцев Анатолия на вопросы председательствующего, прокурора и адвоката все больше и больше вселяли в Анатолия уверенность. Но, опасаясь хоть на долю секунды поверить в кажущееся еще вчера невозможным, он тут же отгонял от себя эти мысли.

В ходатайстве адвоката о вызове в суд свидетелей Воронова и Хомякова Апухтин отказал еще в первый день процесса. Но се-

годня не задававший до этого вопросов и не заявлявший ходатайств адвокат вдруг активизировался...

– Товарищи судьи! Защита убедительно ходатайствует и, если хотите, настаивает на оглашении в судебном заседании показаний свидетеля Воронова, а также объяснения и показания свидетеля Хомякова.

И он назвал номера листов и томов дела, в которых они были помещены.

Апухтин, казалось, лишь обменявшись поочередно взглядами с заседателями, спокойно объявил:

– Посовещавшись на месте, суд считает возможным па ходатайству защиты огласить содержащиеся в деле документы.

Анатолию казалось, что, выслушав содержание допросов и объяснение Воронова и Хомякова, прочитанные Апухтиным, все находившиеся в зале с плохо скрываемым любопытством смотрели на судей, прокурора, адвоката, свидетелей и очнувшегося наконец от дремоты представителя потерпевшего.

Значительное время своей речи защитник отвел правовому анализу возникшей более двух лет назад ситуации на территории Нежинского областного противотуберкулезного диспансера. Из его слов становилось ясно, что оружие Борисов применил правомерно. В подтверждение этого он сослался на заключение судебно-баллистической экспертизы, показания своего подзащитного, подтвержденные свидетелем Фирсовой, не преминул подчеркнуть ее гражданское мужество и твердость жизненной позиции.

Выслушав эти похвалы в свой адрес, Светка, сидевшая в одиночестве во втором ряду, еще больше приосанилась и приняла совсем независимый вид.

Затем последовал скрупулезный анализ показаний свидетелей обвинения. Казалось, беспристрастный прежде сухарь-буквоед, он камня на камне не оставил от показаний тех, кто свидетельствовал против его подзащитного умело подтвердил свои выводы тем же заключением судебно-баллистической экспертизы, утверждавшей, что Энверов убит не первым выстрелом.

Подводя итог этой части своего выступления, он прямо заявил:

– Защита считает, что свидетели по настоящему делу Чертуганов, Туманов, Крестинский, Сарафанова и Алехина во время расследования дела, а равно и в период судебного следствия своими ложными показаниями мешали объективному ходу следствия, за

что каждый из них подлежит уголовной ответственности.

Услышав эти слова защитника, сидевшие рядом Сарафанова и Алехина заметно для окружающих прижались друг к дружке. Алехина, играя на публику, даже пыталась выдавить из себя нечто похожее на всхлипывания.

Не обращавший на них внимания адвокат продолжал:

– Наконец, хотелось бы обратить внимание суда на явно тенденциозный характер проведенного расследования. Судите сами. Находясь в плену версии, выдвинутой с самого начала Чертугановым и другими, следствие шло у них на поводу. Более того – использовало этих уголовников для запугивания, вплоть до избияния ими свидетеля Фирсовой, добровольно явившейся в Советский райотдел в первые дни после случившегося и давшей правдивое объяснение. И добились (я подчеркиваю это) с помощью недопустимых методов, что в конечном счете и она оказалась в числе свидетелей обвинения.

Явная тенденциозность следствия просматривается и в следующем. Внимательно вчитайтесь в строки обвинительного заключения, в которых следствие характеризует Борисова и Энверова. В нем как бы мимоходом упоминается, что «во время отбытия наказания в воспитательно-трудовой колонии он совершал мелкие проступки, наказывался в дисциплинарном порядке», «до привлечения к уголовной ответственности работал, характеризовался положительно. В июле в группе лиц совершил разбойное нападение, находился (всего-то) в розыске. На учетах не состоял». Не стоит, пожалуй, цитировать дальше. Хотя ясно, что помимо других учетов, есть учет тех, кто имеет судимость.

И о моем подзащитном. Исключительно положительные характеристики по службе как будто не существуют. Единственная же ссора с женой преподносится, как «учинял с пей ссоры».

Исходя из сказанного, защита считает, что подзащитный, действуя в соответствии с законом и своим служебным долгом, оружие применил правомерно. В связи с этим он подлежит оправданию, а дело – прекращению за отсутствием состава преступления! Спасибо за внимание!

Едва сев на свое место, он тут же стал вытирать платком обильно струившийся по лицу пот.

«Это – скорее от напряжения. Жары-то вроде нет», – успел подумать Анатолий, как тут же услышал голос председателя суда

Апухтина:

– Подсудимый, вам предоставляется последнее слово!

– Не считал и не считаю себя виновным. Прошу суд вынести оправдательный приговор!

И суд удалился на совещание. Время тянулось медленно. Нежинцы хотели знать, чем закончится этот процесс. Им не хотелось оставлять Борисова одного в обстановке тягостного ожидания. Чтобы скоротать время, Тараканов предложил пообедать в местном ресторане. Кто-то пытался отговорить, высказывал мысль о том, что приговор может быть написан быстро и не будет здорово, если при вынесении приговора не окажется подсудимого. Взвесив, казалось, все за и против, единогласно решили: «Идем».

Откровенно говоря, Анатолию было не до обеда. И вместе с этим он чувствовал себя неловко. Старшие товарищи не оставили его в самые критические часы перед вынесением приговора. И эта их поддержка словом и молчаливым сопереживанием казалась ему не просто солидарностью товарищей по оружию, а чем-то неизмеримо большим.

И сейчас, сидя за одним столом с этими выдавшими виды сыщиками, он испытывал чувство огромной благодарности к ним. В свою очередь, понимая его внутреннее состояние, они старались лишний раз не напоминать о поводе, который собрал их за этим столом в уютном, чистеньком провинциальном ресторане. Словно сговорившись, они наперебой рассказывали какие-то смешные истории, перемежая их безобидными анекдотами. И в меру громко дружно смеялись.

И только когда Шаранов наполнил фужеры каждого прохладным искристым лимонадом, Михальков по праву старшего внимательно посмотрел на Анатолия и, подняв; фужер, тихо произнес:

– За справедливость на земле!

Скрытый смысл этого тоста понял каждый из сидящих за столом.

Странно. Даже глядя на уплетающих обед своих товарищей, Анатолий не ощущал голода, есть не хотелось. И он лишь для приличия поорудовал ложкой и вилкой, поочередно отодвинув от себя тарелки с первым и вторым. Без всякого удовольствия выпил компот и, убедившись, что курить не запрещено, задымил сигаретой. Вскоре его примеру последовали остальные. Никогда не

куривший Шаранов, не желая выглядеть белой вороной, неумело держал в пальцах дымящуюся сигарету. Брошенный украдкой взгляд Анатолия на часы перехватил Ершов и спросил:

– Не пора ли нам пора?

Рассчитавшись, они всей компанией, не спеша, направились к зданию суда.

В зале было пусто. Заглянув в кабинет секретаря судебного заседания, Тараканов объявил:

– Совещаются!

Толкаясь без дела по судебным коридорам в ожидании приговора, они уже не шутили. Напряжение нарастало, курить надоело, разговор не клеился. Сидя на стоявшей в коридоре скамье, каждый из них думал о происходящем там, за дверями совещательной комнаты. В меру собственного воображения пытался представить разворачивающиеся перипетии и их финал.

Вдруг Шаранов почувствовал резкий запах водочного перегара и, подняв глаза, увидел, что напротив них, рассматривая поочередно каждого в упор, стоит отец Энверова. Из-за его спины выглядывал неотступно находившийся с ним рядом парень лет двадцати двух. По его блестящим глазам и порозовевшей физиономии можно было с уверенностью предположить, что и он приложился к рюмке.

Анатолий интуитивно почувствовал, что сейчас от них можно ожидать любой выходки. Конфликт в здании суда в преддверии вынесения приговора ему никак не был нужен. «Нервы и так на пределе», – подумал он. Молча поднявшись, направился в противоположный конец коридора. Выйдя на лестничную площадку, без обычного желания закурил, углубившись в свои размышления. Из этого состояния его вывели услышанные им чьи-то не совсем уверенные шаги снизу. Едва подняв глаза, он в трех шагах от себя увидел приближающегося к нему спутника Энверова-старшего. Держа обе руки в карманах брюк, он надвигался на Анатолия.

– Ну что, мент поганый, дострелялся? Всех бы вас на одном суку... Не простим, падлюка!

«Ну вот, началось», – лениво подумал Анатолий. – Опять эти штучки. Только в суде этого и не хватало».

Сделав два шага назад, он ощутил спиной стену. Профессионально скользнув взглядом по рукам в карманах надвигавшегося

на него парня, определил: «Пусто, спяну рисуется».

Отступить было некуда, криком звать на помощь своих было неловко. Еще больше не хотелось уступать этому подонку. Времени на принятие решения уже не было. И Анатолий скорее инстинктивно, чем осмысленно, сильным ударом в лоб остановил его.

Больше от неожиданности, чем от силы полученного удара, парень, мыча, замотал головой.

«Сейчас заорет или полезет драться», – промелькнула мысль у Анатолия. И он внутренне уже приготовился к потасовке.

Однако вопреки этим ожиданиям, тот, ошалело вращая глазами, развернулся и молча начал спускаться по лестнице.

Не успев подойти к своим, продолжавшим сидеть на прежнем месте, Анатолий услышал, как девушка-секретарь из двери своего кабинета объявила:

– Подсудимый Борисов, пройдите в зал!

Не задержавшись возле своих, он решительно переступил порог зала судебных заседаний.

– Встать, суд идет!

Взявшись на всякий случай одной рукой за барьер,, побледневший Анатолий стоял у скамьи подсудимых, пытаясь по лицам Апухтина и народных заседателей определить свою судьбу...

В проходе, ближе к первым рядам, ухватившись руками за спинку скамьи, едва стоял на ногах Энверов-старший, безуспешно пытавшийся выглядеть трезвым. Сопровождавшего рядом с ним не было.

У своего стола занял место адвокат. Прямо у дверей кучкой стояли нежинцы. Только теперь Анатолий сообразил, что нет конвоя. Но он мог быть в любом из кабинетов.. И по первому зову председательствующего объявиться в зале...

– Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, – зазвучал в зале голос Апухтина.

Анатолий крепче ухватился рукой за барьер.

– Борисов на предварительном следствии и в судебном заседании виновным себя не признал и показал, что при задержании разыскиваемого опасного преступника оружие он применил вынужденно, так как его жизнь была в опасности. В частности, Энверов применил нож, пытался применить оружие и призывал своих дружков стрелять в работника милиции, – спокойным голосом

оглашал приговор председательствующий.

– Суд, выслушав подсудимого, свидетелей, исследовав материалы дела, считает, что нет достаточных доказательств, опровергающих доводы подсудимого о правомерном применении им оружия при задержании опасного преступника, находящегося длительное время в розыске за совершение им тяжкого преступления с применением оружия, о чем был осведомлен Борисов.

Суд считает, что при таких обстоятельствах подсудимый действовал в соответствии с требованиями Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции», считающего правомерным применение оружия для «отражения нападения на работника милиции, когда его жизнь подвергается непосредственной опасности, и для задержания преступника, когда другими способами и средствами задержать преступника невозможно». Поэтому Борисов должен быть оправдан.

При этом суд учитывает, что на протяжении всего времени работы в милиции он характеризуется исключительно с положительной стороны, за что неоднократно поощрялся, в том числе ему досрочно присваивалось специальное звание, и в настоящее время работает в органах милиции в должности оперуполномоченного уголовного розыска... приговорил:

Борисова Анатолия Борисовича по статье 103 и части 3 статьи 171 УК РСФСР оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления. Мэру пресечения – подписку о невыезде отменить.

Приговор может быть обжалован и протестован...

В притихшем зале раздались сдержанные хлопки нежинских сыщиков...

* * *

Заседание бюро Нежинского обкома партии подходило к концу. Слушалось дело капитана милиции Борисова о восстановлении его в рядах КПСС.

После изложения существа рассматриваемого вопроса седой секретарь Алексеев задал Анатолию единственный вопрос:

– Если еще раз придется оказаться в подобной ситуации, вы примените оружие?

– Непременно, – взволнованно ответил Борисов.

Союз Советских Социалистических Республик

Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению